

THE NEW

Doctor
WHOO

ADVENTURES

SET PIECE
KATE ORMAN

ДОКТОР КТО

ЭПИЗОДЫ

Кейт Орман

Книга из серии «Новые приключения»

NA-35

New Adventures

Перевод ssv310

Введение

— Вы удобно сидите? Тогда начнём.

Давным-давно, могущественный и мудрый генерал Сунь-Цзы сделал Императору Китая необычное предложение. Сунь-Цзы заявил, что он настолько мудр и всемогущ, что может сделать солдатом кого угодно, каким бы слабым и глупым ни был обучаемый. Да даже из гарема Императора можно сделать гвардейский отряд.

Император, рассмеявшись с заявления генерала, приказал своим ста восьмидесяти женищинам явиться на военные уроки Сунь-Цзы. Генерал выстроил женищин во дворе дворца и начал учить их, как правильно реагировать на военные барабаны. Один удар означал, что они должны стать смирно, два — что нужно повернуться направо, три — налево.

— Нет, нет, нет. Это действительно имеет отношение к делу.

Закончив объяснять, Сунь-Цзы подал знак начать тренировку. Но как только раздался стук барабанов, куртизанки начали смеяться.

Сунь-Цзы, сумев сохранить спокойствие, снова всё объяснил им. Снова раздался стук барабанов. И снова гарем покатился со смеху.

По-прежнему сохраняя спокойствие, Сунь-Цзы заявил, что куртизанки нарушили военный закон, и что в наказание он казнит любимых наложниц Императора.

Он собственным мечом отрубил головы двум принцессам.

И после этого, когда раздался стук барабанов, наложницы молча начали маршировать.

Да, я закончил.

А теперь скажите мне: какова, по вашему мнению, мораль этой истории?

Часть первая

Колесование бабочки

Wa-ma yinub al-mukhallis illa taqti' hidum-uh.

*Всё, чего добьётся вмешивающийся — одежду свою
порвёт.*

Арабская пословица.

Глава 1

Начальные условия

Беги! Беги! Беги со всех ног!

*Вам не поймать меня, я Хлебный Человечек!*¹

Народное творчество.

Мисс Кохен вспоминала.

Всё началось с шипения. Оно становилось всё громче и громче, оно пронизывало темноту, жаливший поток шума давил на её глаза и уши. Её губы и пальцы ног начали ощущать холод.

Это было первое, что она вспомнила.

Она моргнула наполовину слипшимися от инея веками и посмотрела наружу сквозь запотевшую искривлённую стену, сделанную из какого-то прозрачного, грубого на вид материала. Холодная жидкость искрилась, синий свет переломлялся в ней ледяными радугами. Её глаза были направлены на одну из капель, которая росла, набухала, и в конце концов скользнула по стеклу вниз.

А когда мышцы её глаз оттаяли, она сфокусировалась сквозь капли, сквозь стены, и увидела Муравья.

¹ Хлебный Человечек (Gingerbread Man) — персонаж англоязычных сказок, который подобно Колобку сбегал от тех, кто хотел его съесть.

Мисс Кохен издала замёрзший крик.

Затем дверь начала открываться.

На мужчине была униформа из толстой серо-коричневой ткани, а на голове у него была фуражка. У него было незапоминающееся лицо, очень светлые волосы. Он вынул её из капсулы холодильника и отвёз в медицинскую лабораторию. Он проверил её кровяное давление, её рефлексы, функции печени. А затем он оставил её в окружении блестящих зелёных стен, похожих на внутренность огромного перца. Он не сказал ни слова.

Мисс Кохен завернулась в серебристое тепло-отражающее одеяло, дрожа от холода и страха. Ей хотелось выпить какао. Ей хотелось знать, где она и что с ней будет. Она могла думать только о зефире, о белых сладких облаках, всплывающих на поверхность.

Мисс Кохен вспоминала «Кортезе».

Звёздный лайнер мчался со скоростью, превышающей световую в восемь раз, вселенная искривлялась вокруг его корпуса. Для тех, кто хотел посмотреть на релятивистские эффекты, была наблюдательная палуба, на которой туристы принимали звёздные ванны, вели досужие споры о физике и видели то, что они потом не смогут описать своим внукам.

Мисс Кохен проводила время за чтением и компьютерными играми. Один из её соперников посмеивался, говоря, что она не поняла главный смысл этого путешествия. «Если не хотите смотреть на гиперпространство», — сказал он, — «надо было брать

дешёвый билет на корабль-морозилку. Зачем переплачивать?»

Но мисс Кохен боялась анабиоза так же сильно, как и гиперпространства. Она была вынуждена отправиться в командировку, но она не была обязана получать от путешествия удовольствие, да и вообще, билет оплатила корпорация. Поэтому она оставалась в глубине корабля два месяца, пока скука и уговоры других пассажиров не заставили её выйти на палубу.

«Кортезе» был последним словом по части роскоши. А как иначе, если путешествие могло занять полгода? Полы были устланы коврами, стены увешаны видеоэкранами и настоящими картинами. Мисс Кохен могла представить, что она находится в офисном здании на Терре Фирме (и чем твёрже, тем лучше, ха-ха). Но этому пришёл конец, когда перед ней со вздохом раздвинулись двери на палубу.

На мгновение она задержалась в дверях, пока её глаза привыкали к более яркому свету. В воздухе мелькали и прыгали голографические видеоигры. Случайным образом повсюду группировались шезлонги. От бассейна олимпийского размера доносился запах хлорки.

Это был пляж, пятикилометровый пляж без песка. Люди вокруг были типичными пляжниками, подвыпившими и бесцельно шатающимися. Что было вполне нормально. В отличие от открывавшегося вида.

Потолок и одна из стен палубы наблюдения были прозрачными. Казалось, что вся палуба открыта космосу. Мисс Кохен таращилась на гиперпространство до тех пор, пока не подумала о том, как она выглядит со стороны.

Никого, кроме неё, этот вид так не волновал. Моргая, она пошла в толпу.

Это было всё равно как прыгнуть с утёса, а на дне обнаружить матрас. Гиперпространство было просто чёрной размытостью, даже звёзд не было. Но если смотреть на него долго, начинаешь замечать... чернота имеет свои оттенки, что-то вроде... размытостей и скачков и... У мисс Кохен не было слов, чтобы описать это, поэтому она перестала смотреть туда.

Она поплавала, поучаствовала в игре «шаффл», выпила со знакомыми коктейль. Она жалела, что рядом не было друга, с которым она могла бы обсудить свою работу. Она даже не могла следить за журналами: периодика пересылалась медленнее, чем двигался этот корабль. После прибытия придётся много навёрстывать.

Стоя с бокалом мартини, она медленно осматривала людей, пытаясь найти хоть одну запрокинутую голову. Никого. Когда кто-нибудь придумает, как делать открытки с неевклидовыми изображениями, пассажиры вообще приходить сюда перестанут. На всех пяти километрах пляжа она нашла всего лишь одного мужчину, который смотрел на небо.

Видел ли он другой корабль, бросившийся к ним со скоростью, в тридцать два раза выше световой?

По мере того, как по кораблю распространялся слух, на палубе собиралось всё больше людей. В гиперпространстве была длинная полоса света, словно размазанная линия на школьной доске. Это было красиво: летящая за ними сквозь ночь комета из мишуры.

Не было ни объявлений, ни сирен. Лишь что-то дёрнулось у неё в животе, когда они вернулись в обычное пространство. А второй раз дёрнулось, когда она увидела зависший над их палубой огромный корабль, на фоне которого «Кортеше» казался карликом. Он не был похож на корабль. Его форма была изогнутая, неправильная. Он казался живым.

Она была одной из тех, кому хватило ума убраться с палубы наблюдения. Когда другой корабль врезался в смотровую стену, тысячу людей выдуло в космос.

Час спустя отказала система жизнеобеспечения. Последнее, что он помнила: она пряталась у себя в каюте под кроватью, её голые руки начинали примерзать к полу.

Его звали Майер. Его униформа была мятая и грязная. Она удобно сидела на нём, словно он носил её уже сотню лет.

— Муравьи, — объяснял Майер, — это сборщики. Некоторые расы странствуют по Галактике, собирая минералы, рабов или экзотическую пищу. А муравьи собирают разумы. Это моя гипотеза. Всё, что нам известно: они отсасывают знания и мысли, и используют их для создания новых муравьёв.

Один из муравьёв наблюдал за ними. Он был ростом метр двадцать в холке, и был сделан из какого-то зеркального металла, серебристый с бронзовыми деталями. Его безглазая голова была оснащена антеннами и шарнирными инструментами, которые сгибались и вращались, как оживший швейцарский армейский нож.

Почему он был металлическим, если его корабль был живой плотью?

— На обломках «Кортесе» муравьи собрали пятьсот шесть человек, — сказал Майер. — Они сейчас в холодном хранилище. Тридцать девять уже обработано, и обработка продолжается.

У мисс Коган голова кружилась от вопросов, которые она боялась задать. Это для этого вы меня разморозили? Кто-нибудь знает, что вы этим занимаетесь? Почему вы им помогаете? Это вы сделали муравьёв? Или вы на них работаете? Что происходит с теми, кого обработали? Почему я? Почему это происходит со мной?

Поскольку она молчала, Майер продолжил:

— Нам нужна ваша помощь с субъектом 24, — сказал он. — Мы знаем, что вы невролог. Если вы поможете нам обработать 24, мы вас не убьём.

Почему это происходит со мной? Почему вам нужна моя помощь? Откуда мне знать, что вы выполните своё обещание?

— В чём состоит процесс обработки? — спросила мисс Кохен.

В космическом корабле было полно муравьёв, они бегали по текстурному полу, на их металлических телах сверкали блики от люминесцирующих вен корабля. Были ещё мужчины и женщины в такой же униформе, как у Майера. Он тоже пленник, как и она? Может ли она заключить сделку, чтобы прожить так же долго, как и он?

Ей тоже выдали униформу, бежевую с длинными рукавами, как у Майера, но чистую и без фуражки. И вот она бежала за ним по коридорам, мимо грубых стен, построенных из огромных продолговатых клеток, покрытых плотной органической оболочкой.

Этот материал был прохладный на ощупь — растение, не животное. Даже экраны компьютеров были живыми мембранами неправильной формы, на которые изнутри проецировались инопланетные символы.

Пока Майер задержался, чтобы поговорить с другим наёмным рабочим, она рассматривала бабочку размером с её кулак, которая ползла по стене. Подойдя поближе, она разглядела металлический отлив на её крыльях и крохотные инструменты, встроенные в голову. Бабочка чинила повреждённые органические цепи: разворачивала свой хоботок и опускала его в щель в материале стены.

Корабль был устроен экономно: бублик, разделённый на секции. Компьютерное помещение, зона обработки, холодное хранилище, причал шаттлов, кухня, обычные хранилища. Все они соединялись друг с другом короткими низкими узкими коридорами. Это была муравьиная ферма, не рассчитанная на жильцов-людей.

— А откуда эти муравьи?

— Мы не знаем, — сказал Майер. — Они этим уже давно занимаются. В компьютере тысячи инопланетных разумов.

— Они там до сих пор живы?

Майер пожал плечами:

— Обработка изымает воспоминания, информацию, мысли. Но по частям. Разум целиком не хранится.

— А что вы делаете с... что вы делаете с субъектами после обработки?

— Мы не храним разум целиком, — снова сказал Майер.

Они подошли к одной из сдвигающихся панелей бледного цвета, обозначавших двери. Она была похожа на кусок толстой кожи, натянутый поперёк дверного проёма, на ней был сложный нарост из органов управления. За дверью стояли ещё двое наёмников, один курил сигарету с логотипом «Кортесе», а вторая сидела на полу спиной к стене и смотрела на дверь. Мисс Кохен увидела, что нарост органов управления... болтается? Сломан?

Майер сказал:

— Нам его три раза приходилось заменять.

Он дотронулся до панели, и дверь отодвинулась в сторону. За порогом было дрожание, как воздух над раскалённым асфальтом. Майер сделал с панелью ещё что-то, и силовой экран исчез.

Она ожидала чего-то другого. Чего-то большего, какого-то героя, дерзко сопротивляющегося своим пленителям, а не жалкий комок под серебристым одеялом. Субъект 24 свернулся калачиком посреди комнаты, уставившись в пространство.

Она вздрогнула, узнав в нём мужчину, который глазел в гиперпространство.

Мисс Кохен вспоминала.

Он держал в руке стакан газированной минеральной воды. Он лежал на шезлонге, набросив на ноги одеяло и глядя на прозрачную стену. Время от времени он подносил стакан к губам, не отрывая взгляда от вида за стеной.

Какое-то время она наблюдала за ним. К нему подошла женщина, они обменялись парой фраз. На мгновение женщина подняла голову, чтобы проследить за его взглядом. На ней была красная куртка, которую мисс Кохен видела тем утром в магазине корабля, когда коротала время, разглядывая витрины.

И вот он здесь, в пустой комнате яйцеобразной формы. Нет, тут было что-то вроде койки, углубление в органическом материале стены, что-то вроде туалета в углу... но он сидел посреди камеры, уставившись в никуда. Ни на чём не сфокусировавшись. Он даже не знал об их присутствии.

Майер дал ей ручной сканер. Этот аппарат был с «Кортеше», но муравьи его изменили. Металл и пластик слились с завитками целлюлозы. Сбоку на мониторе было три выроста, сухие наощупь.

Номер 24 был просканирован сразу после разморозки. Она использовала эти изначальные данные для калибровки ручного сканера. Затем она опустилась на колени, метрах в трёх от него, и включила аппарат.

— Вы понимаете, что он не человек? — спросила она.

Майер проворчал:

— Муравьи обработали десятки разных видов. Но на таких как он ни разу не натыкались.

Мисс Кохен перевела взгляд с попискивавшего сканера на 24. На нём была такая же униформа, как и на наёмниках муравьёв. Вокруг его глаз и рта были морщинки; судя по ним, это лицо много улыбалось. Сейчас он не улыбался.

— Сколько раз вы пробовали его обработать?

— Семнадцать.

— Что?

— Нет, восемнадцать, включая сегодняшнее утро. Как он?

Она встала и повернулась к Майеру:

— Он истощён, обезвожен и плохо питается. Объём крови низкий. Очень большие подкожные гематомы, особенно на спине. Левая плечевая кость надломана, как будто кто-то пытался её сломать голыми руками.

Майер не отводил глаз от её обвиняющего взгляда.

— Я имел в виду, как его голова?

— Это штука мало говорит о его психологическом состоянии. Мне нужно сделать энцефалограмму и ещё некоторые анализы. И мне нужно будет знать всё.

— Всё?

— Об обработке. О компьютере. Плюс, — сказала она, и её голос дрогнул, когда она поняла, как это звучит, — плюс я хочу, чтобы он полностью выздоровел до того, как мы будем делать с ним что-нибудь ещё.

Майер продолжал смотреть на неё. Она снова взяла сканер и осмотрела данные на его экране. Наконец он сказал:

— Сколько это займёт времени?

— Не знаю, он же не человек. Но он в плохом состоянии. Если вы не хотите его сразу убить, ему нужно время на восстановление. И медицинская помощь.

Один из охранников выругался, ударил ногой по стене, и кожа треснула от удара. Майер вздохнул:

— Вы понимаете, что это значит? Нам придётся установить в лаборатории силовые щиты. И мне придётся организовать там круглосуточную охрану. У нас и так дел полно с новыми людьми.

— Силовые щиты и охрана? — спросила мисс Кохен. Она указала сканером на усталую фигурку на полу. — Для него?

— Вы не понимаете, дамочка, — сказал Майер. — Это Хлебный Человечек.

— Как долго я пробыла в холодильнике?

— Около месяца. А что?

Майер проверял подготовку медицинской лаборатории. Они вырывали из стен куски живой ткани и имплантировали туда липкие кубы живых приборов. От пульсирующих в стене клеток и вен (а ещё от запаха свежескошенной травы) содержимое желудка мисс Кохен просилось наружу. Она присела на край топчана — большой плиты из растительной ткани — и закрыла глаза.

— А что насчёт него?

— Может, неделю. Мы обрабатываем по два-три субъекта в день. Вы, наверное, захотите посмотреть на процесс.

— Наверное, — слабым голосом сказала мисс Кохен.
— А насколько много вам реально известно о муравьях?

— Они мало рассказывают. Мы просто делаем что нужно.

— Откуда они изначально? Кто их создал? Почему они это делают?

Майер покачал головой, словно вытряхивая из ушей её вопросы.

— Мне кажется, что муравьи были людьми, они поместили себя в тела роботов, — он пожал плечами. — Какая разница, как долго он был заморожен?

— Холод мог повредить его нейрорецепторы. Или после ваших восемнадцати попыток обработки в его голове уже нечего читать. Раньше вы уже когда-нибудь сталкивались с такой проблемой?

— Ни из-за кого у нас раньше не было столько проблем. Иногда приходится стукнуть их два-три раза, чтобы успокоить. Иногда мы используем успокоительное или электрошок.

— Или немного «физической терапии».

— Да, — усмехнулся Майер.

Лицо у него было небритое, в бледно-зелёном освещении его цвет был противный.

— Я не хочу, чтобы вы применяли такого рода терапию к этому субъекту, — сказала она, удивляясь жёсткости своего голоса. — Я хочу, чтобы он был в как можно лучшей форме — как можно ближе к тому состоянию, в котором он был сразу после разморозки.

Майер пожал плечами.

— Не нужно применять к нему силу.

— Дамочка, вы всё ещё не понимаете. Вы думаете, мы каждому субъекту предоставляем обращение по высшему классу? Охрану, щиты, прочее?

Он закончил проверять системы безопасности лаборатории. Затем сел на топчан, и ей пришлось подвинуться.

— Субъект 24 был разморожен девятнадцать дней назад. За это время он сбегал двадцать шесть раз.

Мисс Кохен заморгала, не понимая.

— Расталкивал охранников. Взламывал двери. Отключал силовые поля. Открывал замки. Вы знаете, что он выбирался даже из капсулы холодильника? Мы поверить этому не могли, он же должен был замёрзнуть там! Куда бы мы его не запирали, он каким-то образом выбирается. Он словно волшебник.

— И таких проблем у вас раньше тоже не было?

— Нет. Так что я не могу дать слово, что рабочие будут с ним ласковы. Один раз он чуть не убил двоих из нас.

— Серьёзно?

— Меня и Грёневегена. Мы нашли его на причале шаттлов, с чьим-то ружьём. У него было преимущество, ему было бы просто пристрелить нас и захватить один из шаттлов. Некоторые из шаттлов способны двигаться быстрее света, он бы быстро спасся.

— Но он этого не сделал.

Майер снова пожал плечами:

— Наверное, он не знал, как пользоваться оружием.

Они привезли номер 24 в лабораторию пристёгнутым к металлическому столу на колёсах. Должно быть, стол взяли с одного из ограбленных кораблей, возможно, с «Кортесе». Майер толкал стол, а за ним шли трое вооружённых охранников. 24 не обращал на это внимания. Как и на мелькавший над ним потолок.

— Хорошо, — сказала мисс Кохен, стараясь придать голосу деловой тон. — Положите его на топчан.

В живое вещество топчана были грубо имплантированы металлические скобы. Трое охранников подняли 24 на плиту и защёлкнули скобы вокруг его запястий и щиколоток. Это выглядело как подготовка к расчленению. Мисс Кохен не знала, как долго ей удастся сдерживать тошноту.

— Не могу себе представить, что он может встать и уйти, — сказала она Майеру.

Наёмник лишь кисло улыбнулся и утёр кепкой лоб. Он сел на пол, положив ружьё на колени.

— Грёневеген, Колдвелл! Ваша смена первая. И никому в этот раз не спать!

— Даю ему четыре часа, — сказал Грёневеген.

— Готов поспорить, что он сбежит за два, — сказал, закрывая дверь, Колдвелл.

Раздался низкий гул — включилось силовое поле.

Мисс Кохен отстегнула левую руку своего пациента от топчана. Майер зорко следил, но рука была безвольная, ладонь прохладная и мягкая, расслабленная. Когда она ощупывала перелом, он не дёрнулся, не поморщился.

Диссоциация? Кататония? Глубокий шок? Зонды психики, которыми пользовались в полиции, часто приводили к таким симптомам, из-за чего их в конце концов и запретили. Или это могло быть связано с его диетой, или с каким-то лекарством, которое ему нужно было принимать. Что бы это ни было, он абсолютно не осознавал происходящее с ним. Возможно, так для него даже лучше.

Но побеги — вот это уже не укладывалось в норму. Какая-то часть его разума всё ещё работала, выжидала возможности, решала задачи. Возможно, это разновидность обсессивно-компульсивного невроза. Она поймала себя на том, что сочиняет аннотацию для статьи.

Она ввела ему в вену иглу капельницы, надеясь, что её предположения о химии его крови верны. Майер сказал, что с тех пор, как его сюда доставили, он ничего не ел. Он не ел у них на глазах, даже если речь шла о скрытой камере, и он не ел, когда в еде были препараты. Каким-то образом он знал о них.

При помощи одного из аппаратов муравьёв она залечила его перелом. Ещё один образец адаптированной земной технологии, упрощённый и улучшенный. Сколько человеческих душ?.. Они явно умели применять полученные знания по назначению.

Устройство тихо гудело, когда она медленно вела им вдоль его руки, наблюдая на экране, отображающем подкожные структуры, как залечивается перелом. Она жалела, что машина не могла ей так же чётко показать его сознание.

Она аккуратно положила его руку на топчан и взяла ручной сканер.

Он встал, изогнулся — одной рукой он всё ещё был прикован к топчану, вторая его рука поднялась, их взгляды пересеклись, и он был так зол, и он схватил складку кожи на её лбу двумя пальцами, и он был так зол, и холодное шипение пронеслось по её лицу и просочилось в её мозг, а затем...

А затем Майер кричал ей прямо в ухо и тряс её.

— Вставайте! — визжал он. — Его ловят. Вы должны на это посмотреть.

Он поднял её на ноги. Ноги её не слушались. Она неуверенно огляделась по сторонам и опёрлась на топчан. Капельница стояла на месте, её содержимое капало в лужу на полу.

Правая скоба была вырвана из топчана. На ней была кровь и небольшой рой бабочек, ремонтировавших нанесённый ущерб.

— Фо он фдевав? — сказала она, с трудом ворочая языком.

— Обошёлся Грёневегену в пятьдесят тысяч, — сказал Майер. — Что бы мы с ним ни делали, он всегда придумывает новый фокус.

— Как он прорвался мимо вас? — спросила мисс Кохен, но Майер выталкивал её в узкий коридор. Звучал сигнал тревоги, «динь-динь-динь», от которого звенело в голове.

— Датчик тепла обнаружил его на причале шаттлов, — сказал Майер, переходя на бег.

Мисс Кохен побежала следом. Мимо них мелькали гладкие растительные стены, как будто они бежали внутри стебля сельдерея.

— Его окружили на кухне.

Они ворвались в причал шаттлов. Мисс Кохен замедлилась, пытаясь рассмотреть огромную площадь, висевшие в воздухе шаттлы размером с дом, разнообразие судов, украденных с ограбленных космических кораблей. А затем они снова оказались в одном из коридоров муравьиной фермы.

На кухне было полно холодильников и духовок, некоторые из них, наверное, были перенесены с «Кортезе». Четверо наёмников прижимали номер 24 к полу. Ещё двое стояли рядом и дрожащими руками наводили ружья на пленника.

— Ты всё пропустил, босс, — сказал Грёневеген.

— Пропустите, — сказал Майер.

Наёмники расступились. 24 снова отрубился. Он лежал на полу, глаза его были пустые, как экран неисправного компьютера. Майер нагнулся, поднял его на ноги и завёл нездоровую руку за спину.

— Поверить не могу, — прошипел он на ухо пленнику. — Пятнадцать, мать их, минут! Ты лучше будь с дамой повежливее, а не то я велю Грёневегену извлечь его пятьдесят тысяч из тебя по кускам, ясно?

24 не смотрел на него, не реагировал. Медленно, очень медленно Майер начал заламывать его руку. Наёмники наблюдали.

— Я же её только что вылечила, — сказала мисс Кохен.

А затем она увидела. Лишь дрожь, лёгкая дрожь, пробежавшая по лицу субъекта, когда Майер пытался сломать его руку. Он не был в оцепенении. Он не был в шоке. Он не был безумен. Он прекрасно понимал всё, что с ним происходило.

— О, и вот ещё что, — улыбаясь, сказал ей Майер. — Он никогда не кричит.

Мисс Кохен вырвало.

Глава 2

Беги! Беги! Беги со всех ног!

En skulde aldrig ha' sine bedste buxer på, når en er ude og strider for frihed og sandhed.

Никогда не надевай свои лучшие брюки, когда отправляешься сражаться за свободу и правду.

Henrik Ibsen, «En Folkefiende», 1882.

— Майер?

— Грёневеген когда-нибудь соберёт свои пятьдесят тысяч?

— Так что, соберёт?

— Майер?

— Ты же с Нового Гарлема, так?

— Когда это ты английский выучил?

— Откуда вы знаете, что от вас хотят муравьи?

— *Как* вы выучили английский?

— Майер?

Энцефалограмма ей тоже ничего не сказала.

— Она выглядит так, словно это активный, находящийся в сознании мозг. А всё остальное...

Майер вздохнул и заложил руки за голову, наблюдая из угла лаборатории.

— Он инопланетянин, — протестовала мисс Кохен.

Майер наблюдал за ней несколько часов. Не за номером 24, а за ней. Когда она управляла работой электроэнцефалографа, её руки были мокрые от пота.

— Мне понадобится ещё время, чтобы прокалибровать монитор. И... и мне нужно увидеть процесс обработки.

— Его?

— Вначале кого-нибудь другого, — прошептала мисс Кохен. Она прижала влажную ладонь ко рту. — Кого-нибудь другого.

Номер 24 смотрел на неё с топчана. Вообще-то, он смотрел на стену, а она просто была между ним и стеной. Она сдвинулась, чтобы не видеть его глаза, и начала снимать с его головы электроды.

Он был так зол. Это было хуже, чем гадкий, голодный взгляд Майера. Это было хуже, чем безмолвные муравьи. Она чувствовала это, когда касалась его, когда прижимала электроды к его горлу и к спине, когда ощупывала его перелом. Интересно, чувствует ли это Майер, может быть, именно поэтому он хотел причинить ему боль, заставить его кричать, чтобы он был испуганным, а не таким *злым*.

— Вы сохранили что-нибудь из его одежды или личных вещей?

— Нет. Да, возможно. Я узнаю. Если вы считаете это важным.

Они посадили мальчика на кресло — упрощённую версию топчана, сделанную из плит растительной ткани, с толстыми швами по краям, где отдельные куски срастались друг с другом. На кресле были толстые твёрдые скобы для

запястий и щиколоток. Оно было создано из расчёта на людей.

Они подняли его голову и установили на затылок «пиявку».

Они включили компьютерный экран. На нём вращались геометрические фигуры: узоры разума мальчика. Они пульсировали странной математической жизнью.

— «Пиявка», — объяснял Майер, — по очереди стимулирует все части его мозга. Она записывает его реакции, конвертирует их и передаёт в компьютер. Таким образом передаются не только воспоминания, но также и навыки, мысли, сенсорные впечатления. Когда всё окончено, она перерезает мозговой ствол. Быстро и безболезненно. Но с номером 24 этот процесс никогда не доходил до этой стадии.

Он активировал «пиявку». Раздался тихий гул.

Тело мальчика содрогнулось от спазмов, он прикусил губы и язык. Он плевался кровью, бился об кресло.

Экран сиял светом. По мере извлечения разума, кусок за куском, соответствующие части изменяли форму и цвет.

Это продолжалось пятнадцать минут. Мальчик содрогнулся в последний раз и умер. Кровь и прозрачная жидкость текли у него из носа и ушей. Его голова опустилась на грудь. Наёмники оттащили его останки от кресла и укатали их.

Мисс Кохен вышла из комнаты обработки и вернулась в лабораторию.

Когда её там нашёл Майер, она ходила кругами, вцепившись руками в лицо. Он попытался положить руку ей на плечи, но она вырвалась и отошла от него.

— Вы *это* с ним делали? Восемнадцать раз? — закричала она, указывая на тело на топчане.

— С ним всё заканчивается гораздо быстрее, — сказал Майер. — Это едва начинается, как он...

— О Боже! — сказала мисс Кохен. — О Боже, я не смогу это сделать, я не смогу это сделать.

Майер грубо схватил её за плечо.

— Вы лучше выслушайте меня, дамочка. Либо вы отправите его на кресло и сделаете так, чтобы всё сработало, либо попадёте на это кресло вместо него, — он потряхнул её. — Понятно? Вам понятно?

— Меня сейчас опять вырвет.

— Поймите: либо он, либо вы. Вы просто выживаете, ясно? Просто выживаете!

— О Боже! Не делайте со мной этого. Пожалуйста! Пожалуйста! О Боже, пожалуйста!

Майер толкнул её к топчану.

— Вы что-нибудь придумаете.

Они уложили 24 на кресло и приложили к нему «пиявку». Перед этим мисс Кохен повертела её в руках. Это был изогнутый кусок растительной массы с несколькими выступами, безобидный как кабачок. Но с внутренней стороны были электронные схемы, а на ощупь он был тёплым. Живым.

«Пиявка» плотно прилегла к основанию шеи 24. Мисс Кохен показалось, что она заметила шевеление прибора, садившегося на место.

Изображение его разума на экране было бурлящим фракталом, извивающимся самыми неожиданными способами. Инопланетный мозг, инопланетный разум.

Она смотрела на экран, Майер смотрел на неё.

— «Пиявка» может справиться почти с любым видом разума. Его разум она может сканировать, но не может его обработать.

Номер 24 снова уставился в пространство, его руки безвольно лежали на подлокотниках. Но она видела капельки пота на его лбу и думала о том, догадался ли Майер.

— Грустно будет, когда его не станет, — сказал наёмник, схватив субъекта за волосы. — Он сделал жизнь на этом корыте веселее. Не так ли, Хлебный? — другой рукой он схватил мужчину за горло и надавил большим пальцем на трахею, пока звук дыхания не изменился. — Давно уже нам никто не бросал вызов.

— Майер, — сказала мисс Кохен. — Отпустите его, пожалуйста.

Наёмник выпрямился и удивлённо посмотрел на неё.

— Что?

— Что слышали. Нам нужно, чтобы он был здоров, — её голос начал дрожать; Майер не сводил с неё глаз. — Если вы и дальше... будете заниматься своей «физической терапией»...

— Слушайте, мы уже очень давно в пути. И конца этому не видно.

24 шипел, но удерживался от борьбы.

— Нам нужно какое-то развлечение. Его побеги доставляют неудобство, но они нас развлекают, с ними есть чем заняться. Дома, на Новом Гарлеме, я был мотогонщиком. Вы знаете, что такое мотоцикл?

Мисс Кохен понятия не имела, о чём он говорит. В неродном английском Майера появились мечтательные нотки:

— Я был лучшим гонщиком во всём восточном секторе. Это было здорово. Нужно было уметь следить за мотоциклом, чинить его, а не только ездить на нём. Всегда было чем заняться, — его взгляд опустился на пленника. Он отпустил его горло. — Нам нужно чем-то заниматься.

24 глотнул воздух. Мисс Кохен сказала:

— Я серьёзно, Майер. Не трогайте его.

— Отвянь.

— Вы бы не разбудили меня! — не выдержала мисс Кохен. — Вы не заставляли бы меня этим заниматься, если бы муравьям не был нужен его мозг. Они могли бы просто выкинуть его из шлюза, как и остальные ненужные им тела. Они не убили меня потому, что я им нужна. Майер, они хотят знать то, что знает он. Поэтому прекратите издеваться над ним!

Майер стоял и смотрел на неё. Она прикусила губу и тоже смотрела на него, надеясь, что ему не видно, как трясутся её руки и как краснеют её уши и шея.

— А, дерьмо, — сказал в конце концов наёмник. — Вы ходите посмотреть на процесс или нет?

Он резко нажал на кнопки под компьютерным экраном. «Пиявка» ожила; номер 24 ахнул, дёрнулся и замер на стуле. Глаза у него были широко раскрыты, зрачки сжались в точки. На экране загорелась часть фрактального рисунка: пиявка стимулировала первую зону его мозга.

Его рот был раскрыт. Он не кричал.

А затем он обмяк, голова свесилась на грудь.

«Пиявка» сердито кашлянула и сдалась. Экран потемнел. Остался только индикатор жизнедеятельности, крохотный комок извивающихся линий.

— Это всё? — спросила мисс Кохен.

— Это всё, — сказал Майер. — За все девятнадцать попыток мы ни разу не продвинулись дальше.

Мисс Кохен подняла его голову. Волосы слиплись от пота. Она аккуратно приоткрыла один глаз. Там был сплошной голубой диск, зрачок полностью сжался.

— Мне нужно время для анализа результатов, — сказала она. — Муравьи дадут мне доступ к компьютеру?

Майер надул щёки:

— А не слишком ли много вы просите?

Муравьи предоставили ей интерфейс, основанный на компьютере звездолёта: ноутбук с мясистыми наростами по бокам и сзади. Пара часов ушла у неё на то, чтобы привыкнуть к нему, к тому, что информация передавалась туда-сюда между электронными и органическими системами. Раз или два связь обрывалась полностью,

освещение тускнело, а затем восстанавливалось. Она не знала, что это значит.

Она воспроизвела записанную во время процесса энцефалограмму. Сознание 24 просто отключилось через 2.7 секунды после того, как пиявка начала стимуляцию. Должно быть, это какой-то механизм защиты. Что-то встроенное в инопланетный мозг... чтобы не допустить именно такой процесс?

Раздался оглушающий писк тревоги. Теперь она даже не вздрогнула. На этот раз он сбегал не сразу: должно быть, восстанавливался после обработки. Она сложила ноутбук, положила его на топчан, служивший ей кроватью, и пошла, ориентируясь на звуки тревоги, к источнику проблем.

Наёмники обгоняли её, не обращая на неё внимания; в их потных руках были ружья. Они все были разного сложения, разного возраста, но все были людьми, и это интриговало мисс Кохен. Кем они были до того, как стали слугами муравьёв? Каждому из них, должно быть, предложили одно и то же: помоги нам, и не попадёшь на большое кресло.

Вот почему Грёневеген и Колдвелл делали ставки в пятьдесят тысяч, пятьдесят миллионов. Она слышала, что Колдвелл выиграл Эйфелеву Башню, Эмпайр Стейт Билдинг, Марсианскую Арку. Они проведут остаток своих дней на этом корабле. В страхе перед креслом, как Майер, как она. Просто выживают.

Она оказалась в хранилище с блестящими белыми стенами, похожими на сердцевину яблока. Сюда стащили

огромные шкафы с ящиками и бросили их, не попытавшись расставить ровно. На каждом ящике был написан номер. Она нашла ящик 24 и открыла его.

Вещей там было не много: рогатка, монеты, книга... Мусор. Мусор жизни, которой не суждено завершиться. Нефритовая брошь, завёрнутая в бумагу ириска. Жизнь, которую украли муравьи.

Мисс Кохен осмотрела всё, что они вынули из карманов субъекта, и плакала, плакала, плакала...

Значительно позже Майер нашёл её, сжавшейся в углу.

— Мы его поймали, — сказал он. — В хранилище кухни. В холодильнике спрятался. Силовое поле подвело, выпустило его. Мы пока не выяснили причину.

Она не отвечала. Майер присел рядом с ней. На коленях у неё был ящик с номером 39. Он был пустой.

— Вы ничего не оставили, — сказала она. — Ничего не осталось.

Майер ничего не сказал. Он протянул руку и положил на её ногу, чуть выше колена.

— Зачем вы вообще что-то оставляете?

— Муравьи любят рыться в вещах, проверять, нельзя ли что-то приспособить. Мы решили сохранить его вещи на случай если среди них есть что-то важное.

— Вам лучше не применять к нему силу, — она вздрогнула. — Лучше не трогайте его. Я хочу, чтобы он остался в живых. *Я* хочу остаться в живых.

Она закрыла ящик. Майер убрал руку.

— Не беспокойтесь, дамочка, — сказал он. — Они просто немного поговорят с ним. Они ничего особого не сделают. Обещаю.

Они его, разумеется, убили.

Майер разбудил её, чтобы сообщить об этом. Она спала на топчане, обняв руками модифицированный ноутбук.

— Сожалею, — сказал он. — Это был несчастный случай.

Она снова заплакала.

— Я велел им быть осторожнее. Они были осторожны. Колдвелл говорит, что он просто упал. Наверное, не выдержал в конце концов.

— Нет.

— Он был труп, дамочка. Я лично проверил.

— Нет, — она села, и ноутбук упал на пол. — Нет. Он не умер.

— Да чтоб вас!

— Выслушайте меня, — она схватила его за воротник. — Это просто очередной побег. Вы не понимаете? Обработка. Его разум автоматически отключается, когда вы пытаетесь его сканировать. Майер, он умеет отключаться.

— Вот дерьмо, — сказал наёмник.

Мисс Кохен медленно шла вперёд, держа на вытянутой руке сканер, почти прижимая его к растительной стене.

Они были на самом краю корабля-бублика. Корпус корабля был из двух слоёв того же вещества, из которого состоят стенки спор бактерий, почти неразрушимого.

Между двумя слоями был воздух. Это была не самая эффективная теплоизоляция. Она чувствовала холод космоса, просачивающийся сквозь внешнюю стену, воздушную прослойку и внутреннюю стену. Бутерброд. Достаточно большой, чтобы в нём поместился человек.

Майер смотрел на неё, сложив руки, держа в одной из них пропотевшую кепку.

— Это что...

— Тсс, — она прижала палец к губам.

В некоторых местах на корпусе были вмятины от ударов метеоритов, даже грязный шрам в том месте, где для залатывания дыры вытек живой герметик. Мисс Кохен доводилось слышать о существах, живших в открытом космосе, но она не верила, что жизнь может быть достаточно сильной, чтобы выдержать вакуум, холод, внезапные столкновения и изменения гравитации. Жизнь была очень выносливая.

Тяжело дыша, подбежал один из наёмников:

— Она была права. В шлюзе пропала панель... Когда этот шлюз включили, сработало предупреждение о неисправности.

Майер и мисс Кохен переглянулись. Либо 24 выдуло в космос, либо... Сканер заверещал.

— Здесь! — сказала она.

Трое наёмников бросились вперёд, держа в руках длинные тубики. Инструментами стену прорезать было невозможно — даже лазеру понадобилось бы много часов. Из тубиков на стены брызнули толстые капли энзимов, и наёмники перчатками размазали эту шипящую массу.

Кусок стены вывалился, на пол потекла то ли кровь, то ли сок. В коридор хлынул поток холодного воздуха. Мисс Кохен отбросила сканер и поймала выпавшего из тёмного пространства 24. Его волосы и брови были покрыты инеем.

— Он всё ещё жив, — сказала она, хватая сканер. — О Боже, у него проблемы с лёгкими.

Прилетела бабочка, она села на плечо 24 и коснулась его лица своими антеннами.

— Где ваша каталка? — резко сказала мисс Кохен.

Никто из наёмников не спешил помогать ей. Лица у них были бледные и напряжённые. Грёневеген смотрел куда угодно, только не на субъекта.

Что бы они ни делали, он всегда сбегал. В этот раз они его убили, а он всё равно сбежал.

Мисс Кохен сидела, сложив ноги, на топчане и ела безвкусное вещество, миску которого ей дал Майер. Она смотрела на 24.

Он был в коме, из его носа торчала трубка, по которой откачивались жидкости из его повреждённых лёгких и гортани. Они пристегнули его запястья и щиколотки, накрыли его серебристым одеялом, словно хотели скрыть то, что они повязали умирающего.

Этот его побег был самым отчаянным. Он чуть не замёрз до смерти. Как минимум тридцать секунд он находился в абсолютном вакууме. Когда его вместе с остальными трупами швырнули в шлюз, он выломал панель доступа и залез в стену. Шлюз открылся до того, как 24 успел вернуть панель на место.

Мисс Кохен одолжила для изучения «пиявку». Та лежала на полке. Мисс Кохен готова была поклясться, что время от времени «пиявка» немного шевелилась, что она наблюдала за ними, ждала с жадностью, но и с бесконечным терпением. Следила за 24. Следила за ней.

Кристаллическая фигура на экране изменилась. Его глаза немного приоткрылись.

Он был тем, кто на лайнере смотрел на небо. Он ждал муравьёв. А теперь он был тут, на их корабле, неподвластный их обработке, сбегал от них снова и снова. Он был не просто пленник. Он что-то от них скрывал.

— Вы это спланировали, не так ли? — громко сказала она.

— Думаете, я... планировал?.. — его голос был еле слышен, лишь натуженный шёпот. — Я не планировал *это*.

Ложка мисс Кохен со звоном упала на пол.

В этот момент, пригнувшись в низкой двери, в лабораторию зашёл Майер.

— Как он?

Мисс Кохен подняла взгляд с безмолвного пациента на Майера.

— Пока не ясно, — сказала она. — Майер, мне нужен ещё доступ к компьютеру.

— А теперь зачем?

Она встала и вышла из лаборатории. Майер с озадаченным видом пошёл за ней.

— Обычно, — сказала она, когда они были в коридоре, — я изучаю поведение пациента. То, какие у него отношения с людьми, что он любит делать. В этом же

случае единственным его поведением являются побег. Я хочу изучить их.

Майер на секунду задумался.

— На каждый из них составлен рапорт, — медленно сказал он.

— Правда?

— Надо же чем-то заниматься, — сказал он, не сводя с неё взгляда.

— Я не умею управлять шаттлом, — сказала она. — Позвольте мне посмотреть эти рапорты.

— Завтра.

Спала она снова в обнимку с ноутбуком. Муравьи не интересовались тем, сколько у неё есть компьютерного времени. Чем бы она ни занималась, это не имело значения: что она могла сделать?

Её разбудили тихие голоса. Нет, один голос.

Она открыла глаза, но не пошевелилась.

— Ты обещала, — говорил он слабым шёпотом. — Был договор... нужно... немного дольше. Всё не так плохо. Правда... не так плохо.

Она чуть-чуть повернула голову. Он смотрел вверх, словно над ним кто-то стоял.

— Я выживал и в худших ситуациях. Ещё одну неделю. Ещё день. Всего лишь один день... один... нет, не надо... о...

Вращающийся на экране фрактал вспыхнул и пропал.

Мисс Кохен спрыгнула с топчана, включила свет и лихорадочно стала настраивать сканер.

Умер. Он умер.

Как делать непрямой массаж двух сердец?

Она расстегнула его левые запястье и щиколотку. Схватив 24, она перевернула его на бок, отчего из его лица выдернулись трубки. Она схватила пиявку. Та извивалась у неё в руках. Она прижала её к его шее и активировала.

Он дёрнулся, закричал и снова начал дышать. Мисс Кохен содрала пиявку с его кожи и швырнула её на топчан. Он сильно трясся, плевался кровью, но он был жив.

В дверь ворвались охранники.

— Какого чёрта? — крикнул Колдвелл.

— Всё хорошо, — сказала мисс Кохен, опускаясь на колени рядом с 24. — Всё хорошо. С ним всё будет хорошо. Я его спасла.

Майер с понимающим видом кивал, словно он что-то знал о медицине. Мисс Кохен сказала:

— Теперь его жизненные показатели стабильны. Остановка обоих сердец. Жуткое дело. Но я думаю, что не повредилось ничего такого, что нельзя вылечить.

— Мне всё равно, — сказал наёмник. — Он что угодно выдержит.

Они согнулись над ноутбуком и разглядывали план корабля. Они объединили данные с сенсоров и рапорты наёмников. Теперь она медленно накладывала друг на друга маршруты 24 при попытках побега, пыталась найти в них что-нибудь общее.

— Он перепробовал всё, что только можно себе представить, — вспоминал Майер. — Один раз он выдал

себя за одного из нас. Это сработало только один раз, нас тут не так много. Он взламывал замки четырёх разных типов, включая навесной. С некоторыми из нас он дрался, однажды применил к Грёневегену что-то вроде щипка нерва. Вот почему мы возим его на каталке. Один раз он отключил силовое поле *ложкой*. А были и другие трюки.

— Вроде того, что он сделал со мной.

— У него полно разных фокусов. Никогда не знаешь, что он учудит в следующий раз, — Майер протёр кепкой лоб. — Это так тупо. Он не сможет сбежать. Он на причале с шаттлами уже раз десять бывал, и ни разу не смог сбежать. Мы его ловим и обрабатываем, снова и снова. Двадцать, мать их, раз. Ему это нравится, что ли? Почему он просто не сдастся, чтобы всё это прекратилось?

Двадцать раз, и они не получили нужный им результат. Он абсолютно зацикленный, снова и снова повторяет одно и то же...

— Мне понадобится больше времени на изучение этого, — сказала мисс Кохен. Сказала, как будто вскрикнула.

Потому что она знала. Она знала.

Неужели её дыхание действительно такое громкое? Она сместилась, размяла затёкшие мышцы, стараясь при этом не шуметь.

Она поняла, чего *не было* ни в одном побеге. Четырнадцать раз его ловили на кухне или в одной из её кладовок. Десять раз — в машинном отсеке по правому

борту. Восемь раз — в коридорах между ними. Трижды в причале шаттлов.

Почти каждый из побегов проходил сквозь причал, подвешенный под осью корабля. Но ни единого раза он не попытался захватить один из шаттлов.

Он наверняка знал, как управлять шаттлом. И ружьями он пользоваться тоже умел. Просто он не хотел никого убивать. Он не пытался пройти на причал.

Он пытался пробраться сюда. Сюда, к холодному хранилищу.

В бледном голубом свете криогенные капсулы были ужасны: высокие мясистые саркофаги, изнутри покрытые инеем, в неясных пятнах за дверями едва угадывались лица, конечности. Она попыталась представить себе собственное лицо за стеклом, когда её сердце билось один раз в минуту, когда она спала сном мёртвых.

Холодное хранилище было кругом в самом центре корабля. Длинная стена с капсулами изгибалась вокруг огромной шахты, проходившей сквозь середину судна муравьёв. В центре этой шахты был жуткий фосфоресцентный свет, зависший в воздухе — сквозь центр корабля проходила длинная нить энергии. Чем бы это ни было, благодаря ему корабль муравьёв перемещался.

Где-то отодвинулась дверь.

Она снова сверилась с ноутбуком. Сенсоры здесь всё ещё были отключены. Хорошо. Интересно, как скоро муравьи заметят это?

Номер 24 появился в поле её видимости. Он шёл медленно, одна рука у него была прижата к груди, в другой

руке он держал какой-то небольшой аппарат. У каждой капсулы он останавливался. В ледяном молчании она слышала его неровное дыхание, видела холодные потоки пара из его рта.

Наконец, он нашёл нужную капсулу. Он опустился возле неё на колени и активировал панель управления. Из капсулы вырвалось большое облако пара. Он набирал что-то на панели, и механизмы оживали.

Он лёг на пол перед капсулой и ждал. В капсуле загорелся зеленоватый свет, за стеклом капала жидкость. Когда свет стал ярче, мисс Кохен узнала женщину, которая была с ним на звёздном лайнере.

В точности, как она и предполагала.

Она стояла в зелёных тенях. Холодная, похожая на воск поверхность стены давила ей в спину. Она стояла молча, невидимая.

— Что вы... собираетесь сделать? — спросил он.

Его тихий сиплый голос разнёсся по помещению. Мисс Кохен вышла, держа перед собой пистолет.

— Корабль знает, что вы делаете, — прохрипел он. — Ему интересно, к чему это приведёт.

— Я не понимаю.

У неё болели пальцы.

— Всё ещё думаете, что муравьи... главные? — говоря, он не шевелился; его голос быстро затухал в холодном воздухе. Казалось, что с ней говорит труп. — Майер... сильно ошибается. Они лишь руки Корабля.

— Кто... кто пилот?

— Никого, кроме Корабля. Когда-то, быть может... Сейчас он просто следует приказам.

Капсула завершила разморозку. Прозрачная крышка с шипением раскрывалась, наружу вырвался пар. Находившаяся там женщина что-то простонала и выпала наружу.

Майер поймал её.

Несколько секунд он рассматривал её, держа на руке. Она безвольно висела, стуча зубами. Он уронил её на пол.

— Всё это время, — сказал он, — повернувшись к мисс Кохен. — Всё это время он пытался добраться сюда. Из-за неё.

Мисс Кохен дрожала, не сводя оружия с 24. За Майером пришли ещё шестеро наёмников, лучи их фонарей пронзали туманный воздух. Лучи пересеклись на лежавшем на полу теле пленника.

Майер нагнулся и схватил его. 24 не пытался сопротивляться тому, что его ставят на ноги, заводили за спину ту же самую руку. Свободной рукой наёмник сдавил горло 24. Аппарат выпал из его руки и покатился по полу, пульсируя изнутри светом.

Майер завёл его руку за спину и прикладывал силу до тех пор, пока не почувствовал, что мускулы начинают рваться.

— Кричи, чтоб тебя! — говорил он. — Почему ты не кричишь?

— Доктор? — сказала женщина на полу. Она щурилась против света фонарей, её конечности слегка подёргивались. — Что? Что?

— Так вот ради чего всего это делалось, — прошипел Майер в ухо пленника. — Ради неё. Но какой смысл? Какой, мать его, смысл?! — он сжал руку сильнее. — Сегодня утром мы обработали четырёхлетнего ребёнка. Субъект 51. Её мы сделаем номером 52.

Почти изящным движением Майер приложил к руке пленного немного больше силы. Раздался треск.

Доктор закричал.

Но его крик заглушил взрыв. Мисс Кохен заставила себя убрать руки с ушей, резко повернула голову и увидела, как стеклянный цилиндр разлетается на куски. Свет внутри него ревел и трещал.

Что-то выпрыгнуло из света сквозь стекло, рассыпая во все стороны осколки. Оно имело форму человека, оно ярко светилось, оно было покрыто бушующим светом, словно какой-то ангел смерти.

Наёмники закричали и разбежались.

По мере приближения существа окружавший его свет изменялся: голубой, зелёный, огненно-жёлтый. Мисс Кохен показалось, что в ярком свете она может различить лицо, руки. Это была женщина, даже не вооружённая. У неё были длинные светлые волосы, на плече висела сумка.

Майер выстрелил по ней, и всплеск энергии из его пистолета соединился с коконом света. Кокон вспыхнул и взорвался. Его сияние охватило лицо и грудь Майера. Его униформа и волосы вспыхнули пламенем. На его лице появилось странное движение... его глаза растекались...

Мисс Кохен выбежала из хранилища, вереща во всю глотку.

А теперь мисс Кохен закончила вспоминать.

Она дёрнулась в последний раз и обмякла на стуле. «Пиявка» устроилась на её шее удобнее, подождала несколько секунд и разорвала спинной мозг.

А Корабль летел дальше.

Глава 3

Интересные времена

Egestatem

Potestatem

Dissolvit ut glaciem

[Судьба] растапливает нищету и власть как лёд.

Кармина Бурана, тринадцатый век.

Окрестности Ахетатона, 1366 год до н. э.

Через какое-то время она поняла, что лежит на чём-то тёплом. Смутное воспоминание заставило её резко приподняться и убедиться, что это не труп или, ещё хуже, не полуживой паштет из человеческой плоти, разбросанный по земле высокотехнологичным оружием.

Это был всего лишь песок. Она выдохнула и тяжело упала в теплоту пустыни. Она тряслась всем телом, её руки и ноги промёрзли насквозь, до костей. Её дрожащие пальцы мучительно двигались в песке.

Она перевернулась, вдохнула ночной воздух, чистый и пыльный, почти такой же холодный как она сама. Она вжалась спиной в песок, чтобы её замёрзшая кожа впитывала запасённое песком тепло солнца.

Небо было чёрное, угольно-чёрное, но на нём было столько звёзд. Они вертелись и дрожали, уворачиваясь от её глаз, пытавшихся сфокусироваться на отдельных светилах,

отследить широкую полосу Галактики — яркий туманный свет поперёк неба.

Расслабиться. Надо расслабиться и ждать, пока не пройдёт дезориентация, пока мозг не растает так же, как и тело.

Через какое-то время она поняла, что цвет неба меняется. Она покачала головой, едва контролируя свои движения. По бокам от неё не было ничего, никакой тени, только песок.

Когда взойдёт солнце, она умрёт.

Она попыталась встать на колени, но получилось лишь перевернуться на бок. Она тяжело дышала. Глубоко в животе она чувствовала мороз, мышцы были охвачены судорогами. Котёнок, — подумала она, — беспомощная, как котёнок.

Она побывала в десятке пустынь, выжила в пустыне с голубым песком и зелёным солнцем, пила грунтовую воду, ела ящериц и жуков, зажаренных под полуденным солнцем. Но тогда у неё была пара преимуществ. Например, она могла двигаться. И думать.

Может быть, ей повезёт? Может быть, солнце поднимет температуру её тела до нормальной раньше, чем сжарит. Она сможет отползти куда-нибудь, найти воду, найти людей. Если тут вообще есть вода. Если тут вообще есть люди. Она могла попасть куда угодно, начиная от глубочайших бездн сознания и заканчивая самыми далёкими планетами. Над горизонтом может взойти десяток солнц, и они зажарят её как барашка, жир будет пузыриться под её кожей.

Из-за спазма мышц она выгнулась дугой над песком, не замечая, что кричит.

— Почему никто меня не спасает?

Когда они зашли в это кафе в первый раз, воздух был влажный и душный, но из окон несло прохладу, наполнявшую помещение запахом мусора, человеческого пота и дождя на асфальте.

— Обращайте внимание на детали, — сказал Доктор.

Стены были побеленные, украшенные старыми грязными открытками в рамках. Было полно студентов, которые ели дешёвые макароны и спорили о семиотике.

Повелитель времени провёл их между посетителями к столику в углу, обходя закреплённые на латунных подставках горшки с цветами. Эйс на ходу осмотрела их. Было что-то инопланетное в листьях, в том, как стебли, казалось, едва заметно поворачиваются, словно следя за ней.

Возле их стола было три стула, на нём были льняные салфетки, уже налитые напитки (минеральная вода, текила и водка с колой). Эйс села и незамедлительно осушила свой бокал; пока что она ничего интересного не увидела. Бенни водила пальцем по граффити на столешнице — нацарапанные на древесине инициалы. Чьи?

— Где мы? — спросила Эйс.

— Глиб, — сказал Доктор, глядя на поднимающиеся в его стакане минералки пузырьки. — Сидней, Земля, 1995 год.

— Милое место, — сказала Бенни. — Не вижу тут ничего необычного.

Доктор пожал плечами.

— Пармиджана из баклажанов тут превосходна, — сказал он.

— Да, но...

Доктор прижал к губам палец.

Когда они пришли в это кафе во второй раз, для них был накрыт тот же столик, на нём стояли те же самые три напитка. По стенкам бокалов стекала влага.

Но в этот раз они были в Беллатрикс-Сити, и это был двадцать пятый век.

— Дом, — улыбаясь, сказала Бенни. Она насыпала на руку возле большого пальца соль, лизнула, надпила текилу.

— Увы, — сказал Доктор, — в доме есть чужой.

Эйс медленно осмотрела помещение. Посетители были почти такие же, только более разнообразные, ну и мода, разумеется, изменилась. Помимо людей было много инопланетян, да и сами люди были самых разных мастей. Но они всё так же ели дешёвые макароны и всё ещё спорили о пост-пост-модернисткой теории авторского кино. Те же самые побеленные стены, те же открытки в рамках.

— Да?

— На одной из мало используемых межзвёздных линий сообщения пропадают корабли. Пассажирские корабли.

— Какие-нибудь чёрные дыры, расположенные не там, где они должны быть? — спросила Эйс.

Доктор покачал головой:

— С вероятностью один из трёх корабли через какое-то время после исчезновения находятся, но без пассажиров и экипажа.

— Похищение ради выкупа?

— Работоторговцы?

— Никаких требований. Рабство уже давно экономически невыгодно. Роботы дешевле людей.

— Может быть, это историческая реконструкция? — спросила Эйс. — Или просто очень хорошо сохранившийся кусок Земли?

Улыбка, почти всегда мерцавшая в глазах Бенни, погасла. Она подумала о своём отце.

— Как нам это остановить?

— Ну, — Доктор выложил на стол горстку мелочи разных номиналов и веков, — идёмте.

В шестой раз они зашли в это кафе на Арголисе. Вместо окон с деревянными рамами там были прозрачные пластиковые листы, дававшие хороший вид на горящее небо. В этот раз посетителями были туристы, за столиками сидели тела самых разных форм. Но столы были такие же, вплоть до вырезанных в дереве инициалов.

— У меня идея простая, — сказал Доктор. — Мы позволим им нас забрать.

— Напросимся на арест, — сказала Эйс.

— И позволим злодеям связать нас и рассказать нам об их планах, — сказала Бенни, выпив уже шесть рюмок текилы, но всё ещё ни в одном глазу. — Кому-то нужно

будет оставаться в стороне. Оставаться на свободе, на всякий случай, — она засмеялась: — Я приду и спасу вас, когда вы напортачите.

В памяти Эйс у Доктора под левым глазом был пурпурный шрам, лиловое пятно, пересечённое красной линией — результат чьего-то удара. Когда он смотрел, как она пьёт, у неё свело живот, как будто это она была в ответе за эту рану.

— Но мы не знаем, кто нас поймает, — сказала она.

Он снова покачал головой.

— Это не важно, — сказала Эйс, когда её воспоминание растаяло, — мы же эксперты по части побегов.

Они же понимали, что рискуют, так? Теперь нужно принять последствия. Теперь уже ничего не изменишь.

Она села и наклонилась вперёд, пытаясь опереть верхнюю часть тела на колени. На ней было надето что-то вроде комбинезона из грубой синтетической ткани, бежевый цвет которой терялся в рассветном освещении. Кто снял с неё боевой костюм, забрал инструменты и оружие? Что ещё с ней сделали, пока она была голая и беспомощная? Зачем её заморозили?

Она упёрлась лбом в колени и глубоко дышала. Все мышцы её тела залежались и теперь покалывали. Ей кажется, или она действительно трясётся?

Солнце было похоже на ослепительную жёлтую монету, висящую над горизонтом и освещающую пустоту: медово-жёлтые утёсы, разбросанные камни, как в

марсианском пейзаже, острые чёрные тени. У неё даже солнцезащитных очков не осталось. Сможет ли генератор силового поля на её запястье защитить её от солнца? Лучше поберечь батарею, подождать, пока жара станет невыносимой.

Ей нужно было встать и идти, но она с трудом не давала себе упасть. Ей нужно было поспать сотню лет, но если она заснёт, она уже никогда не проснётся. А если она и встанет, то куда ей идти, босой по горячему песку?

Всё равно. Её сердце всё ещё холодное, живот как кусок льда. Эта грубая разморозка должна была её уже прикончить. К этому моменту они втроём должны были уже израсходовать всю удачу во вселенной. Но после всего того, через что они прошли, умирать *тут* было как-то неловко.

Она надеялась, что Доктор и Бенни приземлились мягко.

У Доктора была своего рода карта. Это была плоская, абсолютно гладкая пластина из какого-то белого вещества — то ли керамики, то ли пластика. Он проводил над ней руками, и по его жесту возникала трёхмерная голограмма. Карта их части Галактики.

Волосы у Бенни были длиннее, чем раньше, стали светлыми, между соломенного цвета прядями проглядывали тёмные корни. Она смотрела сквозь кубик-голограмму, посасывая ломтик лайма.

— Сколько измерений? — спросила Эйс.

— Всего четыре, — сказал Доктор. Его глаза сверкали на фоне тёмного шрама на его лице. — Тут нанесены появления этого кафе в континууме. Одиночное пространственно-временное событие, повторяющееся снова и снова в разных местах и эпохах.

— Почему? — спросила Бенни.

— Есть несколько проявлений, которые могли вызвать такой эффект. Все они потенциально способны повлиять на весь космос. Смотрите, — он снова, как волшебник, провёл рукой над голограммой, и в кубе возникла ярко-голубая линия.

Эйс, прищурившись, отслеживала её на диаграмме. Каждая четырёхмерная точка отображала появление этого кафе. Для людей, живущих в трёх измерениях, движущихся во времени линейно, эти повторения кафе незаметны. Но для путешественников во времени...

— Исчезновения кораблей не образуют закономерности, если не посмотреть на них в четырёх измерениях, — сказал Доктор, повторяя её мысли. — Многие из них происходят в одном месте, но разделены огромными промежутками времени. Или же много одновременных исчезновений в разных частях Галактики.

— Что-то пробило дыру в пространстве-времени, — сказала она. — Оно проделало нору.

— И оставило за собой след из кафе, — сказала Бернис.

— Как хлебные крошки на тропинке, — сказала Эйс. Она провела по линии пальцем.

— Да, — сказал Доктор немного недовольным голосом.

Для него это было всё равно как вернуться на парковку и увидеть на бампере вмятину. Как смеет кто-то баловаться с его вселенной?

— А вот, — сказал он, — где исчезали корабли.

Голубая линия исчезла, вместо неё появилась ядовито-зелёная. Не совсем по тому же пути, что и кафе, но тоже через четыре измерения. Намеренная. Искусственная.

Эйс пересеклась над голограммой взглядом с Доктором. У него из носа вытекла ярко-красная капля крови, проведя линию по его коже. Он этого, похоже, не заметил.

— Во вселенной разлом, — сказала Эйс.

— Кто-то использует этот разлом как тайный проход, — сказала Бенни, — и похищает людей.

— Ну что же, — сказала Эйс, отталкивая рюмку. — Идём, позволим нас украсть.

Раньше она никогда не чувствовала запах воды. У воды ведь нет ни запаха, ни вкуса. Пить очищенную воду, переработанную, которую выдают в космосе солдатам, было всё равно, что пить средство для полировки мебели; на кораблях лучше в воду добавлялись ионы, чтобы не было вкуса.

Но сейчас она чувствовала запах воды, вода была где-то рядом. От этого запаха у неё заурчало в животе.

Встать не удалось, поэтому она покатилась. Песок попадал ей в волосы и под бежевый комбинезон. Она медленно катилась по каменистой земле, прижимая локти к

туловищу. Ощущение было дурацкое, но это было движение.

Она докатилась до края обрыва. Даже после того, как она остановилась, мир продолжал вертеться, живот свело. Она сжала зубы и попыталась посмотреть вниз.

Ниже была площадка ровной земли. Она была каменистая, бело-красная, сквозь трещины в сухой почве прорастали маленькие агрессивного вида растения.

Посреди площадки была лужа, окружённая мокрой глиной. Она позволила себе сползать и катиться по склону, и в конце концов плюхнулась в грязь.

Грязи в луже было больше, чем воды, но ей было всё равно. Она позволила своему комбинезону пропитаться жижей, а сама всасывала влагу, измазав руки плескала грязной водой на лицо и шею.

Когда она подняла взгляд, с другой стороны лужи на неё смотрела львица.

— Вот дерьмо, — сказала Эйс.

В голове у неё было полно бесполезных советов: убежать, не двигаться, позвать на помощь, они чувствуют страх. Но она лишь смотрела на животное, стоявшее на другом краю лужи, рассматривала плавные движения мышц под его бурой шкурой, элегантную форму головы, огромные глаза, смотревшие на грязное человеческое существо.

Эйс чувствовала запах дыхания львицы, мускусный дух её шкуры. Она попыталась встать, но упала, забрызгав водой и грязью морду животного. Пока она копошилась, как перевёрнутый таракан, огромные глаза лениво смотрели на неё. Львица не торопилась.

Вставай и беги; давай, вставай, вставай!

Пальцы Эйс нащупали камень, но они дрожали от изнеможения, она не могла его удержать. Значит, быстрая смерть от огромных лап львицы, которые вдавят её в песок, чтобы тяжёлые челюсти смогли сломать ей шею.

А затем над долиной раздался оглушительный крик, и хищница стала объектом атаки.

Рёв животного гудел в голове Эйс. Птица была огромная, размером с ребёнка — то ли орёл, то ли ястреб — она снова и снова бросалась на львицу. Зверь уворачивался и вертелся, поднимая в воздух тучи пыли, пытаясь попасть по птице лапой. Эйс смотрела на них и тяжело дышала.

Ей должно было быть страшно. Но она ничего не чувствовала. Как будто бы она до сих пор была заморожена, промёрзла до глубины души.

Когда появилась колесница, она не почувствовала даже удивления.

Колесница резко остановилась в пыли, буквально в шести метрах от водопоя. Размером она была ровно такая, чтобы в ней помещался один мужчина; он пытался усмирить лошадей, которые брыкались, почуяв запах львицы. Эйс позвала на помощь без слов, зная, что он всё равно не сможет её понять.

У него был лук. Быстрым движением он вынул из колчана стрелу и пристрелил львицу.

Большая кошка вскрикнула и опрокинулась в грязь, громко ударившись тушей об землю. Птица тоже вскрикнула и уселась на дёргавшийся в последних конвульсиях труп.

Эйс смотрела. Стрела вошла львице за ухо и проткнула мозг. Один из лучших выстрелов, которые ей доводилось видеть.

Спасена.

Подъезжали ещё колесницы. Мужчина спрыгнул на землю и подошёл к ней. Его кожа была медного цвета, голова выбрита, на подбородке едва пробивается щетина. На нём белая юбка. Он был гораздо выше остальных египтян, его большие карие глаза были похожи на оленье.

Он посмотрел на неё; вероятно, удивлялся, какого чёрта эта бледнокожая женщина лежит посреди пустыни, пытаясь накормить собой львов.

Он протянул ей руку, и она взялась за неё. Его ладонь была гладкая и тёплая.

— Я не могу встать, — сказала она.

Одним движением, таким же плавным, как и то, которым он подстрелил львицу, он поднял её.

К этому времени уже прибыли его слуги. Они забрали хищную птицу, связали лапы львицы и просунули между ними деревянный шест. Закряхтев, трое слуг подняли тушу, удерживая шест на плечах. Стрела всё ещё торчала из шеи животного.

Эйс смотрела на их одежду, на их кожу, с трудом вспоминая школьное видео и экскурсии в Британский Музей. Это было так давно.

— Я в Египте, да? — спросила она.

— Ты очень издалека приехала умирать в пустыню, — сказал он с лёгкой усмешкой.

Она позволила голове скатиться по его широкой груди; он нёс её в сильных руках, как невесту. И тогда она засмеялась, прохрипев из глубины лёгких.

— Что смешного? — спросил он, неся её к колеснице.

Его слуги смотрели на неё с любопытством.

— Простите, — сказала она, — это стыдно.

— Хм?

— Отвези меня домой, Лоуренс.

Её кожа вся была в солнечных ожогах и обморожениях, в волосах и во рту было полно грязи. Её белый рыцарь велел своим служанкам вымыть её и переодеть. Его личный врач навестил её, принеся с собой папирус о медицине и полный ящик амулетов.

Она позволяла всё это, разрешила им намазать себя густой пастой, которая немного мылилась, и просто глядела в потолок, пока врач проверял её глаза и суставы. Ничего нельзя было сделать, она не могла сделать ничего.

— Что же, — сказала она оштукатуренному потолку, когда всё это закончилось, — вот я и в Древнем Египте.

Она снова хрипло засмеялась. Ей хотелось смеяться до слёз. Спасена в пустыне каким-то знатным мачо, который взял её на руки и увёз в своей колеснице.

У неё не было ничего. Совсем ничего. Даже одежду, которая была на ней, забрали; служанок заинтриговала необычная тяжёлая ткань. У неё не было её боевого костюма, не было ничего из того, что осталось в её комнате в ТАРДИС. У неё не было даже тюбика зубной пасты.

Она жалела, что во время экскурсий в Музей была не очень внимательна. Она не могла определить какой это год. Никто не узнает где она и когда она. Из этого капкана спасения не будет.

Но она была жива, а когда выпится, будет в нормальной форме. И почему-то она понимала древне-египетский. Странно. Она немного нахмурилась, но её веки уже начали смыкаться, а мысли спутываться. Деревянный подголовник был на удивление удобный. Хорошо было лежать.

Они оба лежали на полу. Эйс не чувствовала текстуры странного вещества, из которого он был сделан — какой-то грубый материал, похожий на чешую или кору. Она чувствовала только исходящий от пола глубокий холод.

Глаза Доктора были закрыты. На его левой скуле был большой фиолетовый синяк от удара человеческим кулаком. Удар был такой силы, что кожа порвалась. Он лежал на левом боку, лицом к ней, прижав к груди сломанную руку. Она видела его под странным углом и не могла пошевелить головой.

Он открыл глаза и без выражения посмотрел на неё. Капелька крови, ярко красная на фоне его белой кожи, вытекла из его носа. Эти глаза пытались донести до неё какое-то сообщение, словно в них была оптическая иллюзия, которую ей не удавалось увидеть.

Часто у неё бывала надежда на то, что он не может читать её мысли, но сейчас она надеялась, что может.

«Просто знай, что я тут», — думала она, — «знай, что ты не один».

Сильные из-за паники руки волочили Эйс.

— Ну же, давайте! Нам нужно убираться отсюда!

Бернис до сих пор светилась — с её силового экрана стекала энергия пространственно-временного разлома. Она была похожа на ангела, на ангела-хранителя, пришедшего к ним на помощь.

Эйс попыталась схватиться за Бенни, но мышцы её не слушались. Острая боль расплзалась её рукам от плеч до пальцев. Бенни схватила её за запястье и надела на него генератор силового поля.

Затем она нагнулась, схватила Доктора за шиворот его комбинезона и пошла спиной вперёд, пытаясь волочить их обоих, ругаясь от разочарования. Эйс хотелось извиниться за то, что от неё никакой помощи, но её голова свесилась на бок, и изо рта донёсся лишь хриплый стон.

Из холодной камеры позади них сочился невообразимый свет. Эйс в нём узнала сигнатуру пространственно-временного разлома. Бенни выронила её и выругалась.

Свет выходил из разлома, он мерцал, потрескивал, стреляя искрами из участка воздуха, на который было больно смотреть. На полу было полно осколков то ли стекла, то ли пластика.

Бенни нагнулась над Доктором, лихорадочно пытаясь обратить его внимание на себя. Из его рта и носа медленно текла кровь. Его веки вздрогнули и закрылись.

Эйс хотелось сказать Бенни, что Доктор умер.

Но свет разлома эхом звучал в её голове, и она чувствовала, что она стирается, удаляется без остатка.

Глава 4

Разлука

Ни о каком другом периоде истории Египта не было написано столько ерунды, как об Амарнском.

Маргарет Мюррей.

Больная.

Когда болеешь, можно ничего не делать.

Иногда, когда Эйс была маленькая и простуживалась, её мама не шла на работу, а оставалась дома, чтобы присматривать за нею. Маленькая Дороти игралась Лего: собранный ею космический корабль врезался в собранный ею же полицейский участок. У неё был пазл: семья на пляже, вокруг которой по песку бегают их собачка. Одного кусочка пазла не хватало. Сколько раз она ни пыталась собрать картинку, одного кусочка всегда не хватало.

Когда она в третий раз искала его под кроватью, зашла мама. «Быстро в постель», — сказала она. — «И не вставай».

Маленькая Дороти лежала укутанная в пахнущие недавней стиркой одеяла, слушала дождь за окном, слушала звуки, доносившиеся снизу. В воспоминаниях Эйс мужские голоса слились воедино, смешались со звуками телевизора в приглушённый гул, такой же успокаивающий, как тёплые объятия её кровати.

Её ручки вцепились в постель. Дороти прислушивалась к стуку своего сердца. Она была уверена, что в любую секунду этот внутренний звук может остановиться.

Эйс проспала двое суток, её кожа облазила. Когда она проснулась, её ждал грубый, горький хлеб, в тесте которого попадались мелкие кусочки камня, и почти безвкусные луковицы. Когда она смогла нормально сесть, ей принесли жареную утку и полную чашу пива со вкусом наждачной бумаги.

Она лежала на кровати, рассматривала узоры на стене и слушала звуки дома. Слуги заходили в комнату и выходили, почти не обращая на неё внимания. Они были невысокие, почти все ниже её. Видимо, её спаситель питался лучше, чем они.

В других комнатах плавными раскатистыми голосами разговаривали люди. Снаружи доносились гоготанье гусей, крики и смех, непрерывный скрежет камня, сопровождавший перемалывание зерна в муку.

В одну из ночей была вечеринка. Эйс лежала в постели и слушала, плетёная кровать давила сквозь льняную простынь. Музыка была незнакомая, в отличие от гомона пьяных людей. В полудрёме она не удивилась бы, если бы услышала поднявшийся до сердитого визга голос матери и приглушённые стуки, источником которых могли быть как мебель, так и кулаки.

Через неделю она, шатаясь, вышла из комнаты, зашла в обнесённый стеной сад и упала в пруд.

Когда она всплыла и начала вынимать из мокрых волос водоросли, на неё смотрел господин Седжет.

Он не понимал, зачем ей вдруг срочно понадобилась одежда. Ведь служанки, которые принесли ей сорочку и тунику, всё время ходили почти голые.

Он сидел возле пруда, почёсывая подбородок ручной мартышки, и вежливо ждал. Она натянула на себя иноземную одежду, стыдясь того, что ей стыдно, что Седжет за ней наблюдает. Его взгляд не был враждебным, он не оценивал её тело, как это бывало в ресторанах.

Служанки принесли ей табурет, и она неловко села на него.

Какое-то время они молчали. Мартышка Седжета запрыгнула ему на колени, зевнула и заснула.

— Тут всегда так жарко? — наконец, сказала она.

— Там, откуда ты приехала, гораздо холоднее, — ответил он формально.

Врач, навещавший её дважды, тоже так говорил, когда отвлекался от ощупывания её локтей и осмотра белков её глаз.

— Ты хочешь узнать обо мне, — сказала она. — Меня зовут Эйс. Я из далёкой страны под названием Перивейл. Я и мои друзья много путешествуем. В пустыне на нас напали, и бандиты оставили меня, сочтя мёртвой.

Седжет выслушал это, кивая. Она готовилась к этому, слушала сплетни слуг. Как оказалось, бандиты в пустыне были большой проблемой.

— Сожалею, — сказал он, — но мы в пустыне больше никого не нашли. Трупов тоже не было.

— А не было там ничего... необычного?

— Только ты, — улыбнулся господин Седжет.

Это была хорошая улыбка. Она была вынуждена признать, что он заслуживал как минимум восьми баллов. Под кожей у него были мышцы; не железные мышцы солдата, а мышцы того, кто тренируется. Он был богат, и у него было много свободного времени. На нём не было одето ничего, кроме юбки и украшений — браслетов и ожерелья из полудрагоценных камней.

Слуга принёс Эйс завтрак: хлеб и финики.

— Скажи мне, — спросил господин Седжет, — а где эта страна Перивейл? Там очень холодно?

— Да, — с набитым ртом ответила Эйс. *Какой это год? Где, блин, Доктор и Бенни?* — Люди Перивейла не мёрзнут. Но тут жара!

— Почему ты уехала оттуда?

— Долгая история, — сказала она. — Скучно было.

— Ты замужем? — спросил он.

Эйс чуть не выронила гусиное крылышко.

Поверить не могу. Я не против старших мужчин, но это же вообще ни в какие ворота не лезет. Ну же, скажи ему, что у тебя есть муж, и в загадочной стране Перивейле тебя ждут 2.4 ребёнка.

— Нет, я не замужем. Я солдат.

Седжет засмеялся.

Эйс отставила тарелку. Мартышка спрыгнула вниз, чтобы изучить её содержимое. Седжет всё ещё смеялся, у него аж живот трясся.

Поэтому Эйс подняла его и швырнула в бассейн; она окунала его, пока с него парик не свалился.

Когда она позволила ему всплыть и подышать, он всё ещё смеялся, его бритая голова сверкала в утреннем свете. Он обернулся, чтобы посмотреть насколько сильно она разозлилась. Но она смотрела на него без эмоций. Просто объяснила.

В тот день он сделал её своим телохранителем.

Писаря звали Сесехатон. Он рисовал на кусочке папируса крохотные рисунки. Его рука бегала над грубой бумагой справа налево, окуная кисточку в чёрные чернила. Эйс стояла рядом с ним в фойе и смотрела, как на странице выстраиваются маленькие шакалы, совы и человечки. Иероглифы... Это ведь то, что можно увидеть на вазах и на стенах гробниц. Ей никогда не приходило в голову, что кто-то ими действительно писал.

Сесехатон был стройным мужчиной примерно одного возраста с ней. Как и Седжет, он был выше других египтян. Эйс решила, что большее количество денег обеспечивает лучшую диету. Но он всё равно не был высоким и не казался опасным, в отличие от четверых здоровил в центральном зале господина Седжета, которые вежливо ждали, пока он завершит внесение Эйс в свои списки.

Она разбила об голову ассирийца кувшин с пивом и заехала этому бывшему солдату ногой в пах. Он сразу перестал смеяться. Она уже проходила через это на дюжине миров, когда была наёмницей: била бутылки об инопланетные головы и била рядовых по их интимным органам. Было в этом что-то детское, словно зарабатывать уважение на детской площадке разбитым носом и

поцарапанными коленками. Но это была возможность испытать своё тело, проверить, всё ли в нём работает как следует, не сделали ли с ней что-нибудь.

Что, чёрт возьми, произошло?

Она помнила, как на них опускался гигантский корабль, помнила, как пробиралась сквозь толпы паникующих пассажиров, когда на «Кортесе» была объявлена тревога. Переборки по всему кораблю закрывались, повсюду бегали мужчины и женщины в лёгких скафандрах, оснащённые каким-то оборудованием.

Затем чернота. Вполне возможно, что в этой суматохе она врезалась в переборку и потеряла сознание.

Затем нехороший вкус во рту и до боли сильный холод. Затем она лежала на холодном полу, грубая поверхность которого царапала её кожу... Из чего он был сделан? Она пыталась открыть глаза.

У Доктора под левым глазом был пурпурный шрам, лиловое пятно, пересечённое красной линией — результат чьего-то удара.

Дерьмо случается, как говорят футболки, и пока она была замороженным трупом, случилось много дерьма.

По крайней мере, она выжила. Она сможет тут о себе позаботиться до тех пор, пока не найдёт Доктора и Бенни. Они должны были быть где-то рядом. Или она их найдёт, или они её найдут, и тогда они вместе узнают, кто их враг, у Доктора будет план. А его планы всегда срабатывают.

Капелька крови, ярко красная на фоне его белой кожи, вытекла из его носа.

Мать его так! Что произошло?

Она тряхнула головой. Сесехатон говорил:

— Тебе дадут оружие. Лук, запас стрел и хопеш. Ты умеешь ими пользоваться, Тепи?

Они называли её «Тепи».

— Конечно, умею. А что такое хопеш?

Бывший солдат и полу-хетт с улыбкой переглянулись. Ассириец снова засмеялся. Он вынул из-за пояса тяжёлый медный меч, похожий формой на серп: длинная прямая часть, а затем странный загиб с острым концом. Похоже на вопросительный знак.

Он бросил его Эйс. Эйс неуклюже поймала его, с трудом удержав вес. Кончик с треском ударил по полу.

— Нужно будет попрактиковаться, — пожав плечами, сказала Эйс.

Она перевернула меч, схватилась двумя руками за рукоять, и меч оказался у горла ассирийца так быстро, что тот не успел ничего сделать.

Он перестал смеяться. Рассмеялась Эйс.

Седжет опустился на колени и провёл руками по песку, просеивая его между своими длинными пальцами.

— Возможно, мы слишком поздно приехали, — сказал он. — Пустыня могла уже проглотить всё, что осталось после бандитов.

Эйс сложила руки козырьком и обвела взглядом долину. Это была узкая трещина между выветренными утёсами, на самом дне которой было овальное пятно водопоя. Грязь, в которую она скатилась в день своего

прибытия, была теперь твёрдая и растрескавшаяся, запечённая на солнце.

Не было ничего необычного, только камни и песок. Ничего не говорило о том, что в воздухе раскрывался размерностный портал, изрыгнувший женщину из будущего. Даже животные ушли, спрятались от полуденной жары.

Неожиданно, но ТАРДИС не материализовалась.

— Прошло две недели, — сказала Эйс. — Если бы они были тут, в Ахетатоне, они бы меня уже нашли.

— Быть может, их бандиты похитили, — сказал Седжет. — Или же они просто отправились дальше, — он подошёл к большому валуну и сел в его тени. — Здесь ничего нет.

Эйс качала головой:

— Они бы меня здесь так не бросили, — её охватила лёгкая паника. — Они, наверное, не могут меня найти. Но они придут. Они придут за мной.

— Может быть, они думают, что ты погибла? — сказал Седжет.

Эйс повернулась и посмотрела на него, прищурившись. Он посмотрел на неё своими оленьими глазами и не сводил взгляда. Казалось, что он смотрит на все части её тела одновременно.

— О чём ты думаешь? — спросила она через какое-то время.

— Я голоден, — сказал он.

Эйс снова покачала головой.

— Мне придётся ждать. Профессор говорит, что терпение — добродетель, — она стала быстро ходить по песку, надеясь найти что-нибудь пропущенное. — Терпение.

Она чувствовала, что Седжет по-прежнему не сводит с неё глаз. «Молчи», — молила она про себя, — «не говори ничего».

Эйс не знала, кто из господ устроил эту вечеринку. Не знала, наверное, не только она: все они были пьяные. Кто-то, громко плюхнув, выпал из одной из лодок, и приятели со смехом спешили затащить его обратно на борт, пока им не заинтересовались крокодилы.

Она лежала в лодке и ела жареную курицу. Седжет стоял на носу, занеся руку с гарпуном. На нём была только юбка, его мышцы вздымались, поблёскивая в утреннем свете.

Это была довольно обычная вечеринка, одна из дюжины, на которых она побывала за эти два месяца. Они кутили всю ночь, набивали животы едой, запивая её пивом и вином, потому что в нильской воде было полно грязи и паразитов. Она была не единственной иностранкой на вечеринке: предыдущий фараон проводил много времени в захватнических войнах, и из новых колоний в Египет стекались люди.

Белое платье Эйс пропиталось запахами благовоний и масла для ламп. На одной из лодок одинокий музыкант всё ещё играл на флейте, его слепые глаза наполовину сомкнулись от усталости и опьянения.

Десяток водных птиц вырвался из камышей в небо, перепуганный толпой слуг. Седжет метнул гарпун с поразительной, учитывая количество выпитого им вина, точностью, одна из птиц вскрикнула и упала в воду. Кто-то из слуг с плеском посеменял по мелководью, чтобы подобрать её.

Большой мужчина обратил свои большие глаза к Эйс, рассчитывая на похвалу. Она помахала Седжету рукой, а он ей по-мальчишечьи улыбнулся. Жену Седжета она в последний раз видела храпящей на полу имения; у неё спине чья-то ручная мартышка ела финики.

Раздались улюлюканье и смех, и с их лодкой столкнулась другая. Седжет пошатнулся и ухватился за борта, чтобы не упасть.

— Расскажи нам ещё что-нибудь, Тепи! — просили несколько находившихся на борту мужчин и женщин.

Эйс закатила глаза. Иногда её не радовало, что у неё такое богатое прошлое, которое приходилось переживать снова и снова. Но еду надо было чем-то отрабатывать.

— На чём я вчера остановилась?

— Тебя взял в плен изменник.

— Ах, да. Точно, — Эйс прикрыла ладонями глаза.

От Лондона её отделяла целая вечность. Это было так давно.

— Кто-то позвонил в дверь. Майк вышел узнать кто это.

— И кто там был?

— Что значит «позвонил»?

— Неважно, — вздохнула Эйс. — Это была девочка, та, которую демоны наделили магическими способностями. Она поразила Майка ударом молнии.

— О!

— Жаль, а мне он нравился.

— Так ему и надо, нечего было демонам служить.

Они внимали каждому её слову, как дети.

— Нравятся мне эти рассказы, — Седжет держал за шею убитую птицу. — В них много приключений.

— Нам нравится, когда в них есть секс и насилие! — прогудел чей-то голос.

— Были бы вы там, возможно, вам бы это не так понравилось, — проворчала Эйс. — У мужчин, которые мне нравятся, есть вредная привычка умирать.

Кто-то подал ей чашу пива, и она плеснула им себе в лицо.

— До чего же жарко!

— Здесь всегда жарко, — фыркнул кто-то. — А вы слышали о том письме... от этого... как его... наместника? «Пусть Фараон, если ему так угодно, печётся на солнце, но мои послы пускай стоят в тени!»

Кто-то зашипел на них, чтобы они замолчали, другие захихикали.

— А мне нравится Ахетатон. В Фивах всё заплесневело, и нищих было полно. Мне нравится жить в новых домах.

— Если бы они только были не такие перекошенные!

Снова смех. Слава богу, они забыли о рассказе.

— Хочешь поохотиться? — спросил Седжет.

— Ты слишком пьяный, — сказала Эйс. — Опять свалишься с колесницы.

Они оба рассмеялись.

— Она, — пытался объяснить собравшимся Седжет, — лучший охотник из всех, кого я знаю. Кроме меня, разумеется.

— Я охочусь лучше тебя, — брюзжала она, — и в сенет лучше играю.

— Я всегда выигрываю!

— Только потому, что я тебе позволяю.

— Она подстрелила шакала на бегу, — рассказывал друзьям Седжет. — В смысле, это шакал бежал... Нет, стоп... Она тоже бежала. Но я хотел сказать, что...

— Заткнись, Седжет, — пробормотал кто-то. — Хотел бы я познакомиться с этим твоим Сину. У моего врача магия ужасная. Даже ушибленный палец вылечить не может.

— Может, вы и познакомитесь с ним, когда он за мной придёт, — сказала она.

С лица Седжета пропала улыбка, он перевернулся и принялся искать в остатках пиршества кусок баранины.

— А что дальше было? — спросил слепой флейтист.

— Да, расскажи ещё о тех местах, где ты бывала!

Эйс закрыла глаза. На сколько ещё вечеринок ей придётся сходить? Сколько ещё терпеть?

Солнце заливало Ахетатон, жарило белые стены тесно стоявших зданий, делало песчаные улицы такими горячими, что приходилось ходить в сандалиях.

Даже по ночам было жарко. Когда наступали сумерки, она брала в имении господина Седжета лошадь с колесницей и покидала широкую равнину города, ехала по каменистой пустыне до этого места. Сейчас она сидела, свесив ноги с каменистого утёса, чувствуя сквозь одежду теплоту камня. Два месяца, а она всё ещё не привыкла к жару.

Её факел погас, но в колеснице были запасные. Лук и колчан висели у неё на плече. Иногда она смотрела на небо. Там было больше звёзд, чем темноты. Она видела такие небеса в Шумере, во время ночных переходов, за пять тысячелетий до промышленной революции. Воздух был чистый, можно было почувствовать его вкус — вкус пустыни, горячей пыли и горячего камня. Если бы тут были животные, Эйс не сомневалась, что смогла бы и их унюхать. Если, конечно, «Лоренс Аравийский» ещё не всех их перестрелял.

Неожиданно, но Доктор не подошёл и не сказал «привет».

Главный писарь Сесехатон помогал ей в библиотеке. Она рассматривала через его плечо иероглифы, аккуратные строчки надписей на длинном папирусе. Она была безграмотная. Все эти годы школы были напрасными. Её снова охватило лёгкое беспокойство, но она его прогнала.

Они изучали историю, деловые записи, религиозные тексты. Никаких признаков Доктора не было.

Она не могла в это поверить. Он же везде побывал, он не мог не побывать в Египте! Должно же быть хоть что-

нибудь. Вся страна держалась на записях, бухгалтерии, счетах, письмах. Всё сочтено, всё записано.

От одного из неполных папирусов она рассмеялась. В пирамидах побывали далеки. Вот это был просто бред. Но из этого фрагмента не было понятно, побывал ли там и Доктор тоже.

Они пересмотрели также тексты из Шумера. Любые упоминания об их визите туда так переплелись с общей мутью о Гильгамеше, что со временем всё растерялось. Они перерыли рассказы из Пунта и Сирии. Временами попадались какие-то намёки, рассказы о богах или героях, которые ассоциировались у неё с Доктором или с Бенни.

...пытаясь тащить их обоих, ругаясь от разочарования...

Она улыбалась, читая о собственных приключениях на фрагменте керамики, который был старше её на пять тысяч лет.

Но не было никаких сообщений, никаких подсказок о том, что ей делать. Поэтому каждый раз, когда у неё была возможность, она выходила вечером на утёс, с которого было видно место, где она очнулась; на руке у неё неизменно был браслет генератора защитного поля.

Он был похож на наручные часы: тугая эластичная полоска с маленьким диском аппаратуры. Однажды вечером, при свете копящего светильника, она вскрыла корпус при помощи деревянной щепки. Затем она полчаса смотрела, ничего не понимая, на внутренности. *Прошу прощения, капитан, но я не могу обойти дилитиевые*

обмотки диагностики фазы свёртывания. Не имея нужных инструментов, она могла это только сломать.

Бурлящий свет на органическом корабле, видимо, был частью пространственно-временного разлома. Ей доводилось видеть пространственно-темпоральные аномалии, она знала окружающую их головокружительную геометрию. Бенни, должно быть, прибыла сквозь неё, разбила при своём появлении стеклянную стену, её выплюнуло из разлома как какую-то гадость изо рта реальности.

Она, должно быть, собиралась уйти тем же путём, рассчитывала, что они будут готовы отправляться.

Значит, пустыня возле Ахетатона была одним из концов разлома, одним из мест, где он пробивал пространство-время, создавая своего рода врата. Было логично, что заргоиды использовали такие врата для того, чтобы красть со звездолётов пассажиров. А затем замораживать их.

Зачем?

И что им было красть в пустыне?

Поэтому Эйс сидела на утёсе и смотрела в черноту.

Позади неё раздался какой-то звук, и она, не успев даже подумать о нём, обернулась, мгновенно беря в руки лук. Лишь вставив стрелу и прицелившись, она поняла, что это был писарь Сесехатон.

— Мать моя женщина! — сказала она. — Я могла в тебе дыру проделать.

Плохо, плохо, плохо. Она должна была услышать, как он идёт, должна была заметить слабое мерцание факела,

поднимавшегося позади неё из-за гребня. Она осторожно направила стрелу в землю, позволила охваченным судорогой рукам расслабиться. Из-за слишком долгого сидения в одной позе ей немного свело спину. Руки у неё покрылись гусиной кожей. Почему-то из-за Сесехатона у неё такое часто случалось.

— Прости, что напугал тебя, Тепи, — сказал Сесехатон.

— Не напугал. Что ты, чёрт возьми, тут делаешь?

— Хотел убедиться, что у тебя всё хорошо.

— Ты прекрасно знаешь, что я могу сама о себе позаботиться.

Сесехатон кивнул, его факел тоже слегка нагнулся и поднялся.

— Я не знал, что ты сюда приезжаешь ночью сюда.

Он не спросил зачем. Эйс снова села, положив лук себе на колени.

— Красная Земля очень красива, особенно во время заходов и восходов, — сказал позади неё Сесехатон. — Совсем не такая, как Чёрная Земля вдоль Нила. Такая нетронутая. Кажется такой простой, но она такая сложная. Все эти волны на каменистых утёсах, песчинки... — его голос замолк в ночном воздухе.

Эйс впервые слышала, чтобы он так говорил, раньше он говорил исключительно о списках и счетах.

Она повернула голову к нему, ожидая очередное предложение. Она уже знала, что сезон охоты на иностранок тут круглогодичный. С другой стороны, иностранное происхождение позволяло не соблюдать

некоторые правила... во всяком случае, ей это удавалось лучше, чем египтянкам. Ей всё равно приходилось отстаивать себя каждый день, снова и снова демонстрировать, что она умеет обращаться с оружием, что она не завизжит от страха.

Однажды вечером они с ассирийцем выпивали, и он решил, что ей нужно выйти замуж за парня из obsługi, который подойдёт к их столу первым. Бедный официант не мог понять, почему эта пьяная парочка так хохочет.

— Это всё, на что годятся женщины, — ворчал ассириец, заливая в себя чёрную жидкость. — Делать хлеб и делать детей.

Эйс фыркнула:

— А мужчины годятся лишь на то, чтобы разбивать мечом друг другу головы.

— А тебе что больше нравится? — спросил, проливая себе на грудь пиво.

Эйс засмеялась:

— Я могу и то, и другое.

Её смех звучал у неё в голове, похожий на смех выстроившихся во дворе дворца китаянок. Сесехатон смотрел на пустыню, на величие Красной Земли, укрытой чёрным пологом неба.

Буря явилась словно из ниоткуда, как и всегда в пустыне. Блеснула розовая молния, воздух запах озоном, и полилась вода. Эйс подставила под неё язык. Долина заревела — со всех ущелий в неё хлынула вода, потоком уносило даже камни.

Она хотела показать это Доктору, услышать его умничанье о погоде, о бабочках, о песчинках. Она всё время думала о том, что хотела что-то ему рассказать; ей всё время хотелось расспросить Бенни о Древнем Египте.

Они смотрели на грозу, слушали рёв воды. Вода и движение в беззвучной, пыльной пустыне. Им повезло застать это редкое мгновение хаоса.

— У вас тут погоды как таковой нет, да? — сказала Эйс. — На каждый день прогноз один и тот же: жара. Ничего не меняется.

— Долго ещё будешь ждать? — спросил Сесехатон.

— Пока есть жизнь, — твёрдо сказала она, — есть и надежда. Столько, сколько понадобится.

— А я быстрее тебя залезу!

Эйс обернулась назад. Солнце было позади вершины Великой Пирамиды, создавая вокруг неё гало жёсткого света. Седжет уже ловко взбирался на первые ступени. Он сел на один из блоков песчаника и посмотрел вниз, на неё.

— Ты же говорил, что уже поднимался на Пирамиду раньше?

— Всего лишь около двенадцати раз, — усмехнулся египтянин. — На праздники мы всегда сюда приезжаем.

— Это правда, — вздохнула миссис Седжет. — И каждый раз ему нужно залезть наверх.

— Оттуда хороший вид?

— Вид? На что?

Эйс махнула рукой в направлении пустыни.

— Слушай, может, иди вперёд?

— Ты что, заболела? — надув губы, спросил Седжет.
— Подъём не такой уж сложный.

Эйс покачала головой:

— Я здорова. Иди вперёд. Давай!

Немного постояв, он так и сделал, поскакал по разрушенной поверхности пирамиды. Эйс вздохнула и села на песок, спиной к песчанику.

Неожиданно, никто из туристов не оказался Доктором.

Один из слуг миссис Седжет принёс ей табурет. Мисс Седжет улыбнулась ей. Путешественница во времени вдруг поняла, что жена Седжета не намного старше её. Здесь люди старели быстрее, так же, как в Уруке и в Теночтитлане. Быстро выросли и умирали молодыми. Они были низкие, у них были ужасные зубы, и они умирали от такой ерунды как грязная вода или царапина.

Но были и положительные моменты. Тут никто не рисковал умереть от загрязнения воздуха или от избытка джанк-фуда. Если им хотелось убивать друг друга, им приходилось делать это по-старинке, лицом к лицу, нанося удары кованым металлом. И нельзя было уничтожить всю страну, не говоря уже о всей планете.

Здесь жизнь жила меньшими масштабами, — подумала она, опираясь на пирамиду.

Миссис Седжет сказала:

— Сюда приятно приходить. Жаль только, что тут так много туристов.

Эйс хохотнула:

— Они очень старые, даже сейчас, да?

— Пирамиды? Это самое старое, что есть в мире. Наверное, египтяне могут ими гордиться.

Она сложила руки на коленях, чувствуя себя без своих дочерей немного потерянной. За малышами присматривали оставшиеся в Ахетатоне слуги.

— Почему ты не хочешь подняться наверх?

Эйс посмотрела на неё, прикрывая руками глаза.

— Не знаю. Наверное, мне не настолько интересно, — она протяжно вздохнула. — Седжет, наверное, потом всю неделю дуться будет.

— Ему нравится брать тебя с собой повсюду.

— Да, — Эйс устроилась на песчанике удобнее. — Я хотела тебе сказать, что... ну... между ним и мной ничего нет.

— О, я это знаю, — когда госпожа Седжет говорила, на её лице становились заметнее складки от смеха. — Он всегда был падок на иностранок. Я отбила его у вавилонянки, очень экзотической дамы. Он был без ума от неё, но была одна проблема.

— Какая?

— Он не знал ни слова по-вавилонски.

Эйс не удержалась и улыбнулась.

— Послушай, между нами действительно ничего нет. Он же женатый мужчина, в конце концов.

Миссис Седжет кивнула:

— Да, я знаю об этом. Я не обращаю внимания, когда у него случаются интрижки. Однажды у меня самой была интрижка — вот это для него, наверное, было шоком. Наши с ним отношения деловые: он не только не знает

иностранные языки, но и сложить два числа ни в жизнь не сможет. Я занимаюсь счетами и иностранными торговцами.

— Там, откуда я родом, — сказала Эйс, — считается, что жениться нужно по любви. Впрочем, так далеко не всегда получается.

Миссис Седжет кивнула:

— Я люблю Седжета. Он хороший человек, Тепи, заботливый.

Мимо вслед за своими родителями прошла ватага детворы; задрав головы на Пирамиду, они натыкались друг на друга. Эйс сложила руки на груди.

— То есть, если он... Я хочу сказать, мне всё время кажется, что он скажет что-то, но я... если он скажет...

— Я бы не возражала. В конце концов, если у него серьёзные чувства к тебе, он всегда может сделать тебя наложницей.

— О.

— Что-то ты не очень радостная, дорогая.

Эйс покачала головой. Госпожа Седжет озадаченно посмотрела вслед удалявшейся спине мужа.

Одним ужасно жарким днём Седжет решил навестить своего дядю. С собой он взял четырёх телохранителей. Трое из них живыми не вернулись.

Они ехали на колесницах напрямик через пустыню, копыта лошадей поднимали столбы пыли. Разбойники были одеты в одни лишь набедренные повязки, их мышцы и шрамы были на виду. Эйс была одета так, как могла быть одета любая дама на отдыхе: белый лён, складки которого

были выглажены окосевшими от такой работы служанками, и полкило бижутерии.

Сверху, с холмов, на них посыпались стрелы, сразу убив одну из лошадей, разогнав колесницы в разные стороны. Что-то сильно шлёпнуло Эйс по лицу, и она поняла, что это застрявшая в её волосах стрела.

Когда грабители, размахивая дубинами и мечами, бросились в атаку, они приняли её за безобидную знатную женщину. Двоих из них она убила раньше, чем они успели понять, что ошиблись.

Через много столетий, в будущем, когда искусство повреждения человеческих существ было доведено до технологической точности, она смогла бы оставить их в живых. Но хопеш — это здоровый кусок мягкого металла с гадким крюком на конце, и всё, что им можно сделать — выпустить врагу кишки и надеяться на то, что он умрёт быстро. Именно так умер полу-хетт: лёжа в песке, со стоном сжимая волосатыми руками разрез в доспехе.

Хопешем было неудобно замахиваться, до следующего удара проходило большое время, но когда им наносили удар, это было ощутимо. Эйс бесшумно подошла со спины к бандиту, от которого отбивался Седжет. Вжик, бум — звук рассекаемого воздуха, рассекаемой плоти, голова покатила по земле. *Следующий?* Она протасила кривой меч сквозь бок самого большого бандита, чувствуя, что под её ударом его органы рвутся, как бумага.

Что-то в неё попало, лицо не задело, но встряло в ключицу. Она закричала и яростно, но неуклюже взмахнула хопешем и ногой. Либо одно, либо другое всё-таки попало в

цель, и невезучий бандит упал прямо в руки Седжета. Тот скрутил нападавшему шею до тех пор, пока она не треснула, а затем бросил его на землю.

Эйс поняла, что больно села в пыль, левое плечо невыносимо болело, из него текла кровь. Седжет подбежал к ней:

— Сестра! Тебе больно? Ты сильно ранена?

Его лицо нависало над ней, как темнокожее солнце, глаза чёрные как ночь, в них была забота.

«Всегда такой романтик», — подумала она, когда пульсирующая в голове боль заставила её лечь на песок. — «Готова поспорить, что Бенни сейчас ещё хуже».

Каир, 1798 г. н. э.

Бенни ела виноград. Она лежала на мягких перинах в просторной гостиной, по шею завернувшись в шёлковую простыню. Мерцающий свет свечей освещал комнату, выхватывал из темноты лицо Вивана.

— Старайся не шевелиться, — увещевал он, игриво грозя ей углём, которым рисовал.

— Прости. Он такой вкусный. Хочешь ягодку?

— Нет, спасибо. Перестань шевелиться, — его уголь быстро бегал по бумаге, очерчивая контуры её тела. — Ты превосходная модель... была бы, если бы так не ёрзала.

— Ты наверняка всем девушкам так говоришь.

Она швырнула в него виноградиной. Ягода отскочила от его носа. Его лицо было красным от египетского солнца и хорошего питания, а его небольшой красивый рот

постоянно улыбался. Он был по-уютному красив. Даже и не скажешь, что ему уже пятьдесят один год.

— Я закончил, — он отложил не завершённый набросок в сторону.

Придерживая простынь, Бенни взяла пачку его предыдущих эскизов. В основном это были пирамиды, в которые Виван был безнадёжно влюблён. Сфинкс, по шею засыпанный песком, а по нему ползают крохотные учёные с отвесами и блокнотами. Всё нарисовано короткими, точными штрихами карандаша.

Услышав далёкую канонаду, она подняла голову.

— Тебе, наверное, лучше одеться, — сказал Виван. Он взял подмышку пенал с карандашами и вышел наружу.

Бенни подождала, чтобы убедиться, что он не выглянет из-за двери. Улыбаясь, она натянула свои старые брюки и свободную коричневую рубаху. Это была хорошая одежда, рабочая одежда, песок и грязь въелись в неё так глубоко, что уже никогда не выстираются.

Она взяла в руки не завершённый эскиз. Рисовать эту картину было её идеей. Когда Виван показывал ей некоторые свои ранние работы, она нашла его «l’OЕuvre Priarique».

— Ах, да, — сказал он, почти покраснев, когда Бенни небрежно перелистывала страницы с изображениями половой жизни жителей Помпей.

— Не удивительно, что было извержение, — пошутила она.

— Эта работа была воспринята несколько неоднозначно...

Она осмотрела свой портрет, выполненный лёгкими, почти игривыми штрихами. Чёрными угольными линиями были нарисованы темнеющие корни её длинных светлых волос. Её волосы выглядели такими же грязными, как и её одежда. Второй раз рисовать её цветом в пустыне восемнадцатого века уже не будут, но она всё равно не отказалась бы от нормального шампуня.

Вивану Денону сейчас предстояла его великая южная экспедиция с генералом Дезо. Старина Бонапарт был впечатлён Деноном и был совсем не прочь, чтобы тот прогулялся по Нилу и нарисовал несколько древностей — всё ради пущей славы Франции, разумеется.

Вот почему Наполеон взял с собой в Египет более ста любимых учёных мужей. Денон позаботился о том, чтобы его странная (английская?) ассистентка попала в их число, уговорил Бонапарта взять в экспедицию женщину.

Для остальных учёных мужей, строгих джентльменов в строгих костюмах, она была всего лишь последним завоеванием Денона. Их разговоры при её приближении умолкали, посещать семинары ей не разрешали. Когда они смотрели на неё свысока, почти с жалостью, ей хотелось плюнуть им в лицо.

Но она была тут гостьей и вела себя воспитанно. У неё не было выбора; в конце концов, ей некуда отсюда деваться. Особенно это её беспокоило тем, что несмотря на репутацию обольстителя дам, Виван относился к ней лучше, чем к другим дамам. И, чёрт возьми, он был очарователен.

В дверь постучали.

— Ты уже в приличном виде?

— Ни за что, — хихикнула Бенни. — Заходи.

Он зашёл, вежливо отводя взгляд, пока не убедился, что она одета.

— Всё готово к нашему отправлению, — сказал он и кашлянул. — Быть может, по возвращению мы сможем завершить нашу сессию.

— Быть может, — игриво сказала Бенни. — Открывай новую бутылку.

Виван вынул из корзины бутылку абсента.

— Боюсь, он слишком тёплый.

Бенни скривилась:

— Ну и ладно.

Она расстегнула сумку со своими вещами и начала рыться в ней. Виван с любопытством смотрел на застёжку-молнию. Бенни немного сместилась, чтобы он не видел, что она делает.

В сумке всё было перемешано. Она достала пластиковую коробку с красным крестом из пластыря, запас чистого белья, дневник, шляпу.

Она сидела и вертела в руках шляпу. Дневник выпал ей на колени.

— А о чём ты пишешь? — спросил Виван, откупоривая бутылку.

— Историю бухла, — сказала она. — Как только бухло оказывается возле меня, оно становится историей.

Нахмурившись, она продолжала теревить пальцами поля шляпы.

— Я этого раньше не видел, — сказал Виван, взяв из её рук шляпу.

Бенни вырвала её обратно, с большей силой, чем хотела.

— Это принадлежало... это шляпа старого друга.

Он с серьёзным видом кивнул, не желая вторгаться в личное.

— Это единственная белая «федора», — непонятно объяснила она. — И это всё, что у меня от него осталось.

Она закрыла глаза. Она помнила, как тащила изо всех сил, как в её голове возникали огни. Её пальцы соскальзывали. Чувствовала, как Эйс и Доктора вырвало из её рук. Она помнила, как кричала, но её голос тонул в рёве бушующего разлома.

— Это всё, что у меня осталось, — снова сказала она.

Виван подал ей бокал абсента, и она выпила горькую жидкость одним глотком.

Какое-то время всё было немного фрагментировано, как будто прыгаешь по каналам телевизора. Жгучая боль во время осмотра врачом раны. Попытки Эйс, ругаясь, отогнать его. Седжет сидит у её кровати, улыбается ей, когда она ненадолго приходит в сознание.

Когда она полностью очнулась, в комнате было много ламп, наполнявших воздух золотистым светом и запахом палёного жира. Седжет храпел в деревянном кресле у её постели, распугивая злых духов. Снова больна, снова спасена, уложена в постель и под присмотром.

Шрам был длинный, неглубокий, но рваный. Она осторожно ощупала его, ей хотелось рассмотреть его. Когда она шевелила рукой, там возникала тупая боль. У неё бывали раны опаснее этой, но она чертовски нервничала из-за того, что её лечат люди, которые живут за двадцать веков до пенициллина.

Но если в рану попало что-то нехорошее, живущие в ней маленькие машины сожрут его, и будут носиться по её крови, как банды подростков, исписывая стены кровеносных сосудов словами на галлифрейском: **ЗДЕСЬ БЫЛ ДОКТОР.**

Какое-то время она смотрела на то, как господин Седжет спит, сложив руки на груди. Его небритость выглядела ужасно. Обычно его голову и подбородок брили каждое утро. А сейчас на его голове была небольшая чёрная щетина. Мило — он о ней переживал.

Жаль, что он такой нудный.

Она здесь уже шесть месяцев. Полгода жила на автопилоте, делала то, что она делала в любом новом окружении: осматривалась, находила способы выжить. Искала Доктора и пыталась дожить до того момента, когда он объяснит, в чём состоит его план. Ходила на вечеринки. Красиво одевалась. Играла в игры.

Щедрость Седжета была слишком удобной. То есть, она, конечно, заслужила немного удачи после всего того дерьма, через которое она прошла. Но это ведь наверняка подстроено, часть какого-то сценария, который она просто не замечает.

Иногда он писал ей любовные стихи, рисовал иероглифы собственной рукой — медленнее, чем Сесехатон, но уверенными, размашистыми штрихами. Писарь читал их ей, краснея. «Дай мне снова увидеть, как ты заходишь бассейн, и твоё белое платье прилипает к твоему телу. Принеси мне из бассейна красную рыбку или безупречную лилию». Слава богу, что жена Седжета читать не умела.

Он был довольно богат, заботлив, у него была искренняя тяга к ней. Он мог не дать ей умереть в этом чужом для неё мире. Ну и, в конце концов, у него неплохая задница.

Но она не хотела рожать детей, только не здесь, где женщины кричали и умирали во время родов. Контрацепции не было. По крайней мере такой, которой она бы согласилась пользоваться. В некоторые места крокодилий помёт лучше не совать.

Она не знала, позволят ли ей забеременеть маленькие машины в её теле.

Седжет проснулся.

— Сестра, — сказал он. — Надеюсь, тебе стало лучше.

— Бывало и лучше, — сказала она, вовремя вспомнив, что плечами пожимать не стоит. — А ты, похоже, не получил ни единой царапины.

Он улыбнулся. Всё та же мягкая улыбка.

— Сестра, — сказал он, — я снова думал о возможности брачного контракта.

Эйс почувствовала непреодолимую усталость. Она покачала головой.

— Я достаточно богат, чтобы иметь двух жён, — поспешно сказал он. — Я не хочу, чтобы ты была простой наложницей. Ты будешь проводить время за музыкой и игрой в сенет, а служанки будут подавать тебе финиковое вино. Я дам тебе всё, чего пожелаешь.

— Нет, — прошептала она. — Нет, Седжет, нет. Я не могу тут оставаться, я не могу остаться здесь навсегда. Я должна найти своих друзей. Я должна уехать.

— Ты не понимаешь? — сказал господин. — Твои друзья не вернутся за тобой.

— Моё место не здесь. Я должна уйти, я должна выбраться отсюда!

— Тепи, послушай меня. Послушай, сестра. Они за тобой не вернутся.

Бенни нагнулась над Доктором, лихорадочно пытаюсь обратить его внимание на себя. Из его рта и носа медленно текла кровь. Его веки вздрогнули и закрылись.

О Боже.

О Боже мой.

Холодная как лёд уверенность, которая была у неё на корабле, снова вернулась.

Он же действительно умер, да?

— Не больно, — она закрыла глаза, пытаюсь найти часть своей души, которая хотела бы плакать. — Почему мне не больно?

Седжет смотрел на неё, его обычно гладкое лицо исказилось очень искренним страданием.

Никаких рубиновых туфелек.

— Мне просто холодно, — сказала она.

— Людям из Перивейла не бывает холодно.

— Я не из Перивейла, — прошептала она. — Я египтянка.

Глава 5

Вчера, когда я был безумен

(Париж) единственное место во вселенной, где можно полностью расслабиться.

Доктор, «Город Смерти».

Париж, 1871 г. н. э.

Обычно его пробуждение было очень внезапным: скачок из небытия в сознание, иногда настолько резкий, что ему приходилось подумать, а спал ли он вообще.

Но в этот раз он возвращался из темноты медленно. Первое мерцание осознания себя, осознание этого осознания. Его несло сквозь мутные воды; то ли над ним, то ли под ним горел тусклый свет, на его глаза давил вес океана. Были двери, до которых он не мог дотянуться.

Усилием воли он заставил их открыться.

От яркого света он заморгал. Он попытался всё рассмотреть, но это была какая-то белиберда, ерунда, чехарда из света и тени.

Он снова закрыл глаза. Начнём с простого, всё по порядку. Он был жив, это уже хорошо. Он лежал. Его грудь и руки были чем-то придавлены, на лице было что-то пластиковое. Его дыхание было шумным. Пластик окружал его рот и нос.

Он перевернулся и скатился с кровати, прочь от тяжёлых одеял. Пол был холодный. Дыхательную маску сдёрнуло с места, и он сбросил её с себя.

Комната вокруг него ходила ходуном. Он пытался восстановить дыхание. Он видел дверь, вверх ногами. Это выход наружу. Он заставил себя встать на колени, схватился за кровать и начал вставать на ноги. Не останавливаться.

Он ощупал дверь и подёргал ручку. Заперто. Простой замок. Его можно быстро взломать.

Но был звук, звук из-за двери! Кто-то идёт! Ему нужно выбраться, быстро выбраться.

Он бросился к окну, резко раздвинул шторы, а в это время кто-то уже вставлял в замок ключ. Окно не было заперто. Он распахнул его и вылез. Не останавливаться.

Он оказался на покрытой черепицей крыше. Солнце! Дрожащей рукой он прикрылся от напора света.

Небо и танцующие здания ходили волнами, как океан. Он пополз по крыше, крепко цепляясь за черепицу, чувствуя привкус крови. Он не знал, куда он направляется, что он будет делать потом, но это не важно. Не останавливаться, не останавливаться, уйти!

Позади него раздался крик. Он резко обернулся. Кто-то высунулся из окна и кричал, чтобы он остановился, чтобы не вёл себя как идиот. Грациозная как животное, она выпрыгнула из окна, приземлилась на черепицу и пошла за ним.

Его руки соскользнули, и он покатился с крыши, пытаясь схватиться за черепицу. Когда он перекатился за

край, был резкий рывок, а потом сильная боль в плечах. Он раскрыл глаза, прищурился против сияющего неба и понял, что держится за водосток. Возможно, под ним кто-то кричал. Он не смотрел вниз.

Он помнил, как что-то падало с оранжевого неба, падало, падало...

Его преследовательница появилась над краем крыши и холодно на него посмотрела. «Ты что, чёрт возьми, делаешь?» — крикнула она и потянулась к нему рукой.

Он отпустил водосток.

Она поймала его в воздухе, обеими руками вцепившись в его левое запястье. Одним движением она затащила его на крышу.

Он сопротивлялся, но её хватка была как железная, а от солнца его голова уже звенела как колокол. Она была за его спиной, одной рукой обхватила его грудь, другой сжимала его запястье. «Расслабься», — сказала она ему на ухо. — «Расслабься. Я тебя держу».

С щелчком, похожим на звук затвора фотоаппарата, реальность встала на место. Он расслабился в её руках, его голова опустилась на её плечо.

Это была Земля, он был в безопасности, не надо было никуда бежать. Не надо никуда бежать. Какая-то часть его разума словно отломалась, она была похожа на детальку карманных часов, тарахтевшую внутри корпуса.

Он был не в своём уме.

Он раскрыл рот, чтобы закричать от ужаса. Но затем начал вспоминать и промолчал.

Две недели спустя Кадияту Летбридж-Стюарт сидела, одетая в одном белье, в плетёном кресле. Она смотрела, как Доктор спит.

Бугор, отмечавший пальцы его ног, был почти в метре от края кровати с пологом. Его руки были сложены на груди, поверх одеял. Она никогда не видела, чтобы кто-нибудь живой выглядел таким расслабленным.

Несколько недель назад она избавилась от нервной привычки проверять, дышит ли он. Он делал примерно два вдоха в минуту. Температура у него была такая низкая, что иногда на коже конденсировалась влага.

Он спал с улыбкой на лице, можно было подумать, что сон был для него новой и необычной роскошью, которую он намеревался исследовать сполна. Как будто бы провести несколько недель в коме было именно тем, что он и планировал.

Зачем вставать, если можно сидеть; зачем сидеть, если можно прилечь; зачем просыпаться, если можно спать. Кадияту заснула в большом плетёном кресле. Спальня на втором этаже была наполнена запахами трав, которые почти не давали почувствовать запах далёких пожаров.

С плотно задвинутыми шторами она могла представить, что она где-то в другом месте, что она может спуститься по лестнице и пойти гулять по любой улице, по которой пожелает. А не в горячем воздухе, среди криков, в вонючий парижский полдень.

Она проснулась и встала босыми ногами на пол раньше, чем поняла, что её разбудило. Холодные доски заставили её вздрогнуть. Она потёрла заднюю часть шеи.

Часы на каминной полке тикали, как промышленный механизм.

Он моргал в свете свечи.

— Руби? — пробормотал он, прищурившись на неё. — Руби Дюваль?

Она подошла ближе к кровати.

— О, — сказал он. — Где бы мы ещё встретились. Мир тесен, правда? А где Эйс?

Кадияту отпёрла ящик и вынула из него ручной медицинский сканер.

— Её здесь нет. Только ты.

Она провела над ним сканером.

— Встретились как-то два экстрасенса. Один другому говорит: «Ты здоров, а я?», — голос у него был немного хриплый, что было не удивительно, учитывая, что большая часть эпидермиса его горла выросла заново.

— Принимая во внимание все обстоятельства, ты в довольно неплохой форме. Что ты помнишь?

— Ерунду всякую, в основном. Я помню, как пил чай из листьев коки в отеле в Тучекукуйске, над кучевым облаком на горе высотой двадцать миль, — его глаза метались по комнате, словно прожектора. — Мне сказали, что я могу позавтракать в любое время, и я выбрал Францию девятнадцатого века.

— Тысяча восемьсот семьдесят первый, — сказала Кадияту. — Мебель?

— Твоя одежда.

— На тебе было лишь что-то вроде комбинезона.

— Не мой стиль, — сказал он.

— Откуда ты прибыл?

— А куда я попал?

— В дом друга.

— Это твой дом?

— Он принадлежит другу. Чернокожая одинокая женщина — это и так подозрительно, особенно если она никому не принадлежит.

— Давно?

— Примерно два месяца.

— Спасибо.

Она покачала головой:

— Ты мой билет отсюда.

— А, — сказал он. — Без моей ТАРДИС это может оказаться непросто.

— Ты как-нибудь выкрутишься. Тебе что-нибудь нужно?

— Мир во всём мире. Но соглашусь и на стакан воды.

Она принесла ему воды. Он сел и неловко дёрнул левым плечом, словно оно болело. На нём была абсолютно новая пижама из английского шёлка. Она сидела на краю постели и смотрела, как он пьёт.

Он увидел себя в большом зеркале. На левой щеке у него был гадкий шрам, ярко-красный, окружённый фиолетовым синяком.

— Странно, — пробормотал он. — Периферийные повреждения должны залечиваться первыми.

— Тебе повезло, что ты выжил. Что произошло?

— Ненавижу, когда план не срабатывает, — сказал он, продолжая медленно пить воду.

Отражённый в зеркале, его взгляд был направлен на неё. Волосы у неё были короткие. Глаза у неё были миндалевидной формы, словно узкие окна на серьёзном лице. Она была выше его больше чем на голову, длинноногая и мускулистая.

— Я проголодалась, — сказала она. — Ты хочешь поесть?

Бернис закрыла глаза. Ей казалось, что в них пустыня, пропечённая полуденным солнцем, что в них полно песка. Она лежала под пологом, в тени, и молилась о том, чтобы кондиционеры изобрели раньше времени.

Они с Деноном отклонились от экспедиции, оставив Дезо на несколько дней с его вынужденными переходами. Короткое путешествие на лодке по Нилу, и они будут в Амарне.

Во Францию она попала несколько месяцев назад. Она выпала из разлома одна и светилась как лампочка, распугав этим крестьян, рвавших яблоки. С собой у неё была только её сумка.

Она расстегнула на ней молнию и вынула свой дневник. Сумка была набита антибиотиками, снаряжением для пикников — всем тем, что могло помочь ей выжить при условии, что она не убьётся сразу.

В ожидании сигнала от Доктора и Эйс она провела в ТАРДИС почти месяц. Она спала одетая, подложив под голову сумку, готовая в любой момент направиться на сигнал маяка.

Сигнал её разбудил. ТАРДИС навелась на него автоматически. Бернис помчалась в консольное помещение: на плече сумка, на запястье защёлкнут генератор силового поля. Двери ТАРДИС уже открывались, в Вихрь уходил огромный спиральный коридор. На другом его конце она видела мерцающий портал.

Она выбежала за двери и почувствовала, как её понесло по временному коридору, в последний момент подхватило внутренними силами и вышвырнуло сквозь портал. Каким-то образом ей удалось остаться на ногах при преодолении и темпорального барьера, и обычного.

Энергии коридора окружали её быстро исчезающим гало. Осколки разбитого стекла плавились и капали к её ногам, словно дождь.

Там были Доктор и Эйс. Каким-то образом всё оказалось даже хуже, чем в её кошмарах.

Бернис надвинула на глаза «федору» Доктора. Она не знала, ни почему он не взял шляпу с собой, ни зачем она запихнула её в свою дорожную сумку. Но она была рада, что шляпа с ней. Как минимум, она защищала от солнца.

Золото и водка закончились в первый месяц. В течение этого месяца она просто выживала, с трудом восстанавливая школьные знания французского. Телепатические контуры ТАРДИС разбаловали её по части языков до невозможности, но разгадывать древние языки входило в навыки археолога.

Сейчас ей этот навык был очень нужен. Поначалу всё было абсолютно чужое — деньги, еда, одежда, даже устройство туалетов. Понимая, что ей не удастся быть

незаметной, она постоянно переезжала, пробираясь, в соответствии с сумасшедшим планом, к Парижу. Если бы она не прожила часть своей юности в лесу, она бы умерла с голоду. К тому времени, когда она добралась до столицы, она уже питалась жуками.

Обратиться к Денону было очевидным решением. Он в какой-то степени создал египтологию и был одним из первых археологов. Она его изучала. Она могла произвести на него впечатление. У него были деньги и связи. Он был спасательным жилетом в океане истории.

Хорошо, что они уехали из Каира. Египетские повстанцы нападали на французских солдат каждый день, французы сожгли несколько мечетей, обе воюющие стороны уже были виновны в нескольких массовых убийствах. Наполеон даже отравил всех собак, чтобы они своим лаем не предупреждали повстанцев. Довольно обычная вещь для войны, вообще-то.

Бенни нахмурилась. Ей не нравилось быть на стороне завоевателя, но выбора у неё практически не было. Французы не были ни хути, ни далеками — нет, это всего лишь очередной нудный эпизод человеческой военной истории.

Даже в её столетии учебники истории обычно были длинными и скучными описаниями сражений и войн, списками дат, которые мало что могли сказать о людях, живших в те времена. А для среднестатистического крестьянина скорее всего не было ни малейшей разницы, кто был Императором.

Денон заинтриговала эта явившаяся на его порог безумная оборванка. Её знание Египта его не впечатлило, а просто поразило. Французское образование давало много знаний о Древней Греции и Риме, но Египет был по-прежнему тайной, его язык не был переведён, на стоявшие под солнцем его памятники не обращали внимания.

Наполеон основал в Каирском дворце Египетский Институт, желая, чтобы всё в только что завоёванной земле было измерено, каталогизировано, зарисовано. Денон был лишь одним из команды, собиравшей детали и иллюстрации, которые в конечном итоге станут «Путешествием в Верхний и Нижний Египет»². Когда он закончит здесь, он будет помогать Наполеону грабить европейские предметы искусства для наполнения Лувра. Он всё воспринимал спокойно, что было неудивительно для того, кого отправили с секретной миссией Императора, и кто смог обмануть мадам Гильотину.

Бенни почувствовала, что засыпает. Зарплата была хорошая, голодать не приходилось, и ей довелось участвовать в рождении археологии. О более мягкой посадке она даже не мечтала.

Вихрь разбросал их троих в разные стороны. Она могла вывалиться где угодно: в открытом космосе, в далёком будущем или далёком прошлом. Она в тысячный раз убеждала себя, что Доктор был в безнадёжном состоянии, и

² Двухтомник барона Доминика Вивана Денона, изданный в 1802 году.

было не важно, где именно он приземлится. Но Эйс... У Бенни была догадка о том, где оказалась Эйс.

Она снова погрузилась в свою память, выцеживая неприятные воспоминания. Лекционный зал Академии, мягкий голос лектора, голограмма утёсов Амарны.

Под полог заглянула голова Вивана. Она могла читать его как книгу: благородно сдерживаемый интерес.

— Мы должны прибыть во второй половине дня, — сказал он. — И тогда сможем заняться поиском этой твоей египетской загадки.

Бенни кивнула:

— Нужно обыскать такую большую территорию. Но мне кажется, что кто-нибудь из местных будет знать, что мы ищем.

— Предложение на английском языке, написанное три тысячи лет назад? Думаю, его бы кто-нибудь уже заметил.

Бенни нахмурилась. Амарнское Граффити было знаменитой археологической загадкой, всё ещё не разрешённой в её столетии. Проблема была в том, что в этом воспоминании об учёбе было что-то странное. Как будто оно ей приснилось. Или как будто раньше этого воспоминания не было.

Пока Доктор медленно поглощал тарелку супа, Кадияту три раза брала добавку и выпила бутылку красного вина. Её служанки с беспокойством стояли на подхвате. Девушки в большинстве своём были из села, здоровые и мускулистые, они семенили по натёртым воском полам в столовую и обратно. Хотя им и не нравилось служить

«чёрной», они были рады, что хозяйка не из злых, пускай даже и решила вдруг поужинать посреди ночи. Но резкое воскрешение Доктора вывело их из себя.

К ужину Кадиату оделась, что заняло у неё полчаса, несмотря на помощь горничных. Одна из служанок принесла Доктору ворох одежды: фраки, шляпы, ботинки, модные французские рубашки. Но у него уже давно не было тяги к рюшам. В конце концов он надел рубашку и штаны, которые были на него немного велики, длинный чёрный сюртук и белый шарф, напомнив служанкам их родственников на фермах Бурбона.

— Ты мог бы просто всё стереть, — сказала она, наблюдая, как он намазывает масло на хлеб. — Ты же стёр всё в архивах Каменной Горы, откуда я изначально и получила свою информацию. У тебя был шанс уничтожить и мою работу.

— Мне было любопытно.

— Любопытно, — фыркнула Кадиату. — Я сама всё уничтожила, когда уходила оттуда. Человеческая раса была ещё не готова к перемещениям во времени.

— За исключением тебя.

— Мне было любопытно.

— Так значит, ты решила задачу о начальных условиях. Твой школьный научный проект сработал, — он макнул хлеб в суп. — Поезд, который перемещается во времени, а не по тоннелям. Ты могла бы решить проблему опаздывающего общественного транспорта раз и навсегда. Какой источник энергии ты использовала?

— Термоядерный взрыв.

— Хм, батарейками не комплектуется.

— У меня было четыре запасных заряда.

Доктор встревожился.

— Я не облучила Париж. Я даже Аризону не облучила, хотя взрыв уничтожил все мои исследования. Я позже объясню, как это работает.

Доктор медленно кивнул, вымакивая хлебом остатки супа. Два месяца без сознания, обеды только в виде капельниц, а он почти не проголодался. Он казался немного уставшим, но это было не удивительно.

Ей стало интересно, что нужно сделать, чтобы его убить?

— Какой сегодня день? — спросил он.

— Третье мая, — сказала она. — Ты прибыл в день объявления Коммуны.

— Славный предвестник нового общества, — сказал Доктор. — Или это говорили о другой Коммуне? Все эти революции такие похожие. Ты знаешь, Париж был одним из моих первых знакомств с Землёй. Что скажешь о пространстве-времени?

— Большое, — сказала Кадияту, махнув рукой, — долгое. Я рада, что взяла с собой книги.

— Я же говорил, что тебе не понравится.

Одна из служанок зашла и забрала его тарелку.

— Я могла заставить шаттл лететь, — объясняла Кадияту, — но не могла сделать так, чтобы он летел туда, куда я хочу.

— А, — сказал Доктор. — Я с такой проблемой тоже сталкивался.

— А ещё очень тяжело делать компенсацию на солнечную систему. Это всё равно что болтаться внутри огромных часов. После каждого прыжка я оказывалась в нескольких днях от Земли. По крайней мере, мне удавалось вычислить смещение во времени по движению планет.

— Ты наверняка компенсировала. Иначе ты бы оказалась в миллиардах километрах за границами Солнечной системы.

— Однажды я материализовалась над поверхностью Марса и начала падать в его атмосфере как метеор. Пришлось срочно сделать второй прыжок, чтобы не врезаться.

— Местным жителям это наверняка понравилось.

— Я потом проверила записи наружных камер. Никаких признаков обитания. У меня не было возможности проверить, что это была за эпоха.

— Бесполезный эксперимент.

— Самый первый скачок перебросил меня в двадцать пятый век.

— И как тебе он?

— Не очень. Я сделала много видеозаписей. Когда они начали задавать слишком много вопросов, пришлось убираться оттуда.

— Украла что-нибудь?

— Немного. Информацию.

— Домой вернуться планируешь?

— Мне всё равно, где я окажусь, — сказала Кадияту, — лишь бы не здесь. Если бы я не набрала с собой золота, я

бы тут была никем. Деньги решают. Историческая константа.

— Карл, пожалуй, с тобой согласился бы.

— Я думаю, не написать ли об этом статью. А ты откуда взялся? И что случилось с Бенни?

— А что насчёт Эйс?

— Ты был один. Ты появился в том же месте, куда выбросило меня. Ночью раздался взрыв, и Тьери нашёл в саду тебя.

— Ты знала, что Эйс — женщина, — сказал он, посмотрев ей в глаза. — Ты назвала её «она».

— Я читала написанную бабушкой историю UNIT. А в Каменной Горе ещё нашла кое-что об этом. В 2006 году Дороти Мак Шейн всё ещё числилась в европейской базе данных пропавших.

Доктор кивнул. Это был хороший ответ.

— А как, по-твоему, сюда попал я?

— Да я вообще-то надеялась, что это ты мне об этом расскажешь.

Он держал свой бокал между ладонями и вращал его туда-сюда.

— Я прошёл сквозь транс-размерностный разлом. Линейный разлом в континууме. Трещину в ледяном кубике времени.

Кадриату перевернула свой бокал.

— Кое-кто по неосторожности пробил во вселенной серию дыр, — продолжал он. — Они формируют непредсказуемые соединения между разными частями пространства и времени. Дыры могут дрейфовать

непредсказуемым образом, а пятимерные разломы могут раскрываться в слабых местах в какой угодно своей части. Результатом может быть поразительное повреждение реальности.

— Так ты здесь, значит, в качестве ремонтного рабочего, чтобы всё исправить? — спросила она, затаив дыхание, затем встала и отошла в сторону.

Доктор взял в руки её бокал с вином.

— Их нельзя исправить, — сказал он. — Они теперь навсегда.

Неожиданно он с размаху разбил бокал об стену. Одна из горничных вскрикнула.

Кадияту даже не шелохнулась.

— Мог бы и упомянуть что-нибудь об этом. Мои уравнения не говорили ни о...

— Твои уравнения — каляки-маляки маленькой девочки, — сказал Доктор. Он сложил руки, как бы обнимая себя. Он был совсем не таким, каким она его помнила. — Нарисованный мелками бред. Не будь я таким дураком, я бы забрал у тебя спички, пока ты не спалила себя или кого-то другого.

— Ладно. И что ты собираешься с этим делать?

— С темпоральными разломами ничего нельзя сделать. Я должен остановить... Ты должна рассказать мне всё, всё, что может быть важным. Всё, что ты знаешь.

— Я покажу тебе свой корабль, — сказала она.

— Хорошо.

— Не сейчас. Утром.

Подвал был гораздо больше, чем должен был быть. На потолке и на полу были видны места, где были снесены стены, чтобы могло поместиться оборудование Кадиату. В результате получилось помещение высотой в два этажа и шириной несколько метров. Всё было в пыли, по углам валялись обломки кирпичей и мусор. Слуги сюда не спускались. В пламя свечи Доктора всё время попадала паутина.

Корабль времени Кадиату занимал большую часть подвала. Это был грузовой челнок: трюм занимал в три раза больше места, чем жилое пространство. Его поверхность, выкрашенная в хаки, была в полосах безумных цветов: серебристый, фиолетовый, лазурный. Радужные полосы образовались там, где краски касался Вихрь. Корпус был весь в оспинах от ударов микрометеоров. На носу красной краской от руки было написано «ЧЬЯ ЭТО БЫЛА ИДЕЯ?».

Жилой отсек был похож на сплюснутый пузырь на дне корабля, места в нём было на одного человека в скафандре. Доктор наклонился и щёлкнул тумблером — на боку корабля тут же открылась панель, открывая доступ к трюму.

Чуть выше уровня глаз рядом с дверью в трюм была толстая квадратная заплатка из чего-то липкого. Он поскрёб её ногтём. Что-то органическое ляпнулось на корпус корабля и засохло. Растительное, не животное. Поверхность вздрагивала, пытаясь избежать его прикосновений.

Он заглянул в кабину, включил компьютер, прочёл последнее введённое полётное задание. Затем прочёл ещё

раз. Не слишком ли радикально для противоугонного средства? Или это?..

Над дверью трюма был прибор для измерения радиоактивного излучения; Доктор мельком взглянул на него. В корабле излучение было немного сильнее фонового, но не настолько высокое, чтобы остановить его. Он заглянул вовнутрь.

Трюм был в основном занят оборудованием: куча машин, из которых слепили двигатель для перемещения в пространстве и времени. Главной его частью был модифицированный регулятор поля с подпространственного поезда — публичного транспорта Земли из будущего относительно времени Эйс.

Эйс. Покрытая инеем, лежит рядом с ним на полу, как огромная мороженная рыба. Смотрит на то, как он истекает кровью, пока Бернис пытается их спасти.

В нём проснулась ужасная тревога, ему стало наплевать на то, как работает игрушечная ТАРДИС Кадияту, ему срочно нужно было попасть к Эйс. Бенни, должно быть, затащила их обоих в разлом. Она и Эйс могли оказаться где угодно, куда вели трещины. Например, в нескольких сотнях миль над поверхностью Марса. Его левую ключицу внезапно пронзила боль, и он резко сполз спиной по изогнутой стене шаттла; в глазах у него вспыхивали огоньки. Он сильно заморгал и прижал пальцы к груди над левым сердцем. Там не было ни шрама, ни синяка, ничего, что указывало бы на рану. Если не зажил даже рубец на лице, какие повреждения могут быть внутри?

Эйс сможет сама о себе позаботиться, Бернис тоже. Он подавил в себе панику и боль, заставил себя сконцентрироваться на оборудовании.

Большие позолоченные штуки были поглотителями мощности, предназначенными для впитывания огромной энергии. Например, от взорвавшейся рядом водородной бомбы.

Сделано всё было на скорую руку — повсюду следы сварки — но в то же время была функциональная элегантность. Двигатель поезда окружал капсулу самогенерирующимся полем, создающим червоточину. Это поле защищало физическую часть корабля от термоядерного взрыва, направляя энергию непосредственно в поглотители, которые впитывали её и перенаправляли обратно в поле, создавая гигантскую положительную обратную связь. Когда напряжённость поля поднималась выше определённого порога, всё это бесцеремонно перемещалось в другую часть пространства-времени.

Не удивительно, что она не могла управлять полётом: это всё равно, что рулить автомобилем, который заправили динамитом. И повреждений на дороге остаётся столько же. Кадияту удалось изобрести абсолютно новый вид загрязнения окружающей среды.

Каждый дюйм трюма был забит чем-то полезным: медицинские препараты, оружие, законсервированная всевозможными несъедобными способами еда. Раскрыв один из ящиков, он обнаружил в нём аккуратно сложенные слитки золота. Единственным пустым местом было то, которое осталось после израсходованных бомб.

— Что они с тобой делали?

Доктор дёрнулся, ударившись головой об изогнутую стену. На фоне двери в трюм мерцал силуэт Кадияту, на ней была надета ночная рубашка. В слабом свете свечи её глаза казались пустыми провалами.

— Ты же, как я понимаю, не сам себя избил.

Доктор восстановил своё дыхание. Он несколько раз двинул плечом туда-сюда. Похоже, что оно снова работало нормально.

— Если сделать дыру, в ней что-нибудь поселится.

— Как трава в трещинах асфальта.

— Даже неевклидова теоретическая конструкция является жилищем, если правильно к этому подойти. Кое-что живёт в трещинах.

— И чем оно занимается?

— Путешествиями. Охотой и собирательством. Разминает мышцы, шумит, смотрит, заметит ли кто-нибудь это.

— И ты заметил.

— Да. А они заметили, что я заметил.

— Кто они? Что у них за технологии? Продвинутые? Тебе они были понятны?

— Я не... Я не очень помню их... Я не помню... — он нахмурился, как будто бы забыл, где он что-то оставил. — Я...

У Кадияту затекла спина, и она выпрямилась.

— Могу сказать тебе лишь одно, — сказал он, глядя ей в глаза, — они не очень хорошо обращаются с теми, кто на них работает.

— Ты знаешь, как я могу отсюда выбраться?

— О, это просто. Направь свой шаттл в солнце.

— Что?

— Когда ты врежешься в горячую часть хроносферы, температура запустит размерностное перемещение. И ты полетишь. Практически неисчерпаемый источник энергии. Можешь совершать прыжки до тех пор, пока не окажешься где-нибудь, где тебе нравится.

— Я не могу это сделать. Этим я нанесу ещё больший урон. Мне нужно придумать что-то другое.

— Вот так-то лучше, — улыбнулся Доктор.

У Кадияту был такой вид, словно она хотела его ударить.

Глава 6

В таверне

Жизнь — это одна фигня за другой.

Кин Хаббард, «Тысяча и одна эпиграмма».

Эйс подняла левую руку. Она была вся в браслетах, в тугих кольцах золота, тускло сверкавших ляпис-лазурью. Они плохо сочетались с браслетом генератора силового поля. Служанки удивлялись, снимет ли она его когда-нибудь.

Седжет проводил по две-три вечеринки в неделю. Больше ему, похоже, заниматься было нечем. Этим вечером служанкам хватало забот и без странного украшения Эйс: они лепили тесто к стенкам дымных печей, распечатывали кувшины с пивом и вином, украшали дом цветами. Приглядывая за ними, госпожа Седжет ходила по дому в своих лучших одеждах, в красной накидке, повязанной поверх белого платья.

Эйс сидела в углу, как ваза с цветами: красивая и бесполезная, медленно увядающая.

С тех пор, как Седжет сделал ей предложение, прошла уже неделя. Она попросила время на размышление, пытаясь привыкнуть к тому, что её никто не спасёт. Быть может, его немного обижало то, что она нуждалась в спасении от него.

Но терпение у Седжета было большое, в отличие от его интеллекта. И сейчас она сидела на табурете, наблюдала за тем, как слуги готовят ароматические восковые конусы, которые будут размещены на париках богатых гостей, и уже в сотый раз пыталась принять решение.

Видел бы её сейчас старший сержант, как она расслабляется в поместье богача. После их разговора Седжет даже не отправлял её на дежурство — такая работа была ниже достоинства его будущей жены.

На мгновение она снова оказалась среди звёзд, описывала безумные петли в одноместном истребителе, громила проносящиеся мимо неуклюжие эскадроны кораблей далеков. Электроды её шлема передавали информацию от её мозга в корабль и обратно так быстро, что она ощущала ядерный жар его недр, его головокружение от резких разворотов.

Она заставила себя вернуться из воспоминаний в реальный мир, который представлял собой подошедшего Седжета, поцеловавшего жену в щёку. К нему подбежала его ручная обезьянка, поприветствовали дочери. «Привет, дорогая, я дома».

Он подошёл к Эйс, оценивая взглядом её выбор платья и украшений.

— Мне кажется, — сказал он, — тебе следует носить что-то более открытое. Что-нибудь, что не скрывает твой шрам.

Он провёл пальцем по длинному рубцу на её левом плече. Шрам был неплохо виден под тонким льном,

неровная сине-красная линия контрастировала с геометрией плиссированной ткани.

Она остановила его руку.

— Седжет, — сказала она, — можешь отойти со мной на минутку? Я хочу поговорить с тобой. Пойдём вон туда.

Удивлённый, он пошёл за ней во двор. Солнце садилось; слуги зажигали факелы вдоль дороги к воротам.

Эйс посмотрела на Седжета и сказала:

— Ты показал мой шрам своей жене. Ты показал мой шрам своим писарям. Ты показал его навещавшим тебя знатым людям и генералам. Ты показал его даже трём своим племянникам, когда они в гостях тут были.

— Но, — возражал Седжет, — я думал, что ты гордишься шрамом?

— Я гордилась им, — сказала Эйс, — пока ты не начал хвастаться им как украшением.

Седжет раскрыл рот и закрыл его, как золотая рыбка. Это выглядело очень глупо. Он сказал:

— Ты думаешь, что будешь женщиной-воином и не будешь привлекать к себе внимание? Посмотри на себя! — он взмахнул рукой, указывая на её бледную кожу, длинные коричневые волосы, твёрдые мускулы, шрам.

— Я просто хочу выполнять свою работу. Я не хочу тренироваться с оружием перед твоими партнёрами по бизнесу, словно акробатка. Ясно?

Он покачал головой:

— За последнюю неделю я ни разу не просил тебя брать в руки оружие.

— И я скоро свихнусь от этого! Я тебе, блин, не танцовщица. Я просто хочу выполнять свою работу, ясно?

— Послушай меня, сестра, — сказал Седжет, постепенно вскипая. — Я подобрал тебя в пустыне как вянувший цветок. Я проследил за тем, чтобы тебя вылечили, накормили, одели. Несмотря на то, что ты женщина, несмотря на недоумение моих друзей, я дал тебе работу. Я хотел даже жениться на тебе. Я спас твою жизнь!

— А я спасла твою, мудак, — и внезапно ей стало смешно. — Выходит, мы в расчёте, не так ли?

— Тепи, — резко сказал он, — чего ты хочешь?

Она остановилась, замолчала с открытым ртом.

Она вспомнила ощущение полёта в пустом пространстве, оспины на крыльях, оставленные шрапнелью далеков.

Медленно, один за другим, она снимала браслеты и бросала их на землю. Потом пошла босыми ногами по плиткам пола. Он шёл за ней во двор, кричал, распугивая слуг.

— Ты никогда не соблюдаешь правила! — орал он, задев плечом жену, переступая через ожерелье, брошенное на пол Эйс. — Ты всё время нарушаешь правила!

— И я буду продолжать нарушать их, — сказала Эйс.

Она вышла на улицу, не рассчитывая, что он пойдёт следом. Но он стоял в воротах и кричал ей вслед:

— Ты одна из сетитов, поняла, шлюха маленькая? Ты женщина Сета!

Эйс неожиданно развернулась, держа в руке последний браслет. Она посмотрела на него. Это был генератор персонального силового поля.

Они держались друг от друга на расстоянии, дрожа от гнева.

— Тебе просто страшно признаться, что ты не уходишь, — прорычал он. Но он уже выглядел не богатым, могущественным мужчиной, а обиженным мальчиком.

— Если мне отсюда не выбраться, — сказала она, — я проживу жизнь так, как сама хочу.

— Ты женщина Сета, — снова сказал он.

— А ты, блин, слишком привык, что всё всегда по-твоему.

Она протянула ему генератор. Он посмотрел на него, лицо постепенно принимало идиотское выражение. Эйс закатила глаза и насильно вложила генератор в его руку.

— Это просто на память обо мне, — сказала она и ушла в сгущающиеся сумерки.

Она не знала, оставит ли он себе этот подарок или бросит на пыльной дороге.

А ещё она не знала, что больше никогда его не увидит.

Это были воры, головорезы, похитители, преступники всех сортов. Они были в шрамах и в грязи, они скалились, опорожня в сумраке таверны чашки бухла домашнего приготовления.

Песни стихли в гомон. Бандиты оторвались от игры в кости и от обсуждения своих делишек. Они таращились на стоявшую в дверях женщину.

Она была светлокожая, высокая, с хорошей фигурой. Она была одета как мужчина: в коричневой рубашке и брюках, с кожаной сумкой через плечо. На голове у неё была белая шляпа, на которой, в отличие от остальной одежды, не было ни грязи, ни пятен.

Она зашла, ухмыльнувшись тому, что все смотрят на неё. На бедре у неё был французский пистолет: она сдвинула сумку, чтобы все его увидели.

— Ага, — громко сказала она. — Захудалый притон подонков и злодеев. Как раз то, что мне нужно.

Она направилась к игрокам в кости, шестерым оборванцам, сидевшим на табуретах вокруг грубо сколоченного стола. Она взяла у вытаращившего свой единственный глаз мужчины кружку пива и осушила её за раз.

— На вкус как верблюжья моча, — сказала она. — Пожалуй, я возьму ещё.

Она подняла перевёрнутый табурет и села за стол. Двое здоровяков раздвинулись, чтобы дать ей место. Отлично.

У Вивана бы припадок случился, если бы он узнал, что она здесь бывает. Дама среди таких отбросов: жирный вор и его жена, обмахивавшаяся веером в прокуренной духоте; мужчина с повязкой на глазе, целый глаз которого изучал фигуру Бенни; высокий и низкий мужчины в чёрной одежде, похожей на униформу с оттопыренными карманами, предполагавшими оружие; пьяный французский солдат, жующий сигару. «Интересно, а кто выигрывает в кости?» — подумала она. — «Наверное, тот, кто лучше всех жульничает».

По опыту Бенни, вторая по значимости археологическая информация поступала не из учебников и не от учёных профессоров, а от местных людей, которые жили рядом или даже внутри руин или катакомб, которые тебя интересовали. Даже если они и не знали, где находится то, что тебе нужно, они могли найти того, кто знал.

Усталый официант поставил перед ней ещё одну кружку пива. Бенни улыбнулась и подняла кружку, чтобы сказать тост.

— Итак, — сказала она. — Кто хочет поспорить?

Писарь Сесехатон ушёл от господина Седжета (уже несколько недель пребывавшего в плохом настроении) и шёл в местную таверну, чтобы утолить жажду чёрным пивом и плохим пением.

Бредя по улицам Ахетатона, Сесехатон вздыхал. Свои сандалии он нёс в руке, голые подошвы его ног впитывали тепло прогретой за день пыли.

Он ненавидел этот город. Он ненавидел эту мешанину наспех построенных зданий. Он был очень низкого мнения о его ленивых жителях, о придворных подхалимах, в большой спешке переселённых из Фив сюда, к Фараону, в его новую столицу. О, господин Седжет был не очень плохим работодателем, хотя мозгов в его голове было и не больше, чем в кирпиче. Но Сесехатон ненавидел бухгалтерию, а имение состоятельного человека — сплошная бухгалтерия.

Сейчас бухгалтерии было очень много. Каждый раз, когда Фараон решал отменить очередную традицию, нужно

было заполнять новые отчёты, планы, чеки на папирусе или на кусках керамики.

Сколько лет уже прошло с коронации нового царя... семь? И за это время наследие столетий уничтожалась так же бойко, как утки дротиками. Одна только попытка подумать о скорости происходящих изменений вызывала у Сесехатона головную боль.

А ещё хуже была боль позади глаз. Она приходила после захода, не каждую ночь, но сегодня, когда звёзды начали своё движение по небу, она была особенно сильной. Его познания в астрономии позволяли ему найти Марс и Юпитер, узнать одну или две яркие звезды. Но сегодня в небе были более мрачные секреты, они пытались пролезть в его мозг, словно он позабыл целое небо знаний. Когда такое происходило, с этим ничего нельзя было поделать, кроме как утопить этот шум в выпивке.

Поэтому он не сводил взгляда с пыльной дороги и позволял своим босым ногам вести его в таверну.

Он опустился на табурет в углу. Одна рука у него автоматически потянулась к бритой голове, провела по гладкой коже и почесала за левым ухом. Зевнув, он обвёл взглядом посетителей. Полно иностранцев, потому что последнее время кругом были одни иностранцы. Большинство — обычное отребье, напивающееся плохим пивом. Или хорошим, если они могли себе его позволить. За этим сюда пришёл Сесехатон.

К его столику шла женщина с подносом с чашами. На ней было крестьянское платье, прикрывавшее её груди. Её

руки были нездорового красного цвета от солнечных ожогов и мытья посуды.

— Тепи! — ахнул он.

Она подняла взгляд, чтобы посмотреть на него.

— Что ты здесь делаешь? — задал он глупый вопрос.

— Обслуживаю столы, — без выражения сказала она.

— Я официантка.

— О, нет. Я тебя уже больше недели ищу. Сядь, Атона ради, — умолял он.

Несколько секунд Эйс стояла, словно не понимая, о чём он говорит. Затем она поставила поднос на стол, пододвинула табурет и села. Уперев локти в стол, она устало посмотрела на него.

Это была уже не та женщина. Пустые глаза, опущенные плечи.

— Я думал, что ты хочешь пойти в армию.

Она фыркнула.

— Они даже не рассмеялись, — сказала она. — Даже не рассмеялись. Они сказали, что ни одна женщина не может воевать так же хорошо, как египетский солдат. И я избивала некоторых из них.

Сесехатон нерешительно рассмеялся.

— Это привлекло их внимание, — сказала Тепи. — И они пошли искать генерала. Он сказал, что я сражаюсь лучше некоторых его офицеров. Но женщина в подразделении будет только отвлекать парней. Иностранная шлюха на поле боя подорвёт боевой дух.

— Ты не шлюха, — сказал Сесехатон.

— Это вопрос лишь времени, — сказала она, и он вдруг заметил множество взглядов, направленных на её тело; кто-то поглядывал украдкой, кто-то пялился открыто.

— В Египте, — устало сказала Тепи, — каждый человек может поместиться лишь в один из маленьких ящичков. Ящички достаются от отца, и они подписаны: «писарь», «крестьянин», «жрец», «скульптор». Для женщин же бывают только два вида ящичков. Они подписаны «жена» и «шлюха».

— Есть женщины-певицы и профессиональные плакальщицы, — сказал Сесехатон. — И музыканты.

— Я не пою, — сказала Тепи.

— О нет, это неправда. Я слышал, как ты поёшь, это довольно неплохо.

— Певицы, — сказала Тепи, — всю ночь вынуждены отшивать пристающих к ним мужчин. Или не отшивать, если у тех достаточно денег. Они же не замужем, значит, с ними можно, так? Мышеловка захлопывается, Сесехатон. Меня запикивают в один из этих ящичков.

— Ты как кошка, пасущая гусей, — сказал писарь. — Не на своём месте. Ты не часть маата, порядка вселенной.

На другом краю комнаты раздался удар и шум посыпавшихся осколков: встретились сосуд для вина и чья-то голова. В углу таверны началась драка: два крепко сбитых солдата поспорили о подробностях одной из старых военных кампаний.

— Извини, я сейчас, — сказала Тепи.

Она подошла к одному из двоих мужчин, которые опрокинули свой стол и сцепились друг с другом. Она

похлопала одного из них по плечу, а когда он обернулся, соблазнительно улыбнулась ему.

Они оба уставились на неё. Тепи обняла шею солдата. Он глупо улыбался ей, вино текло по его лицу и капало с носа.

Она сцепила руки за его головой в замок, резко дёрнула его тело вниз, одновременно двинув коленом в пах. Он не издал ни звука, лишь стукнулся об пол. Его друг смотрел на него, всё ещё держа в руке ручку от разбитого кувшина.

Тепи ему улыбнулась, и он бросился к двери.

Она снова села напротив Сесехатона, взяла со своего подноса чашу и выпила её за раз.

— Я тут ещё и вышибала, — она утёрла рот тыльной стороной руки. — Одна из причин, почему старый ублюдок меня не прогоняет. А вторая причина в том, что он надеется затащить меня в постель. То же самое, что с Седжетом. То же самое, что с Сабаломом. Он платит, и рано или поздно он получит от меня то, что ему нужно.

— Можно найти какого-нибудь богатого человека, который согласится нанять тебя телохранителем.

Она пожала плечами:

— Я слишком знаменита, элемента неожиданности уже нет. Я уже не оригинальна. Седжет мною слишком много хвастался. Тут сейчас столько перемен. Я думала, что Египет выдержит ещё одну перемену...

— Нужно преодолеть тысячи лет маат, — сказал он, пытаясь её утешить. — Такая перемена — слишком большое испытание для одной женщины.

— А кто не пройдёт испытание, станет едой Пожирательницы, — пробормотала она.

— Что?

Она подняла на него взгляд.

— Я слышу много о политике, — сказала она. — Один единственный человек изменяет тысячелетние традиции.

— Да, но этот единственный человек — Фараон.

— Когда я пыталась вступить в армию, знаешь, что я услышала? Больше уже почти никого не отправляют воевать в других странах. Была карательная кампания в Нубии, некоторое количество солдат было отправлено кому-то из наместников. Но знаешь где большая часть армии? Здесь. Где она нужна Фараону. Потому что он всё поменял. Он изменяет маат. И никому это не нравится.

Она махнула рукой в сторону посетителей таверны:

— Слышал бы ты, как они говорят о своём мечтателе-Фараоне, когда выпьют по несколько кружек пива. Это как будто большое колесо пытается повернуться, но цепляется за камни, летят искры... Сопротивление.

— Раньше, — сказал Сесехатон, — я был жрецом.

— Правда? — Тепи водила пальцем по бортику чаши. — Раньше было много богов, а теперь только один. И вам нельзя поклоняться ни одному из тех, кого убил мистер Фараон. Которому из богов ты служил?

— Почему ты упомянула Пожирательницу? — спросил Сесехатон.

— Мне приснился странный сон.

— Расскажи мне о своём сне.

Она шла, спускалась по длинному, запутанному пути. В правом запястье у неё была холодная боль, и когда она подняла взгляд, оказалось, что её ведут за руку.

Белая Дама повернулась к ней, словно проверяя, почему она тормозит. У Дамы не было лица, словно на ней была гладкая перламутровая маска. Эйс увидела в этой маске отражение собственного лица и отвернулась, беспокоясь, что Дама может присвоить её лицо себе.

Они шли по огромным залам, к крыше устремлялись высокие колонны, на стенах были письма миллионов писарей. Повсюду пахло благовониями, от них воздух затуманивался, но сквозь него Эйс всё равно видела сидевшие рядами фигуры, они держали в руках ножи или же корпели над папирусами. Иногда их взгляды поднимались сквозь клубы благовоний на неё, и их глаза не всегда были человеческими.

Они пришли в огромный зал, ещё больший, чем предыдущие; он, казалось, уходил в бесконечность. В дальнем конце, за много миль, но всё равно чётко видимые, на возвышении стояли похоронные носилки, крыша которых была укрыта кобрами.

— А в носилках сидел мужчина с зелёным лицом, а при нём две женщины, а у ног его лотос, — прошептал Сесехатон.

Теги до этого смотрела в свою чашу с пивом. Теперь она подняла сонные глаза на него.

— Что это?

— Зал Суда над Мёртвыми, — взволнованно сказал Сесехатон.

— Дно ада, — сказала Тепи. — Я думала, что всё это запрещено.

— Запрещено, — сказал писарь, — но я не думаю, что закон распространяется на сны. Продолжай.

Вдоль стены был длинный, очень длинный ряд фигур. Около половины из них имели человеческие лица. В руке у каждой из них было страусиное перо... или это нож? Эйс пыталась рассмотреть сквозь дым необычных присяжных, но крепкая рука Белой Дамы тянула её дальше.

В зале стояли разные фигуры, некоторые из них что-то напоминали Эйс. Она видела их в музее, её одноклассники дотрагивались своими маленькими ладонями до отвалившихся рук Рамзеса, трёхметровых кусков камня.

Мужчина с головой шакала настраивал золотые весы, а другой мужчина, с головой ибиса, писал что-то на куске папируса, так же, как это делал Сесехатон; его кисточка мелькала по бумаге.

Что-то шевелилось под весами, что-то, на что она пока что не хотела смотреть.

— А вот дальше, — сказала Тепи, — странно. С этого момента всё стало *реально* странно. Не так, как обычно во снах странно.

Она опрокинула свою чашу с пивом.

— Следующий, — сказал птицеголовый, который вдруг оказался одетым в костюм с галстуком. Его загнутый клюв торчал из-под шляпы-котелка, слишком большой для его крохотной головы.

Собачья Пасть вышел из зала, пройдя мимо стоявших чуть в стороне Эйс и Белой Дамы. Проходя мимо, он вдруг стал головокружительно высоким, огромным и фундаментальным, как Луна. В памяти Эйс всплывали имена: Анубис, Осирис, Гор, Изида. Она жалела, что не могла вспомнить, кто из них кто.

Но сейчас каждый из сорока двух присяжных взялся выписывать в воздухе рядом с собой подпись, как субтитр. Они больше не были человеческими богами, хотя их бледные худые лица выглядели человеческими, окружённые красными, золотыми и фиолетовыми головными уборами и воротниками. «Промедление» — гласила одна из подписей, а рядом с ней сидело «Предназначение», которое щебетало с «Анахронизмом» и с «Периодом спокойствия». Время, они были богами времени.

Эйс рискнула посмотреть на Белую Даму, которая притащила её сюда.

— А кто же тогда ты? — спросила она.

Но Дама поднесла к отсутствовавшим у неё губам белоснежный палец.

Когда мужчина с головой шакала вернулся, с ним пришли двое солдат с головами муравьёв, они быстро шагали, таща за собой пленного, который должен был предстать перед судом. Когда его затаскивали, присяжные

ухали и пищали, весь зал наполнился их криками. Руки пленного были перед ним в колодке, на нём был надет бежевый комбинезон, и было прекрасно понятно, кто это такой.

— Твой друг? — спросил Сесехатон. — Сину?

— Да, — сказала Тепи.

Солдаты-муравьи заставили Доктора стать перед весами на колени. Присяжные расселись, помахивая своими перьями-ножами и ворковали, глядя на рану на его лице. Слева на его груди, там, где мог бы быть карман, была вышита нераскрывшаяся роза.

В зале наступила полная тишина. Присяжные наклонились вперёд, внимательно слушая. Собачья Пасть стоял возле весов, с очень мрачным видом сложив руки на груди.

Молчание продолжалось.

— Ну, давай же! — сказал птицеголовый в котелке.

— Да! — выкрикнул один из присяжных. — Где же негативные признания?

— Ты грабил? — пискнули Сумерки, возбуждённо взмахнув своим пером-ножом.

— Ты уничтожал запасы еды? — настаивало Полнолуние.

— Ты крал священные подношения?

— Ты врал?

— Давно ли взрывал планеты?

— Отвечай!

— Ты запугивал людей? — спрашивала Скука.

— Был ли ты драчуном? — взвизгнул Предпоследний.

— Ты должен защищать свою невиновность! — сказал Собачья Морда своему пленнику, казавшемуся крохотным у ног бога Смерти.

Но Доктор лишь посмотрел ему в лицо и продолжал молчать.

— Отвечай! Отвечай! — «Спешка» и «Без Четверти» начали фехтовать на ножах-перьях.

— Да кому вы нужны? — услышала Эйс свой крик. — Вы всего лишь стая бюрократов! Мы сталкивались с противниками и пострашнее вас!

Доктор улыбался, уголок его рта приподнялся. Он презирал этот суд.

Бог с головой птицы посмотрел на свои наручные часы.

— Ты ничего не хочешь нам сказать?

— Он умер, — сказала Эйс.

Наступила гробовая тишина. Боги наклонились вперёд, слушая.

У неё изо рта вырвалось:

— Он умер.

— Это мы знаем, — сказал птицеголовый. — Тут все мёртвые. Ты мертва, он мёртв. Это, — он указал кисточкой, — уже бывший повелитель времени. Что ты хочешь сказать?

— Он бросил меня, — сказала она слабым голосом. — Он не вернулся за мной.

Мужчина с головой шакала шагнул вперёд, он нёс что-то, что раньше Эйс не могла рассмотреть. Но теперь она видела, что это два сердца.

На одной из чаш весов лежало перо страуса, тяжёлое; оно перевешивало.

— Слова «правда» и «перо» пишутся одним и тем же иероглифом — «Маат», — шептала ей на ухо Белая Дама. — Сердце умершего проверяется сравнением его веса с маат.

— Что это? — прошептала Эйс. Её горло почти не слушалось её.

— Правда, справедливость, египетский закон. Порядок вселенной, порядок общества. Если его сердце тяжелее, он не проходит проверку.

— Но это не честно, — пыталась сказать Эйс. — У него же два сердца.

— Кто не проходит испытание, становится едой Пожирательницы, — прошептала ей на ухо Белая Дама.

Шевелившееся под весами существо оказалось женщиной-чудовищем, состоявшим из частей животных, рот у неё был большой и голодный, как у крокодила.

Когда птицеголовый начал заполнять папирусы в трёх экземплярах, охранники отступили от Доктора, оставив его одного. Роза над его левым сердцем сияла.

За повелителем времени явилась Пожирательница.
Он рассмеялся.

— И знаешь, что самое странное? — сказала Тепи. — Я чувствовала себя случайным наблюдателем. Как будто бы это был его сон, а я туда попала случайно.

— Похоронный сон, — сказал Сесехатон, — говорит о трауре. Это хорошо, это значит, что часть его всё ещё осталась в твоём разуме. Видеть сны о друзьях — хорошо, особенно если у нас нет больше возможности увидеться с ними.

— Я не хочу видеть сны о нём, — сказала Тепи. — Я не хочу думать о нём, я просто хочу оставить это позади. И я не... нет никакого траура.

— Ты не веришь в то, что он умер, не так ли?

— Ты его не знаешь. Он, блин, неостановимый. Неубиваемый, блин. Он может умереть только если сам это спланирует, — она сердито вздохнула: — Если бы здесь оказался он, а не я, он бы уже рассказывал Фараону, как правильно шнурки завязывать. Заргоиды бы у него с рук ели. Вот только нет тут никаких заргоидов.

Она обеими руками протёрла глаза.

— Ты знаешь, я всегда зависела от него. И он всегда мог вынудить меня сделать то, что ему было нужно, так или иначе. Я без него и шагу не могу сделать. Он никогда не останавливается, его могло остановить только одно. И я видела, как это произошло, я своими глазами видела. И мне было всё равно.

Сесехатон сказал:

— Когда умерла первая жена Седжета, он нанял группу плакальщиц, чтобы они рвали на себе волосы и кидали в лицо пыль. Сам он не проронил ни единой слезинки. Но

ему нужно было сохранить приличия, — его губы скривились. — Оплакивать, когда не чувствуешь траура, это просто сложная ложь.

— Я что, не люблю его? Я что, не любила его? — её голос был спокойный, несмотря на крепкое пиво. — Он даже не ради великой цели умер. Это как сержант говорил: всё, что выделаете, может привести к вашей смерти, в том числе и если вы ничего не делаете. Мне всё равно. Мне просто всё равно. На самом деле я его не люблю, а теперь его нет. А я застряла тут. Пьяная. Потому что не могу вписаться в ящик.

— Послушай меня, — сказал писарь. — Ты отдельная личность. Ты глаз своего друга? Ты его рука? Он мёртв, но ты всё ещё жива. И не все вписывают себя в ящик.

От выпивки глаза Тепи были водянистые. Она не слушала.

— Доктору было кое-что свойственно. Куда не пойдешь, у него повсюду были могущественные друзья, а если не было, то он их заводил, а если не мог завести, то сам становился могущественным. Люди считают его богом или большим начальником, или ещё кем-то. Но я отказалась от единственного могущественного друга, который у меня был.

— Ты сказала, что ты египтянка. Но ты не вписываешься, — Сесехатон вздохнул. — Я вообще не могу представить, куда бы ты вписалась.

— Да, я женщина Сета, — фыркнула она. — Кстати, блин, а что это значит?

Сесехатон раскрыл рот, потом закрыл его, а потом заговорил, тщательно подбирая слова:

— До того, как наш любимый Фараон основал новую религию и построил этот город для поклонения Атону, Сету поклонялись как нарушителю правил, возмутителю порядка. Хаос — такая же часть вселенной, как и порядок; Нил разливается каждый год в одно и то же время, но иногда он затапливает деревни. Мы платим налоги, но мы и выпиваем. Маат говорит, что ты должна быть дамой. Но некоторые из нас должны ломать правила.

— Я могу нарушать правила сколько угодно, — сказала Тепи. — Но всё равно застряла в этой чёртовой таверне. Меня нет на этой шахматной доске, я не часть игры. Я тут умру, и кто-нибудь обмажет меня мазутом и зароет в песке. Господи, выслушай меня. Ты сказал, что искал меня, — вдруг сказала она. — Зачем?

Писарь глотнул пива.

— Помнишь ту часть пустыни, где тебя нашёл Седжет?

Она кивнула.

— Я хотел предупредить тебя, что там видели демонов. Не ходи туда какое-то время.

— Демоны? — Тепи убрала с покрасневшегося лица волосы. — Что ещё, блин, за демоны?

— Некоторые солдаты их видели. Огромные скарабеи, или какие-то насекомые, блестящие, как солнце.

— Сколько их? Что они делали?

— Я не знаю подробностей. Доклад был невнятный.

Тепи встала, взявшись за край стола, чтобы не упасть.

— О блин, — сказала она. — О блин. Заргоиды тут.

— Тепи, — встревоженно сказал Сесехатон, — что ещё за заргоиды?

— Это те, кто убил Доктора. Они пришли сюда за мной. Кем бы они ни были, — она прижала ладони к лицу, пытаясь думать. — Они будут искать высоко-технологическое оборудование. Ой блин, Седжет...

Дом господина Седжета.

Во дворе горят факелы, от них в окрашенное закатом небо поднимаются завитки дыма. Лёгкий ветер доносит с соседних полей запах пепла, проносит его по комнатам особняка.

Жаровни в главном зале уже почти прогорели, они освещают помещение тусклым красным светом. В углу на полу разбросаны музыкальные инструменты: барабаны, кастаньеты, систра. Пара флейт катилась по тростниковой циновке, их остановила лютня с оборванной струной.

Стол и табуреты опрокинуты, на полу валяются еда и цветы.

Среди всего этого по полу идёт кошка, у неё от страха до сих пор шерсть дыбом. Она осторожно переступает через ожерелье и берёт в рот жареную рыбу. Рыба кем-то надкусана.

Кошка тихо уходит из комнаты. Единственный звук — шелест песка на ветру.

Эйс мчалась вверх по узкой дороге, которая вела к имению Седжета, находившемуся на краю города Ахетатон.

Она была пьяная и безоружная, абсолютно не готовая к бою. Но она мчалась как леопард, кожа её босых ног по грубости не уступала обуви, в жилах пульсировала кровь. Она была уверена, что может видеть в темноте. Воздух был холодный и пыльный, на вкус как чистая вода. Было такое чувство, будто она проснулась.

Усадьба была слабо освещена, в ней было тихо. Эйс надеялась, что это из-за того, что все легли спать раньше.

Медленно, не выходя из тени, она обошла дом. Никто не прятался за амбарами сбоку, никто не прятался на мусорном дворе... Первый выброс адреналина начинал уже рассасываться, яркое ощущение битвы становилось, превратившись в ноющее чувство в животе. Она подумала о маленьких дочерях Седжета. Что пришло сюда за ней? Чей огонь она навлекла?

Входной дворик был внутри, окон в особняке не было. Висевшие на углах здания факелы создавали пятна света. Она склонила голову. Прислушивалась. Собирала сведения.

На полу сидела кошка и жевала кусок мяса. Зашипев на Эйс, она бросила еду и убежала. Эйс провела её взглядом. Пушистая тварь была абсолютно права.

Эйс зашла в дом.

У них была вечеринка, и их прервали. Повсюду были следы паники: разбитые тарелки, растоптанная еда.

Она ходила из комнаты в комнаты, внимательно прислушиваясь. Она нашла оружейный склад, пожалела, что в нём нет плазменного ружья, и взяла хопеш. Когда она была в спальне девочек, в главном зале раздался крик.

Размахивая тяжёлым оружием, она побежала обратно.

— О боже! — кричал Сесехатон, ходя, шатаясь, по комнате. — О, мои боги! Это были демоны?

Эйс не стала пытаться заставить его замолчать. Она вернулась к обыску.

Здание было целым. Опустело оно не очень давно, судя по тому, что факелы и жаровни ещё не погасли. Некоторые куски мяса были до сих пор тёплые. Если бы гости решили уйти, они бы направились по дороге в город, и Эйс столкнулась бы с ними по пути сюда. Значит, либо они ушли в пустыню, либо они просто испарились.

Бандиты?

Она знала, что это были не бандиты.

Сесехатон закричал.

Эйс тут же вернулась в зал. Писарь сидел на стуле и смотрел на огромного металлического муравья. Насекомое повернуло свою овальную голову в её сторону, у него жужжали то ли фасеточные глаза, то ли усики-антенны.

В этот миг мир Эйс вернулся во всей своей огромности. Высокотехнологичное внеземное существо в гостинной. В груди она чувствовала что-то вроде щекотки, и она поняла, что, должно быть, смеётся.

Что эта тварь тут искала? Это не важно. Если враг достигаем, значит, достигаема и ты; а значит, если достигаема ты, то достигаем и враг!

Эйс перепрыгнула через стол и ударила мечом по голове твари. Раздался приятный звон металла об металл, даже несколько искр полетело, и несколько антенн загнулись в новые, интересные формы.

Робот попятился назад. Сесехатон снова закричал. Эйс сильно взмахнула хопешем, но тонкая шея муравья выдержала.

Теперь она начала чувствовать сильное жужжание в голове. Она зарычала и ударила существо по ногам. Ноги лишь слегка согнулись. Словно чудовище из кошмара, муравей потянулся гнутыми антеннами к её лицу.

Сесехатон ударил муравья стулом. Насекомое повернулось, и гул в голове Эйс усилился, из-за сильной боли она начала терять ориентацию. Меч в её руке задрожал.

Муравей свалился.

Жужжание сразу прекратилось, словно кто-то щёлкнул рубильником. Стоя по разные стороны от сражённого врага, Сесехатон и Эйс смотрели друг на друга.

— Где ты был всю мою жизнь? — спросила Эйс машину.

Отложив в сторону меч, она опустилась на колени рядом с насекомым и стала его ощупывать. Она проводила пальцами по швам, испытывала на прочность шарниры антенн. Оно действительно выглядело как муравей, с осиной талией и с шестью членистыми ногами, хотя на голове было слишком много всего. Это была очень сложная букашка. Но он не был Врагом, он был всего лишь слугой.

— Что произошло? — спросил Сесехатон, стараясь держаться от машины подальше.

— Кто-то отключил передаваемую ему энергию, — сказала Эйс, словно это отвечало на его вопрос.

Быть может, когда муравей (муравьи?) не смог её найти, он забрал всех остальных людей? Возможно, в качестве заложников. Или просто потому, что не захотел возвращаться к своему хозяину с пустыми руками... мандибулами. Они похищали пассажиров звёздных лайнеров, а теперь похищали египтян.

— Ну что же, — сказала она.

Она прошла мимо дрожавшего Сесехатона. В его представлении это был демон.

— Куда ты? — спросил он.

— В пустыню. Туда, откуда явился муравей.

— Откуда явилась ты, — сказал писарь.

Они ехали на двухместной колеснице. Солнце, к счастью, ещё не совсем село. Эйс из личного опыта знала, как опасно ездить на колеснице ночью. Особенно если алкоголь ещё не полностью развеялся. Впрочем, обнаружение инопланетного робота в своём бывшем доме отрезвляло очень неплохо.

Сесехатон держался за её талию, стараясь не выпасть, когда их подбрасывало на камнях. Плана у неё не было никакого. Просто заявиться к ним с мечом и с трепещущим жрецом.

Каким бы образом она сюда ни попала, муравей наверняка пришёл тем же самым путём. Ей нужно было внимательнее обыскивать пустыню. Может быть, там спрятана какая-то машина или какой-то проход. Быть может, в этот раз она сможет сбежать.

Может быть, она должна выяснить это сама? Может быть, есть какой-то большой хитроумный план, который она до сих пор не замечала?

А может, и нет. Она так привыкла пытаться разгадать план Доктора, а теперь у Доктора не было никаких планов, если не считать кормления червей.

Окружающие скалы стали более знакомыми. Она резко остановила колесницу, и Сесехатон вцепился в неё ещё сильнее.

Тишина. Темнота пустыни.

— Ты чувствуешь это? — спросила она, не видя его в свете звёзд.

Сесехатон покачал головой.

Эйс опустилась на землю и зажгла факел.

— Пойдём, — сказала она.

Тишина. Темнота пустыни.

— Ты чувствуешь это? — спросила она, не видя его в свете звёзд.

Сесехатон покачал головой.

Эйс опустилась на землю, зажгла факел.

— Пойдём, — сказал она, а потом: — Что это, чёрт возьми, было?

Сесехатон спросил:

— Что было?

— Разве я... разве мы...

Сесехатон покачал головой.

Эйс опустилась на землю, зажгла факел.

— Пойдём, — сказал она, а потом: — Что это, чёрт возьми, было?

Сесехатон спросил:

— Что было?

— Разве я... разве мы... — Эйс крутнулась на месте, взмахнув факелом над землёй. — Ты ничего странного не замечал?

— Ничего, — встревоженно прошептал Сесехатон. — Что происходит?

— Давай узнаем.

Она повела его по неровной тропе в долину. Там был водопой, сейчас он уже пересох. Хорошо. Вооружённая лишь факелом и хопешем, она не была настроена встречаться с дикими животными.

Муравьёв не было видно. Чёрт. Где же они есть? Они оставили хоть какие-нибудь следы? Не торопиться, не торопиться. Простые выходы обычно заминированы.

Волоски на её коже стали дыбом, но это было не более чем ворчливое предупреждение.

Тут было какое-то искажение, одно из тех, которые мог почувствовать только тот, кто много раз пересекал темпоральные поля. «Как у сферы по сравнению с окружностью», — думала она, — «у меня более широкий взгляд на вещи».

Они поднимались на склон, по которому она скатилась несколько месяцев назад. Тогда она тут всё прочесала, разыскивая улики. Как она могла что-то пропустить?

Над головой у неё раздался хлопок, словно что-то там жарилось.

Сесехатон схватил её за руку и потянул назад.

Она выронила факел и закричала. Покатившись по песку, факел погас. Она боролась с Сесехатоном, а тот всё ещё цеплялся в неё, пытаясь оттащить её от источника звука.

БАМ! Хлоп! Шлёп! БАМ!

Эйс вырвалась из рук писаря и бросилась вверх по склону. Воздух искажался; из точки, находившейся примерно в полутора метрах над песком, струились ослепительные лучи. Они исходили словно из ниоткуда, похожее на попкорн хлопанье усиливалось, боль пронзила её голову, свела живот, руки.

Корнуолл, она уже чувствовала такое в Корнуолле, когда небо порвалось как бумага, а ещё она чувствовала это на органическом корабле, когда лежала на живом полу, а Бенни пыталась затащить её в разрыв пространства-времени.

С беззвучным взрывом перед ней раскрылся разлом.

Ветер с воем ринулся в дыру в реальности, сдувая с её скорчившегося тела пыль. Она не могла отвести взгляд от дыры. Когда-то в её детстве было солнечное затмение, и ей говорили не смотреть на него, чтобы не ослепнуть, и она весь день не сводила взгляда со своих туфель, чтобы не посмотреть на затмение. То, что она видела в этой дыре, не укладывалось в её голове!

Её тянуло по песку, потом подняло в воздух. «Засасывает», — смутно думала она.

Сесехатон схватил её за голень и сильно потянул. Ей удалось загнать хопеш в землю как якорь.

Разлом схлопнулся, и они оба свалились на землю, а на них посыпались песок и мелкие камни. Они лежали, пытаясь отдышаться.

А затем Эйс встала на ноги и выдернула меч из земли.

— Сукин ты сын! — кричала она на Сесехатона. — Ты знал! Ты всё это время знал!

Он пятился от неё по песку, не сомневаясь в том, что в крошечной тьме она может его видеть.

— Ты знал, как я сюда попала! Ты знал о разломе! Ублюдок, всё это время ты знал! Почему ты мне не сказал, ты... Почему ты мне не сказал?

— Тепи! — закричал он.

— Господи боже! — выдохнула она, внезапно оказавшись по другую сторону от него, и он не знал, куда ему бежать. — Если ты работаешь на тех, кто убил Доктора, я тебя прирежу. Клянусь, я изрублю тебя на куски. Иди сюда.

— Тепи, — сказал другой голос.

Они оба оглянулись.

Факелы. Десяток факелов мерцал в руках десятка людей. Красный свет блестел на бритых головах. Белые балахоны. Внимательные глаза.

Эйс хотелось броситься на них с хопешем и учинить бойню. Отомстить за семь месяцев в аду. Но вместо этого она сказала:

— О, бога ради. А вы кто такие?

— Боги запрещены, — сказал всё ещё лежавший на земле Сесехатон. — Запрещены, но не забыты. Жрецов разогнали, но они не забыли о своих обязанностях.

— Какие боги? — спросила Эйс, хотя уже понимала ответ.

— Мы люди Сета, — сказал предводитель жрецов.

— Ага, а я Клеопатра, — сказала Эйс.

— Мы жрецы Сета, называемого так же Сутехом или Сетехом. Он всевышний, всемогущий, держащий в своих руках всю жизнь, приносящий смерть. Он — пустыня, буря, наводнение. Он разрушитель, обманщик, несущий хаос, нарушитель законов.

Эйс засмеялась.

— Это похоже на дьявола, — сказала она. — Но ничего страшного. Когда-то я уже работала на дьявола.

Часть вторая

Крылья бабочки

Говорят, что в шахматах, как и в картах, есть короли и королевы.

А как же тузы³? Они тоже играют!

Jan Standinger.

³ Одно из значений английского слова «ace» (как в имени Эйс) — туз.

Глава 7

Раскрывающийся цветок

Yume no naka ni

Ai-mimu koto wo

Tanome-tsutsu Kuraseru yoi wa

Nemu kata mo nashi

«Я не спал всю ночь, надеясь, что ты мне приснишься».

Анонимный японский поэт,
«Кокин Шу», десятый век.

Солдата звали Мишель. Ему было двадцать два года, он был высокий и худой, у него были светлые волосы и голубые глаза, в которых было вечное удивление.

Но детали не важны.

Мишель вступил в Национальную Гвардию задолго до того, как начались проблемы. Он мечтал стать наёмником, маршировать по французским колониям, писать матери и сёстрам о своих приключениях. Он хотел увидеть что-нибудь удивительное, что-нибудь невероятное.

Чтобы война казалась интереснее, Мишель представлял, что она записана в книгах, и о ней читают учёные и школьники через сто лет, через тысячу. Он был частью этой истории. Но события последних нескольких месяцев перетасовались в его голове, как колода карт.

Париж был Городом Света, центром цивилизованного мира. Всё дело было в Париже. Мишель помнил тот сентябрьский день, когда Император сдался пруссакам. Как и у всех гвардейцев, у него не было возможности столкнуться с врагом: они оставались в столице и ничего не делали, а новости приходили из Седана по капле. Было тяжело помнить о том, что Франция сама же и начала эту войну. «Nach Paris», — кричали немцы. Следующий Париж!

На следующий же день парижане выбрали собственное республиканское правительство. Город Света ни за что не сдастся! Но Мишель не был с Флоренсом, когда тот шёл маршем на Отель-де-Вилль, требуя разрешения Гвардии атаковать пруссаков. Это был день, который он хорошо помнил: он остался в стороне, по капле узнавая новости. Но нет, предстояло ждать ещё.

Артобстрел и голод пришли вместе, а вскоре за ними пришла и эпидемия оспы. Богачи ужинали слоновьим и антилопьем мясом, парижский зоопарк постепенно пустел. Бедные ели по одной морковке в день и замерзали до смерти в канавах.

Мишель писал матери и сёстрам в Ла Бас записки, которые проходившие мимо солдаты уносили в карманах своих мундиров. Один раз он отправил письмо воздушным шаром. Это был ещё один момент, сохранившийся в памяти: он смотрел на кусок синего неба ещё долго после того, как хрупкий предмет улетел. Он вздохнул, надеясь, что его письмо не улетело в Норвегию или в океан.

Дни Мишеля были заняты стрельбой, пьянством, или обменом байками с другими гвардейцами. Было ужасно холодно. На Елисейских Полях все деревья были срублены на дрова, старухи кирками добывали корни.

Лишь в январе Гвардию, наконец, отправили воевать с пруссаками. А Мишель остался. Мишель не был одним из десяти тысяч гвардейцев, которые погибли. Ходили слухи, что правительство хотело, чтобы погибло как можно больше гвардейцев. Оно знало, что имеет дело с армией бунтарей, полуголодных, полусумасшедших, полупьяных, у которых в душе бушует огонь. Почему бы не позволить пруссакам немного проредить их?

Вскоре после этого было перемирие. Зарплату гвардейцев сократили, всё приходилось выпрашивать. В популярных клубах революционеры спорили о требованиях отменить бедным на время осады плату за жильё, и о том, что поступающие в столицу продовольствие и другая помощь не достаются голодающим. Париж кипел изнутри так, словно загорелась его канализация.

Мишель не был одним из гвардейцев, атаковавших во время январской вылазки Отель-де-Вилль. Первая французская кровь, пролитая французскими пулями. Он не пошёл, он читал висевший повсюду плакат: «Дорогу народу! Дорогу Коммуне!»

Буквально через месяц после этого Национальная Гвардия захватила принадлежавшие армии орудия и увезла их на Монмартр, запасаясь оружием и боеприпасами. Внезапно они оказались самой сильной армией во Франции.

Мишель в этом не участвовал, он маршировал на параде в честь годовщины Второй Империи.

Он помнил, как недалеко от него в тротуар попал снаряд, помнил вкус бетонной пыли во рту. А после этого всё было немного туманно.

Мишель смутно осознавал вращение стрелок часов, высыпание песка в песочных часах — это было так быстро, что он не успевал следить.

Он помнил окуривание Парижа после Прусского парада победы, запах костров и дезинфекции.

Монмартр он помнил плохо: крики толпы и гвардейцев, осаждавших армию. Солдаты регулярной армии бросали своих офицеров и вступали в Гвардию. Мишель видел, как они без особых причин застрелили двоих генералов. Это были солдаты или толпа? Он не мог вспомнить. Кто-то с ружьями. Злые лица, крики.

После этого всё было ещё туманнее. Выборы Коммуны он, разумеется, помнил — разве это можно забыть? Две революции подряд! «Да здравствует Коммуна! Да здравствует Коммуна!» — и народ потёк по улицам к Отель-де-Виллю. Развевающиеся красные флаги, улыбающиеся лица, крики.

Но бомбардировка продолжалась, и сражения продолжались, а гвардейцы были такие же растерянные и пьяные, как и Коммуна: они ходили по Парижу, не зная с кем воевать.

И какая-то частичка Мишеля, глубоко спрятанное человеческое понимание, передаваемое через поколения убийств, понимала, что эта война ничем не отличается от

других войн. Не были важны ни причины, ни стратегии, ни экономика, ни история. Это была часть долгой неразрывной цепи человеческой агрессии. Это была просто очередная война.

Это был врач, подстреленный под флагом перемирия.

Это был невинный мужчина, которого толпа схватила, бросила в Сену и закидывала камнями, пока он не утонул.

Это было бузенвальское поле, на котором было столько трупов, что невозможно было пройти.

Это была бабушка, грызущая крысиные кости, потому что больше есть ей было нечего.

Это была девочка, разрезанная снарядом пополам на пути со школы.

Но детали не важны.

Корабль Кадияту был хорошо снабжён антибиотиками. В её родном времени вся человеческая раса была объединена массивной транспортной системой; если кто-нибудь простуживался — простуживались миллионы, и получали к этой простуде иммунитет.

Но прошлое было для неё чужой страной, вернее, множеством чужих стран. Тут не было Солнечной Транзитной Системы, способной их объединить, они были разделены банальными преградами: горами, водой, политикой. Кадияту ожидала, что подцепит все инфекции. Помимо лекарств она захватила много салфеток.

Но Кадияту за всю свою жизнь не болела ни разу.

Парижане вокруг неё умирали сотнями из-за плохой воды или от нехватки пищи. Или во время родов. Или от

царапины. Или от комариного укуса. Иногда Кадияту представляла, что делает себе инъекцию пенициллина, а строгая французская школьная надзирательница бьёт её по пальцам, приговаривая: «Ну что, девочка моя, ты это на всех принесла?»

В последние дни она проводила много времени в подвале, не столько из-за хранящегося там оборудования, сколько из-за обстрелов. От соседнего дома почти ничего не осталось, только общая стена. Её собственный дом был абсолютно целым, если не обращать внимания на насыпавшиеся на крышу обломки кирпичей и штукатурки.

— Как ты его сюда затащила? — спросил Доктор.

Кадияту в это время делала утреннюю зарядку: растягивалась и бегала на месте на куске ковра в углу подвала. На ней было нижнее бельё из её костюма для агрессивной среды: серое синтетическое вещество, которое дышало как её собственная кожа. Она остановилась.

— Николя перевёз на своей телеге, — сказала она, потирая заднюю часть шеи. Она не вспотела, у неё даже дыхание не участилось. — По частям.

— И затем ты снова его собрала?

— Не паникуй. Я не собираюсь взрывать Париж, — она видела изображение города, расплющенного куском астероидного пояса, марсианского предупреждения, которое с воем упало с неба, вспыхнув ярче Хиросимы. Позаимствованное из сотен военных видеохроник, документов, рассказов её отца. — У меня уже нет топлива, забыл?

— Что ты сказала о нём местным?

— Ничего я им не сказала. Людям нужны деньги, идёт война. Не бойся, никто не знает о том, что я здесь, всё под контролем.

Доктор сидел на ступенях лестницы, прямо под люком, ведущем в дом. Время от времени деревянная крышка тарахтела, когда где-то вдали раздавался взрыв.

— Значит, ты прибыла в сельскую местность. Зачем переехала в Париж?

— Ближе к центру, ближе к ресурсам, — Кадияту попыталась продолжить свою тренировку, чувствуя себя неловко под его взглядом. — К тому же в поместье Тьери было полно солдат. Не могли мы его оставить там без прикрытия.

— Тебе кто-то должен был помочь. Как минимум тебе нужны были уроки французского.

— J'ai atterri dans le verger de pommiers de M Thierry⁴, — сказала она. — Il sait que je viens de l'avenir, mais tout est en ordre.⁵

Кто-то постучал в крышку погреба. Доктор поднял голову и немного приоткрыл крышку. На него посмотрела одна из служанок Кадияту.

— Прошу прощения. Прибыла повозка мсье Тьери, а в дверь стучатся солдаты. Мадам внизу?

— Солдаты? Чёрт. Что им нужно? Подожди, Лили, я поднимусь через минуту.

⁴ Я приземлилась в яблочном саду мсье Тьери.

⁵ Он знает, что я из будущего, в этом ничего страшного.

Бенни улыбнулась, нащупала свою голову и поставила себе на макушку стакан.

Её противник — жирный вор — беззвучно сполз под стол. Его жена вскрикнула и опустилась на колени, лихорадочно обмахивая его.

Бенни сняла стакан с головы и сгребла ставки.

— Кто-нибудь ещё? — спросила она.

Двое мужчин в чёрном были единственными за этим столом, кто оставался трезвым. Одноглазый нищий не переставал хихикать, с его жидкой бородки капало пиво. Бенни была слегка под мухой, но не более того: она всё ещё была в состоянии пройти по прямой линии, и даже смогла сходить к бару и вернуться с новой порцией разбавленного пива.

Мужчина поменьше взял кувшин и налил себе в кружку.

— На что будешь спорить? — спросила она.

— Ты весь вечер говоришь о французах, — сказал коротышка. — Но ты не француженка.

Бенни покачала головой:

— Но мне нужно то же самое, что и французам. Информация. Обо всех старых вещах, о старых-старых вещах.

— О чём-то конкретном?

Бенни кивнула, улыбаясь. Она достала листок бумаги. На нём большими буквами были написаны три английских слова.

Настала долгая пауза. Высокий мужчина пожал плечами.

— Я это видел, — хихикал попрошайка.

Мишель был в составе отряда оборванных гвардейцев, ходившего по Парижу в поиске лошадей. Затуманенной дешёвым вином головой (он никогда не умел пить) он думал о том, во сколько ещё дверей им нужно будет постучать.

Этим утром они помогали установить леса вокруг Вандомской Колонны. Они собирались завалить старый памятник в ближайшие дни; поговаривали даже об уничтожении Нотр-Дамма.

Мишель подумал, что Колонна здорово грохнет, когда упадёт.

Здорово, громко бабахнет.

Когда лейтенант нашёл его дрожавшим у стены, с зажатыми руками ушами, он сплюнул, выругался, и назначил ему наряд вне очереди. И сейчас Мишель брёл в своей латанной форме за остальными солдатами, а в его глазах, как в битых окнах, отражались виды Парижа. Утренний свет был оранжевый из-за дыма.

Торговцы жаловались, что Коммуна разместила свои пушки так, что версальские снаряды теперь полетят на их дома. Он понятия не имел, правда ли это, но разрушенные дома встречались: дома с дырами в стене или в крыше, разбитые в щепки дома богачей, дети с бабушками и дедушками, роющиеся в обломках в поиске дров.

Иногда из-под обломков доносились собачий лай или женский плач. Некоторые люди жили в подвалах под остатками своих домов. Снаряды падали как лёгкий дождь. С каждым отдалённым бабахом Мишель всё сильнее уходил в себя. Его ноги шли вместе с его небольшим отрядом, но его голова в это время прогуливалась под летним небом в деревне Ла Бас.

Они подошли ко двору дома — повреждённого, но всё ещё стоявшего — сзади которого была конюшня. Прореха в мостовой выдавала место, куда упал снаряд, пролетев в паре метрах от дома.

Остальные солдаты кричали и стучали прикладами ружей в ворота. Где же консьерж? Убит или сбежал, — решил Мишель. Он увидел во дворе лошадь с двуколкой и мужчину, удивлённо обернувшегося на них, прижимая к груди ребёнка.

Боковая дверь дома со стуком распахнулась, и наружу вышла поразительно высокая женщина. Мишель смотрел на неё между прутьями ворот. Он неожиданно вспомнил запах тигров и львов, которые всё ещё жили в зоопарке, потому что их боялись пустить на мясо, хотя слоновьи хоботы подавались в модных ресторанах.

Лейтенант размахивал распоряжением Комитета Транспорта.

— Лошади! — кричал он. — Нам нужны любые выючные животные, которые у вас есть. Ослы и большие собаки тоже годятся. Мы их реквизируем.

За женщиной семенил невысокий мужчина.

Лишь увидев бледность этого человечка, Мишель понял, насколько насыщенного цвета кожа у женщины, разглядел её африканское лицо. Даже в юбках она двигалась в идеальном ритме пантеры. Какая-то часть его сознания представляла мышцы под её одеждой, тёмную кожу под её комбинацией.

Женщина открыла ворота. Лейтенант махнул ей в лицо пистолетом.

В её движениях сложно было рассмотреть отдельные конечности, она была похожа на балерину, слишком быстрая, чтобы Мишель мог её рассмотреть. Лейтенант упал на землю, а она продолжала двигаться, танцевать между гвардейцами. Робер упал, Жан-Поль отпрыгнул назад и с глупым удивлением на лице возился со своим ружьём.

Мишель снял с плеча ружьё и направил его вперёд. Она была красавица, самое поразительное, что он когда-либо видел.

Кто-то кричал. Мишель не мог разобрать слова. Может быть, пытались её остановить.

Он увидел, что у неё на правой ноздре есть бриллиант, сверкающий на фоне её тёмной кожи как крохотный костёр.

Она вырвала ружьё из его рук и ударила прикладом по его лицу, вогнав трёхсантиметровые осколки носовой кости глубоко во фронтальную долю его мозга.

Но детали не важны.

Мальчик ел печенье. Печений осталось меньше десятка, они были аккуратно завёрнуты в бумагу и

спрятаны в жестянке на кухне Кадиату. Мальчик осторожно надкусывал края печенья по кругу, подбирая падавшие на штаны крошки.

Мсье Тьери сидел рядом с ним на диванчике Кадиату, сжимая в руке шляпу. Он оделся как можно проще, но эта шляпа его выдавала. Хотя его штаны были поношенные, а рукав рубахи надорван, шляпа была дорогая и в идеальном состоянии.

В другой руке он держал бокал вина, который ему принесла одна из служанок Кадиату. Качался маятник напольных часов, его тиканье эхом отражалось от деревянных панелей на стенах.

Мальчик продолжал надкусывать печенье по кругу, бледными глазами наблюдая за взрослыми.

Мсье Тьери был очень высоким мужчиной, с нечёсанными волнистыми волосами, большим ртом и тёмными глазами, которые смотрели то туда, то сюда, как у насекомого. Изогнутые брови придавали его лицу постоянно серьёзное выражение. В этот момент он чувствовал себя не в своей тарелке, что было неудивительно, ведь эта его странная подруга только что у него на глазах убила четверых солдат. Что можно сказать в такой ситуации?

— В будущем все женщины такие? — попытался он пошутить.

— Вовсе нет, — сказал Доктор.

Станный низенький иностранец внимательно рассматривал стоявшую на каминной полке стеклянную вазу с цветами, протянув к ней руку, словно желая

погладить влажные лепестки. Свежие розы из сада мадемуазель Летбридж-Стюарт. Глаза низенького мужчины были закрыты. На каминной полке стоял наполненный наполовину бокал с вином.

Печенье в зубах мальчика громко треснуло.

— Прошу прощения, — сказала Кадияту. Она уже вымылась и надела новое платье, служанки молча унесли окровавленную одежду, осуждающе поджав губы. — Ребёнок это видел.

Тъери смотрел то на неё, то на Доктора, его странная полуулыбка демонстрировала кончики его зубов. Кадияту беспокойно следила за низеньким мужчиной. Ну, не то что бы следила, но её взгляд всё время возвращался к нему. Как будто бы он был опасен.

Тъери похлопал ребёнка по голове.

— Не похоже, что ему это чем-то повредило, — сказал он.

Доктор сказал:

— Кто ещё знает о том, что ты тут?

— Мсье Тъери видел моё падение. В смысле, посадку.

— Прямо посреди моих яблок, — тихо пошутил Тъери. У него было странное чувство, будто он присутствует на каком-то суде. Он встал и, не выпуская из рук свою шляпу, подошёл к стоявшей в углу птичьей клетке. — Если я правильно понял, Доктор тоже из твоего века?

— Ты и сам был не очень скрытен, — говорила Кадияту, — если судить по Каменной Горе.

— Кому вы рассказали о Кадияту, мсье Тъери? — тихо спросил Доктор.

Певчая птичка умерла от голода. Она лежала на дне клетки.

— Никому. Она слишком большой секрет, чтобы им делиться. Я хочу, чтобы она была только моей, — он снова усмехнулся. Это его судят или Кадияту? — Я помог ей перевезти её корабль и скрыть её оборудование.

— Зачем?

— Я увидел страждущего и пришёл на помощь, — сказал Тъери. Он по-отечески похлопал Кадияту по плечу. — Что бы ты без меня делала, дорогая?

— Хороший вопрос, — сказала Кадияту, но Тъери не расслышал иронию.

Он раскрыл привезённый им пакет и вынул из него пачку бумаг.

— Счета и документы относительно дома, мадемуазель, — сказал он. — Я хотел, чтобы эти бумаги были у вас, а ещё вёз вам свежие овощи. Увы, их реквизировали солдаты у ворот, они хотели убедиться, что я не шпион из Версаля. Видимо, они считали, что внутри пастернака спрятан порох.

Кадияту взяла у него бумаги и заперла их в своём письменном столе.

— Ты сильно рисковал, приехав сюда, — сказала она, не сводя глаз с невысокого мужчины. — Я не хочу показаться неблагодарной, но снаряды... тебе нужно заботиться о мальчике...

— Я понимаю, — сказал Тъери. — Свой следующий визит я отложу до более благоприятных времён. Прошу вас,

если в Париже ситуация ухудшится, переезжайте ко мне. Я о вас позабочусь. Позабочусь о вас обоих.

Доктор посмотрел на мальчика. На несколько секунд их взгляды пересеклись.

Невысокий мужчина резко отдернул руку от цветов и с отсутствующим взглядом облизал уколотый палец.

Он не собирался засыпать.

Книга медленно выпадала из руки Доктора. Он лежал на диванчике Кадиау, подложив под голову вышитую подушку, и пытался читать «Отверженных». Небо за окном было золотистым, его сотрясала канонада.

Обычно он спал около часа, примерно раз в двое суток, и не имел привычки дремать, за исключением тех случаев, когда ему очень нужно было беречь энергию, но сегодня его голова была после ужина словно ватная, руки и ноги потяжелели. Иногда было приятно позволить событиям развиваться самим по себе, а не планировать каждую минуту.

Иногда.

В полудрёме он увидел лицо юного солдата, чью голову разmozжила Кадиау. Стремление убивать было зашито в её гены задолго до её рождения. Он представил себе, что падает мимо гигантской спирали ДНК, задаваясь вопросом, сможет ли он её изменить, переписать? Переписать её. Это из-за него она оказалась тут, и он не мог ей позволить нанести ещё какой-нибудь урон.

Когда на него нахлынула последняя волна усталости, зажатая между кончиками его пальцев книга покачнулась. Он пробормотал во сне что-то о чае.

Как и большинство людей, Кадиату забывала свои сны. Но когда один и тот же сон снится снова и снова, деталей в нём становится всё больше и больше... и в конце концов, когда ты жарким французским летом спишь поверх одеял, возникает ощущение дежа-вю.

Кадиату здесь уже бывала.

Она понимала, что она спит, но это было странно, как будто бы она в полусонном состоянии играла в виртуальной реальности.

Было абсолютно тихо. Нет, в бамбуке шумел ветер, тихо звенел ручеёк.

Она повертела головой по сторонам, прочёсывая взглядом деревья. На неё нападут, она же не местная! Но вокруг были лишь деревья, камни и кусты, которые человеческие руки разместили в обманчиво естественном порядке. В глубину сада уводила дорожка, её тёмные камни петляли среди жёлтых гинкго. Воздух был чистым и прохладным, без привкуса дыма. Над ней было осеннее небо, на которое наползало большое облако, освещённое золотистым солнечным светом.

Всё было слишком правдоподобное, чтобы быть синтетическим воспоминанием о Японии журналов и кино. Нет, это были чьи-то настоящие воспоминания, чьи-то сны.

Она шла по дорожке, её щёки обдувал сырой ветер, она шла по тобииши, пока они не вывели её к замшелой избушке.

Кадияту снова резко огляделась по сторонам, пытаясь разобрать едва слышимый звук. Но звучали только цикады, да вода журчала у неё за спиной в размытом камне. На камень села бабочка — порхающие краски.

Кадияту взяла бамбуковый ковшик и полила водой руки, прополоскала рот. Вода была очень холодная, с лёгким металлическим привкусом: родник, который пробился наружу посреди сада. Как и каждый раз, она аккуратно вернула бамбуковый ковш на место, нагнулась и зашла в низкую дверь избушки.

Она задержалась за порогом, боясь потревожить хозяина. Вначале она подумала, что он стоит на коленях, но затем поняла, что он сидит по-японски, медитируя на букет цветов в токонома. Ей доводилось видеть, как то же самое делал её отец, сидя перед успокаивающей голограммой, купленной у художника в Токио.

В комнате не было ничего, кроме токонома и большого железного чайника, стоявшего над очагом, который находился посреди комнаты, в окружении соломенных циновок. За цветами висел такой же простой каллиграфический свиток. Кадияту провела глазами по иероглифам, желая узнать, о чём они.

— Опорожни свою чашку, — сказал Доктор.

Кадияту вздрогнула: раньше он никогда не говорил, никогда не замечал её присутствия.

— Кто ты? — спросил он, не оборачиваясь.

— Инженер, — услышала Кадиату свой голос. — Ученица.

— Нан-ин принимал в своём храме профессора из университета, — сказал Доктор. — Он наливал в чашку чай и продолжал это делать до тех пор, пока чай не перелился и не потёк по столу, а затем и по полу. «Она переполнилась!» — вскрикнул учёный.

— Слушай, — сказала Кадиату. — Ты слышишь?

— Я ничего не слышу, — устало сказал Доктор. — «Как и эта чашка», — говорил Нан-ин, — «ты полон своих собственных мнений. Как мне тебя учить, если ты не опорожнишь свою чашку?»

Голова Кадиату повернулась. Это была женщина: лицо в белилах, кимоно, все дела. На руке у женщины сидела бабочка, её радужные крылья плавно раскрывались и закрывались.

— Где твоя ассистентка? — спросила она.

— Я пытаюсь её найти, — сказал Доктор. — Пытаюсь. Но это так долго. Мне просто нужна ещё одна неделя. Ещё один день. Просто ещё один день.

Женщина вынула что-то из рукава своего кимоно. Кадиату увидела, что это песочные часы. Женщина протянула свою изящную руку и поставила часы перед цветами и свитком. Часы были очень маленькие.

— Ты ведь Смерть, да? — спросила Кадиату.

— У нас с ней есть семейное сходство, — сказала женщина. — Я Время, а это — мой рыцарь.

— Он мой!

Появилась другая женщина. Кадиату инстинктивно отпрянула. «А тут становится многолюдно».

Пришедшая (или она всё время была тут?) опустилась на низенький деревянный табурет, лениво обмахивая воздух метёлкой из перьев. Она была белая, абсолютно белая, силуэт, кусочек рисовой бумаги, которую художник забыл раскрасить.

Доктор повернул голову, и Кадиату увидела на его левой щеке яркий синяк.

— Вот видите? — сказала Белая Дама. Голос у неё был такой, словно она глотала стекло. — Он носит мой подарок.

В чайной комнате появлялись и другие фигуры. Или же они были лишь декорациями, или голограммами с неоновыми надписями: синий ацтек, серебристая шумерийка. Сверкавший глазами египтянин с головой неизвестного Кадиату животного, то ли верблюда с квадратными ушами, то ли длинномордой гончей. Разные культуры и времена собраны в одном месте — все боги, жившие в голове Доктора.

Кадиату представила себе, как его сны просачиваются сквозь сделанные ею трещины во времени: вперёд, назад, в сторону. Кто его слышал, кто видел его сны? Может, он существовал только потому, что так много людей видели его во снах? Или они существовали потому, что их видел во сне он?

Никто из этих богов не был приглашён на чайную церемонию; впрочем, она тоже. Когда она без спросу зашла в его сад, она оставила дверь открытой, чем они и воспользовались.

Поэтому она замолчала, стараясь быть незаметной. Настолько незаметной, насколько это возможно для чернокожей женщины ростом метр девяносто пять, находившейся в маленьком чашитсу. Она не хотела, чтобы её заметила Белая Дама.

Дама провела белым пальцем вдоль шрама Доктора. Он изо всех сил старался не реагировать.

— Я пришёл сюда, чтобы избавиться от всего этого, — сказал он.

— От меня тебе не избавиться, — сказала Белая Дама. — Ты всегда возвращаешься, как мотылёк на пламя.

Кадияту склонила голову, пытаясь разобрать доносившийся снаружи звук.

— Ты помнишь нашу с тобой первую встречу? — говорила Дама. — Высоко на каменистом холме, ты выбежал из дома на холодный воздух.

— Я помню. Я помню, как наблюдал за аутсайдерами в долине, с их луками и стрелами...

Время опустила руку ему на плечо, её бабочка вспорхнула и села ему на волосы. Он улыбнулся её лёгкому касанию.

— Я помню трепетокрылку. Я думал, что это какое-то метеорологическое явление; она занимала половину неба. Это было превосходно...

— А потом?

— Я не знал, мужчина ли я, которому снится, что он бабочка, или же бабочка, которой снится, что она мужчина, — выдохнул Доктор. — Или лягушка?

— Не уходи от вопроса, — сказала Белая Дама.

— Не обращай на меня внимания, я играю за Время.

— Играешь ради победы?

— Она залечивает все раны.

— И ранит всё, что зажило?

— Вы что, не слышите? — сказала Кадиату. — Кто-то кричит.

Белая Дама подняла голову и прислушалась:

— Это моя песня. Я слышу этот крик даже тогда, когда ты молчишь.

Кадиату посмотрела на песочные часы, но весь песок был уже на дне. Времени больше не было. В комнате остались лишь они трое.

— Кричи, — сказала Белая Дама.

Она прижала свою идеальную ладонь к левой ключице Доктора. Он пересёкся с её безглазым взглядом и вцепился в её запястье, пытаясь убрать ладонь. Ей невозможно было сопротивляться: она толкала его спиной на циновку, её пальцы продавливали ткань его пиджака. Бабочка была раздавлена под циновкой.

— Почему ты не кричишь?

Он простонал сквозь зубы, и вдруг из его ключицы вырвалось что-то зелёное. Между белыми пальцами Дамы пробились молодые листья. Единственный кроваво-красный цветок раскрылся в её руке, его лепестки пульсировали в такт сердцам Доктора.

— ЧТО Я ДОЛЖНА СДЕЛАТЬ, ЧТОБЫ ТЫ ЗАКРИЧАЛ?

Кадияту не хотела, чтобы её вырвало на красивые соломенные циновки, поэтому она выбежала из чайной комнаты, держась за живот.

Она бежала сквозь отвратительную зелёную органическую камеру. Группа мужчин и женщин в униформе били ногами что-то, лежавшее на полу, свернувшееся калачиком для защиты, закрывшее руками голову.

Она забежала в комнату, где было полно врачей, в масках и халатах, один из них вонзал огромный скальпель в плечо прикрытого простынёй человека. Другие люди несли садовые принадлежности. Медсестра наполняла шприц удобрением. Схватившись руками за голову, Кадияту бежала. Она ничего этого не помнила.

Оказавшись на осыпном склоне, она ахнула, посмотрев в оранжевое небо и увидев там раскачивающееся огромное насекомое, в теле которого торчала длинная стрела; оно планировало на землю, расставив радужные крылья. Кто-то вскрикнул — очень молодой голос — но не от боли.

Она оказалась в большой камере, стены и пол которой были выращены по частям в баках, в стены вросли криогенные трубы, светившиеся неоновым светом.

— Но какой смысл? — проревел Майер. — Какой, мать его, смысл? — он сжал руку сильнее. — Сегодня утром мы обработали четырёхлетнего ребёнка. Субъект 51. Её мы сделаем номером 52.

Почти изящным движением Майер приложил к руке пленного немного больше силы. Раздался треск.

Доктор закричал.

Но это была не боль. Это была злость.

Кадияту резко подскочила в своей постели.

Что это было?

Зажатая между кончиками его пальцев книга покачнулась. Он пробормотал во сне что-то о чае.

Он резко проснулся.

На расстоянии вытянутой руки от него стоял муравей.

Он выронил «Отверженных».

Антенны потянулись к нему так быстро, что он едва успел прореагировать: отпрянул от них с такой силой, что перевернул диван. Он упал на пол и откатился в сторону от машины.

В голове у него было ужасное жужжание, словно взбесился кухонный таймер. Муравей перелезал через диван, чтобы достать до него. Тихое жужжание. Придатки насекомого вертелись как лезвия блендера.

Кто-то заливал в его голову тёплый мёд.

Доктор неуклюже попятился по полу, но его руки и ноги словно плавилась, растекались потом. Жужжание сковывало руки и ноги. Двигаться дальше, уходить! Он попытался сопротивляться, но сопротивляться было нечему, была лишь вялость в мышцах, желание закрыть глаза и заснуть.

На письменном столе тускло горела керосиновая лампа. Непослушными, как патока, руками он схватил её.

Каким-то образом он смог бросить её в бросившегося на него муравья. Стекло разбилось об металлическую

морду, вспыхнуло пламя, пахнуло керосином. Робот встал на дыбы, ударил его металлическими лапами и прижал к напольным часам.

Приблизившись, он мягко провёл антеннами по лицу Доктора.

Его тело превращалось в мёд и стекало по стене.

Муравей на мгновение нагнулся над ним, подёргивая антеннами. Металлические сенсоры считывали выражение лица, касались сознания. Это было не больно, это было аккуратно, было не больно, это было мягкое *тик* жужжание, которое аккуратно проникало в него *так* больно не было, будильник *тик* звонит, жужжит *так*. Вставай! *ТИК*. Вставай! *ТАК*. Пора... *ТИК*... вставать! *ТАК*. Вставай.

Глава 8

Кусок множества

Мандельброта.

Великий бог Ра, чей храм когда-то занимал много акров, сейчас лишь слово для составителей кроссвордов.

Кит Престон

— Ты когда-нибудь слышал об эффекте бабочки? — спросила Эйс.

Они с Сесехатоном наблюдали за тем, как двое жрецов купались под небольшим фонтаном, ритуально оmyвая свои тела. Они вышли из воды, и другие сетиты подали им чистые полотенца.

Эйс официально представили этой группе. Это были серьёзные мужчины с серьёзными глазами, их губы были по-заговорщицки сжаты. Бывшие жрецы, а ныне счетоводы и мелкие служащие, сильно опустившиеся по социальной лестнице. Фонтан был за домом Сенефа, а за фонтаном была пещера, вертикальная щель в утёсе.

— Что там, Сесехатон?

— Моё имя, — сказал писец, — Сесехсет.

— Тебе пришлось изменить имя, когда Фараон объявил новую религию?

Сесехсет протяжно вздохнул, потревожив крутившуюся в утреннем воздухе пыль.

— Он изменил своё имя, и все сделали то же самое. При рождении его нарекли Аменхотепом, в честь Амона, первого из богов. Думаю, в чём-то мы должны быть ему благодарны. Наши храмы и поместья были конфискованы, наши жрецы отстранены от работы, Сета не кормили. Но храмы Амона... — он покачал головой. — Люди Эхнатона налетели на страну как мухи. Где бы они ни находили имя Амона, они сбивали его зубилом. Даже имя отца Эхнатона. Храмы ли это были, гробницы, царские надписи — не имело значения.

— Я слышала разговоры в таверне, — сказала Эйс. — Фараон не позволяет никому поклоняться тем богам, которым хотят поклоняться люди. Все должны поклоняться его богу.

Жрецы скрылись в пещере.

— Что там внутри? — снова спросила Эйс.

— Сет.

— Что?

— Его образ. Статуя из его храма. Каждый день мы омываем и кормим её, в точности так же, как мы это делали в храме. Мы спасли её от Эхнатона, а когда тиран будет свергнут, вы вернём её на место.

— Пещера Сета, — засмеялась Эйс. — Ясно.

— Настоящий Сет скрыт в другом месте.

— В самом деле?

— Он ждёт. Боги сковали его после того, как он сражался с Гором. Но он вернётся, вернётся с запада, из страны умерших.

Сесехсет нагнулся ближе к ней.

— Вот для чего нужны двери в воздухе, — тихо сказал он. — Однажды Сет пройдёт в одну из них. Может быть раньше, может быть позже.

— Слушай, если он бог зла, то как же это вам позволяли иметь храмы и жрецов?

— Он не зло. Он гром пустыни. Он гиппопотам, топчущий посевы папируса. Он танец, он секс и, — он приподнял свою чашу, — хорошее вино.

Рукой с чашей он обвёл вокруг, указывая на весь Египет.

— Они называют беспорядок злом. Они превращают нас в цифры, в цифры на свитках. Вся эта страна зиждется на записях и цифрах, на записях и счетоводах, которые всё измеряют и всё записывают.

— Словно мы — детали машины, — сказала Эйс.

Сесехсет так разошёлся, что не слышал её.

— Его никто не может измерить, его никто не может описать. Он владеет этим местом, владел им ещё до того, как появился безумец. «Я Сет», — цитировал он, — «сильнейший из богов, я убиваю врагов Ра каждый день, стоя на носу корабля миллионов лет, и ни один другой бог этого не сможет». Вселенной без него не обойтись. Он хаос. Он буря.

Эйс кивнула:

— Бабочка машет крыльями, создавая в воздухе крошечные перемены. И эти перемены усиливаются. Слабое дуновение становится внезапным порывом ветра, а тот перерастает в сильный ветер. Ветер превращается в ураган. А всё из-за бабочки.

Сесехсет громко рассмеялся:

— Это превосходно! Ураган, вызванный насекомым.

— Каждая буря начинается с чего-то маленького.

Сесехсет протянул руку и коснулся её носа.

— Начать бурю бабочку отправляет Сет.

Один из слуг Сесехсета принёс им ещё вина, и они сидели в тени пальмы, медленно попивая его. Сесехсет сказал:

— У нас было около пяти лет. А потом Эхнатон собрал свой двор и перенёс его в эту чёртову пустынную равнину. Они тогда ещё даже дворец не достроили, он целый год жил в шатре.

Бывший жрец вынул из зубов кусочек виноградной лозы.

— Ни Нут, ни Изида, ни Хепри, ни Хнума. Ни историй, ни изображений, ни моральных уроков, ни жрецов, ни ритуалов. Только Ахетатон и его молчаливый безликий Атон. Он просто стоит весь день под солнцем и осыпает его цветами. Его мозг уже, наверное, спёкся.

— Он не сошёл с ума, — сказала Эйс. — А если и сошёл, то не полностью. Он тиран. Вот почему солдаты кругом. То, что он делает, никому не нравится.

Сесехсет фыркнул:

— А заграничные наместники тем временем захватывают наши земли, а в Ливане бушует мор. Уж что можно сказать про старого Амона, так это то, что он приглядывал за войнами. Отец Эхнатона наполнял храмы Амона добычей. А сейчас Фараон живёт в мечтах, беседует со своим Атоном, а на реальный мир не смотрит.

— Вы должны дать отпор, — сказала Эйс. — Нельзя ему столько позволять, он же всё рушит.

— А теперь мне кажется, что это ты слишком долго пробыла на солнце, — сказал Сесехсет.

Эйс покачала головой:

— Позвольте этому продолжаться, и у вас начнётся гражданская война. Религия — один из лучших поводов для войны, не так ли? Белфаст, драконийский джихад. Египетские солдаты будут убивать египетский народ. Наш народ. Если мы не будем ничего делать.

— Ты знаешь, — сказал жрец, — ты не похожа ни одну известную мне женщину.

— Если сделаешь мне предложение, я тебя зарежу.

Сесехсет разразился хохотом и налил им в четвёртый (или уже в пятый?) раз вино.

— «Медь будет перекована на мечи, хлеб будет покупаться за кровь», — продекламировал он, уже более серьёзным голосом. — «Мы будем смеяться как больные, мы не будем плакать, умирая. Наши сердца будут биться только для нас. Мы отвернёмся, когда кто-то будет убивать другого. Страна умирает, сколько бы законов ты не издавал, чтобы остановить это».

Жрецы вернулись из тайной пещеры, неся подносы с едой, чашами и тканями. Их ежедневные обязанности были выполнены.

— Если мы выступим против Фараона, — сказал Сесехсет, — мы можем начать гражданскую войну.

(a) В гостиной был пожар, а (b) в углу был муравей, который (c) что-то делал с Доктором. Поэтому (d) Кадиату, ворвавшаяся в комнату с оружием в руках, крикнула: (e) «Вот, дерьмо!»

Муравей словно не заметил её внезапного появления. Его передние ноги были прижаты к груди повелителя времени. Тот лежал в странной позе, опираясь спиной на стену, похожий на куклу. Морда муравья склонилась к его лицу, три антенны прижимались ко лбу и к щеке, словно в нежном стальном поцелуе.

Голубые глаза Доктора были раскрыты, его разъярённый взгляд отражался в металлической морде. Одна из его рук всё время судорожно дёргалась.

Кадиату подняла ружьё и навела его на муравья. Но в этот момент включилось её сознание; оно сказала, что у неё в руках ружьё с капсульным замком, которое пробьёт в стене трёхметровую дыру. С такого расстояния шрапнель порвёт в клочья и Доктора и, возможно, её саму.

Сверху к ружью был примотан промышленный лазер. Она взялась за него и аккуратно провела им сверху вниз. Красная точка выжгла граффити на стене и впилась в заднюю часть шеи муравья.

Тот встал на дыбы и завизжал... Нет, этот звук издали его антенны, они дико вертелись и дёргались, отдаляясь от лица Доктора. Голова муравья повисла под странным углом. Низенький мужчина заслонился от монстра рукой и свалился на бок.

Кадияту включила лазер во второй раз, красный луч пронзил чёрный дым и перерезал одну из ног муравья. Муравей задрожал и попытался повернуть голову, чтобы обнаружить источник атаки. Кадияту выстрелила в третий раз, и голова муравья с глухим стуком ударилась об деревянный пол.

Тело рухнуло. На мгновение Кадияту показалось, что оно придавило Доктора. Но маленький человечек был в стороне от металлического трупа, он дрожал в углу, прижав ладонь к виску, расцарапанному антенной.

Кадияту перехватила ружьё одной рукой, а второй начала забивать ковриком огонь.

— Боже, ну ты и идиот, — ревела она, — ты же мог весь дом сжечь!

Он молчал.

Она затоптала последние языки пламени, всё ещё держа в одной руке ружьё.

— Ты почему не крикнул? — орала она, подходя к нему.

Одним движением он свернулся калачиком и прикрыл голову руками.

Кадияту остановилась как вкопанная.

— Боже, — снова сказала она.

Выходит, большая часть его ран была внутри.

Эйс сидела в главном зале дома Седжета одна.

Несмотря на заверения Сесехсета, сетиты были местными ребятами, которые имели слабое представление об истории. Для них мир начался с войны богов и затем продолжался неопределённо долго. Богатство Египта на протяжении столетий могло то расти, то уменьшаться, но существенных изменений в стране не было тысячи лет.

Но для Эйс, катавшейся во времени, история казалась скорее последовательностью циклов. Империи создавались и разрушались, их место занимали другие; выборы, перевороты, войны и моды сменяли друг друга как приливы и отливы. Для египтян перемены Эхнатона были разрушительны. Для неё же он был просто очередным фашистом.

Эйс медленно пила из чаши пиво, жалея, что это не водка с колой. Она много пила. Возможно, даже слишком много. Такой вот способ избегать принятия решения.

Её собственное, родное время в конце восьмидесятых казалось маленьким кусочком вечности, как будто бы всегда было пару минут после завершения промышленной революции, а «The Farm» всегда были лучшей группой. Но переверни страницу, и увидишь падение Берлинской Стены, Войну в Заливе, «Нирвану».

Эйс закрыла глаза, но смену образов в голове остановить не смогла. Это так Доктор видел время? Не прямую линию, разумеется, а круг или спираль или безнадёжно запутанную паутину.

Или множество Мандельброта со своим именем. Временной шторм, который перенёс её из спальни на Ледяной Мир, был разноцветный, как безумный фрактал, ураган нёс её быстрее и быстрее, мимо каждой звезды Галактики, ускоряясь сквозь два миллиона лет разных циклов, и эти циклы при ближайшем рассмотрении становились сложнее, истории внутри историй, события внутри событий. У неё кружилась голова, и это было не из-за пива.

Чем больше ты вмешиваешься, тем больше приходится вмешиваться. Беличье колесо, из-за которого Доктор всё время возвращался на Землю.

К её горлу подступил комок, который отказывался растворяться в слезах. Почему тебя нет рядом со мной, чтобы я могла быть просто спутницей, задавать тебе вопросы, прикрывать твою спину, быть частью твоего плана? Боже, почему я так завишу от тебя? Почему ты не пришёл сюда, ко мне на помощь? Почему я одна?

Однажды у неё был сон о Джене. В сумасшедшем морфическом сон-пространстве на Белиале её разум и тело сливались, как воск, с Бенни и Доктором. Жидкая близость, более близкая, чем та, которая была у неё и её Странника.

— Любовь навеки, — говорил он во сне. — Ты забыла?

— Тогда, быть может, я не любила тебя! — кричала она. — Я не люблю тебя! Я никогда не любила тебя!

А сейчас она кричала в пыльный воздух:

— Ты умер! Ты умер! Какой смысл в любви, если мы умрём? Если это не навсегда, это не любовь! Если это не

навсегда, это не настоящее! Это не считается! Это не имеет значения!

Визжа, она выбралась из комнаты и, пробежав несколько шагов в пески пустыни, вырвала.

Она легла на землю, её грудь тяжело вздымалась.

Что-то внутри неё развязалось, что-то тяжёлое ушло из её живота. Её отец был мёртв. Джен был мёртв. Доктор был мёртв. Что-то, вырвавшееся в её голове на свободу, кричало это снова и снова: всё кончено, всё кончено, всё кончено.

«Послушай меня», — сказал ей тогда Сесехсет. — «Ты отдельная личность. Ты глаз своего друга? Ты его рука? Он мёртв, но ты всё ещё жива. И не все вписывают себя в ящик».

Она была тут по какой-то причине. Временной шторм перенёс её сюда по какой-то причине. В этот раз она была готова к этому, а не просто оказалась в другом мире. Мир ею не управлял, она была готова управлять им. Она свергнет тирана. Она вернёт Сета на его место. Она станет историей.

— Нет, — прорычала она в землю. — Эхнатон! Ты уже история!

Доктор очнулся в тени и дёрнулся, пытаясь уйти от нависшего над ним существа.

— Тихо! — прошипела Кадиату. — Тихо! Я не враг.

Она осторожно убрала ладонь с его рта и напряжённо вслушалась в его шёпот.

— Ловлю я бабочек больших на берегу реки, потом я делаю из них блины и пирожки⁶.

Они были в задней части пустой телеги, накрытой брезентом, скакавшей на неровностях дороги. Никуда нельзя было укрыться от запаха фермы и животных.

Кадияту сидела, скрестив ноги, и брезент почти лежал на её плечах и шее. Край брезента время от времени задирало ветром, и тогда вовнутрь проникали полосы вечернего света.

Доктор лежал на боку в соломе. Он перевернулся и сел, вынимая сено из рукавов.

— К мсье Тъери? — пробормотал он.

— К рассвету будем там. Николя проведёт нас мимо солдат. Он переправлял сообщения между мной и Тъери.

Доктор прислушался, насчитал двух лошадей, услышал зевок кучера.

— Что это была за тварь? — спросила Кадияту. — Что она с тобой делала?

— Искала спрятанное, — сказал он, проводя пальцами по волосам, чтобы выпутать из них солому. — Ты же знаешь, что такое муравей. Оторвёшь ему голову, а ноги придут тебя искать.

— Он пытался прочесть твоё сознание?

— Он немногого добился.

— Толстый череп?

— Богатый опыт, — угрюмо сказал Доктор.

— Что он искал?

⁶ Пер. — Н.Демурова

Доктор неожиданно улыбнулся:

— Ты знаешь, я люблю, когда мне вопросы задают. Спроси ещё что-нибудь.

Кадияту вздохнула:

— Так это, значит, одно из тех существ, которые живут в разломах?

— Это был всего лишь слуга, домашнее животное, если хочешь, у него нет собственного разума. Им пользуются, чтобы найти и принести. Что ты сделала с его обломками?

— Сложила их в подвале. Ключ у меня на шее.

— Навесной замок не остановит снаряд, — его губы напряглись. — А теперь о тех людях, которых ты убила...

— Не смей читать мне лекции! — прошипела она, чуть не забыв, что надо вести себя тише. — Не смей читать мне лекции. Это из-за тебя я тут. Если они зайдут в дом, в подвал...

— Зачем ты их убила?

— Отчаянные меры, — резко сказала она.

Он закрыл глаза.

— Ты могла выпутаться из той ситуации. Подкупить их, отдать им лошадей. Ты могла их убедить. Я мог их убедить.

Кадияту молчала.

— Ты же знаешь, кто ты теперь?

Кадияту молчала.

— За все годы твоей жизни тебе не приходило в голову, что есть что-то странное в том, что ты никогда не болеешь, что тебе надо так много еды? Возможно, в твой мозг встроено слепое пятно...

— Я не хочу об этом разговаривать.

— ... если ты меня понимаешь. Оно было бы полезно для идеологической подготовки.

— Я какой-то эксперимент, да? Все эти гены модифицированных супер-солдат, слитые в один организм, который оставили с демобилизованными солдатами, чтобы вырасти... чем?

Доктор качал головой:

— Всё было не так.

— Они мне даже не сказали. Они умерли, так мне и не сказав. Кто-нибудь обо мне знал? Другие такие были? Со мной в комплекте шла инструкция по применению?

— Нет, нет и нет.

— Мне этого никогда не узнать, — сказала Кадиату. — Когда я реагирую на что-то, я никогда не знаю, я это или мои гены.

— Ты можешь выбирать. Ты не машина.

— Меня спроектировали, запрограммировали. Это не я убила тех солдат, это биоинженеры их убили. Ты их убил.

Доктор откинулся спиной на борт телеги, сложив руки на коленях.

— Я алиби не торгую.

— Я не просилась, чтобы меня родили, — сказала Кадиату. — Это не моя вина.

К тому времени, когда Бенни добралась до входа в гробницу, солнце висело низко над западным горизонтом. Это место было легко заметить, если знать, что искать. Крестьяне иногда ночевали внутри, после них остались

черепки и угли. Бернис мысленно улыбнулась, оттолкнув пальцем обломок керамики. Пройдёт ещё одна тысяча лет, и этот мусор сам станет археологией.

Она жестами долго объясняла носильщикам, что они должны остаться снаружи. Они уселись спинами к каменной стене, сложив поклажу у своих ног. Бернис жалела, что не может поговорить с ними. Она жалела, что не положила в свою дорожную сумку компьютерный переводчик.

Она могла столько всего сделать иначе. Жаль, что на свою жизнь нельзя было наклеивать жёлтые квадратики.

Она проскользнула в узкую щель и пошла вовнутрь.

Когда она была уверена, что носильщики не увидят, она вынула из кармана фонарик и быстро обвела лучом по сторонам. Собственно вход в гробницу был немного дальше: наверное, естественную пещеру расширили при помощи молотка и зубила.

Перед входом было много мусора, на потолке и на стенах была копоть. Крестьяне укрывались здесь с тех самых пор, как гробницу вскрыли и разграбили, возможно, тысячу лет назад. Здесь не будет ни красивых артефактов, ни золотых побрякушек, способных порадовать Бонапарта. Бенни на это было наплевать, главное, чтобы фрески на стене остались целые.

В проходе в гробницу были низкий потолок и узкие стены. Она посветила фонариком вовнутрь. Потолок был неровный, а стены гладкие, но не покрашенные. Чтобы найти то, что ей нужно, придётся идти дальше.

Она сняла с головы шляпу Доктора и стала на пороге. Как всегда при входе в пещеры или подземные помещения, она почувствовала приступ клаустрофобии. Она терпеливо дождалась, пока он прошёл, прислушиваясь к эху своего дыхания.

Впереди коридор, который, наверное, когда-то был набит похоронными подношениями, резко сворачивал направо. Пройдя туда, она замерла: откуда доносится этот звук?

Бернис задержала дыхание. Через секунду она поняла, что её фонарик всё ещё включён и щёлкнула выключателем.

В резко наступившей темноте её равновесие нарушилось. Она протянула руку, чтобы нащупать холодную каменную стену. В ушах у неё шумело, из-за этого казалось, что в подземелье полно разных звуков. Звук доносился спереди или сзади?

Через минуту она сказала: «Да ради бога!» и снова включила фонарик. «Возьми себя в руки, Саммерфилд», — пробормотала она, успокаивая себя звуком собственного голоса. — «Это тебе не «Мумия»».

Коридор закончился широкой дверью. На полу до сих пор валялись куски древней древесины — всё, что осталось, от дверей, которые должны были когда-то перекрывать проход. Их, наверное, пустили на дрова ещё сотни лет назад. Эти каменные стены были высечены ещё до того, как Сапфо преподавала на Лесбосе, и до того, как Ипатия преподавала в Александрии, до того, как эксилонеры побывали в Перу, а кельтские вожества разъезжали по

всей Европе, до того, как Доктор бросил вызов Фенрику в дружеской игре Я Ша.

В таком масштабе жизнь одного человека была не более чем взмахом крыла бабочки. Бенни почувствовала на своих плечах тяжесть веков. Или это просто воздух затхлый?

Она провела лучом фонарика по стенам гробницы. Фрески на стене были не просто нетронутыми, они были в исключительно хорошем состоянии. Она села, зажала фонарик подмышкой и достала дневник.

Она рисовала быстро, напряжённо вглядываясь в пятно света на стене. Картинки сообщили ей всё, что ей было нужно, и это было удобно, поскольку Розеттский камень найдут лишь через год.

Эта гробница принадлежала чиновнику и его жене. Всё было в точном соответствии с историческим периодом: никаких рисунков встречи счастливой пары с богами, только Фараон. В иероглифах постоянно повторялся символ Атона.

Один из рисунков изображал открытие одной из стел Эхнатона, большого резного изображения на утёсах возле Ахетатона. И было в рисунке утёса ещё кое-что. Вон там.

Наверняка во время установки этой стелы Граффити Амарны ещё не было, но художник, в соответствии с духом амарнского периода, пытался отобразить территорию реалистично. Линии, отображающие скалы, образовывали грубое подобие карты. Воспользовавшись ею, будет легко найти Граффити.

И всё остальное, что Эйс могла оставить после себя.

Бенни встала. У неё не было возможности вернуться во времени ко своей подруге. Всё, что она могла сделать — узнать, как Эйс жила. Кто знает, быть может, даже гробница существует.

Где-то снаружи слышались шаги. Бенни встала.

— Я же просила подождать меня сна...

Что-то вспыхнуло и сильно толкнуло её в левое плечо. Внезапно Бернис уже сидела спиной к стене.

Она провела фонариком вокруг. В дверях стояли двое мужчин, они щурились от неожиданно яркого света.

Мужчина с пистолетом присел. Его приятель держал мерцающий факел. Высокий и коротышка, оба в чёрном.

— Вы были в таверне, — сказала она.

Её голос стал писклявым и дрожащим. Она выронила фонарик и схватилась рукой за плечо. Плечо было мокрое. Вот, блин!

— Дайте мне блокнот, — сказал он.

Бенни не пошевелилась. Мужчина протянул руку и отобрал у неё блокнот. У него на пальце было большое кольцо со сверкающим овальным зелёным камнем.

— Зачем? — тяжело дышала Бернис. — Зачем вам это искать?

Немного поколебавшись, мужчина заговорил на ломанном французском:

— Мы найдём Сутеха, следуя по его... шагам? По его следам. По следам, которые он нам оставил. Так было написано.

— О, сирийские артефакты в Шета-Ху'у, — пробормотала Бернис. — Ох и сюрприз вас ждёт.

Высокий мужчина пропустил её слова мимо ушей:

— Наши предки сражались за сохранение религии Сутеха. Священные письма упоминают эти изображения, — он указал на стену.

Другой мужчина держал в руках лопату. Он начал бить ею по стене, отбивая куски штукатурки. Бенни закричала: «Нет!», но в считанные минуты иллюстрация со стены исчезла, осыпалась дождём пыли и кусков на пол.

— Мы не знаем, что мы там найдём, — сказал первый мужчина. — Быть может, скрытую тюрьму Сутеха.

Он встал и спрятал пистолет.

— Носильщики, — сказала Бернис.

Он покачал головой.

— Не оставляйте меня, — выдохнула она, преодолевая охватывающий её шок.

Она попыталась встать, но упала на стену.

— Эта гробница станет твоей, — сказал сетит.

— Каждая буря, — говорила Эйс, — начинается с чего-то маленького.

Они подошли к краю города, Ахетатон сменяла пустыня. На север и запад тянулась каменистая Красная Земля, земля Сета.

Пограничная стела была вырезана в известняковой скале, она была высотой три с половиной метра, и на ней были столбики иероглифов с изображением Эхнатона и его семьи, которые преклонялись перед Атоном, солнечным диском. Двое сетитов прислонили к скале лестницу, и Эйс

полезла наверх, зажав зубило в зубах, как пираты держали нож. Молоток она привязала к верёвке и повесила на плечо.

Она поднялась так, чтобы оказаться лицом к лицу с каменным Фараоном.

— Знаешь что, приятель? Морда у тебя уродская.

— Он настаивает на том, чтобы художники изображали его таким, — сказал Сесехсет.

— Зачем?

— Это новый стиль. Очередная перемена.

Когда она взялась за работу, лестница покачнулась. Сперва, грубо выворачивая зубилом куски мягкого известняка, она вырубилла солнечный диск. Затем она опустилась на две ступеньки.

— Тебе придётся прочесть мне это, — крикнула она вниз, Сесехсету.

Жрец пробежался взглядом по столбикам иероглифов.

— Ну, это посвящение, обещание того, что Фараон не сдвинет город с этого места и не изменит его границы.

— Нет, — сказала она, — дословно.

Она указала на верхний ряд иероглифов. Жрец всмотрелся туда.

— Добрый Бог (это означает «Фараон»), единственный наследник Ра, благодать которого создал Атон.

— Остановись, — сказала Эйс. — Это «Атон» в овале?

— Картуш отмечает божественное или царственное имя, — сказал жрец.

— Ясно.

Эйс снова взялась за молоток и медленно, осторожно выбила из камня имя Атона. К подножию скалы сыпались мелкие осколки камня.

— И тут тоже, — сказала она.

— Кто прославляет Атона, делает его имя великим... — начал читать Сесехсет, но Эйс уже отбивала картуш.

— Ну вот, — сказала она. — Его я стёрла. Пока что этого достаточно.

Она слезла по шаткой лестнице вниз. Сетиты опасливо оглядывались по сторонам: наступал рассвет. Эйс похлопала Сесехсета по спине, хохоча.

— Ещё кое-что, пока мы не ушли, — сказала она.

Жрецы тревожно смотрели, как она выцарапывает на скале последовательность углов и изгибов, чуть выше своей головы. Ей потребовалось почти полчаса на то, чтобы закончить. В свете утреннего солнца она вспотела.

— Вот так. Теперь можно уходить.

— Это надпись? — спросил Сесехсет. — Мне не знаком этот язык.

— Это для двадцатого века, — и Эйс прикрыла рот рукой, хихикая как ребёнок. — Будет им теперь над чем подумать.

Жрецы сбежали от белых утёсов и скрылись в усадьбе Сенефа.

Буквами метровой высоты, на языке, которым не будут говорить ещё тысячи лет, утёс кричал: «ТУТ БЫЛА ЭЙС».

Глава 9

В поисках утраченного Ахетатона

Поэты не сходят с ума; с ума сходят шахматисты.

Г. К. Честертон,
«Ортодоксальность», 1908 год.

Дом мсье Тьери был скромным двадцати восьми комнатным зданием возле Буа де Винсен, недалеко от Парижа. Широкий газон и пруд отделяли его от сада — уходящих вдаль ровных рядов деревьев.

Газон не стригли уже несколько месяцев, между деревьями тоже густо росли сорняки. Там, куда упал снаряд, осталась воронка из сухой земли. Берега пруда были скользкие от ила.

— Я ел рыбу из него, — сухо прокомментировал Тьери, ведя их к чёрному входу.

Воздух на кухне был затхлый и пыльный.

— Мои слуги бросили меня защищаться одного, — пошутил высокий француз. — Места для гостей полно, потому что нас тут всего лишь трое.

Словно по команде, в дверь кухни зашёл мальчик. Он держал в руках мышеловку, вертел её в руках и белёсыми,

лишёнными любопытства глазами смотрел на гостей. Тьері посмотрел на Доктора, наблюдавшего за ребёнком.

— Не хотите поесть? — сказал он. — К сожалению, в столовую попал снаряд.

Кадіату направила Доктора вокруг мальчика к кухонному столу. Откуда-то возникла худая женщина в сером платье; несмотря на летнее тепло, на её худые плечи была наброшена чёрная шаль. Она принесла столовые приборы, бокалы, остатки бараньей ноги. Пока хозяйка расставляла тарелки и несла поднос с яблоками, Кадіату принялась отрезать куски мяса.

Представить свою жену гостям мсье Тьері не потрудился.

— В этот бедный загородный дом попало больше снарядов, чем в мой дом в Париже. Целые деревья взорвались, бах! — он изобразил руками взрыв. — Мне иногда кажется, что в стенах Парижа нам с мадемуазель Летбридж-Стюарт было бы безопаснее. Я остаюсь тут ради попыток заниматься своим бизнесом, но сплю в погребе с вином!

Он похлопал Кадіату по руке:

— Я рад, что вы здесь. Я чувствовал себя виноватым, что оставил вас с коммунарами, во всяком случае, до сегодняшнего дня. Но теперь я думаю, что ты могла бы их живьём съесть.

Мальчик игрался мышеловкой: оттягивал убивающую деталь и отпускал, чтобы та щёлкала по приманке.

— Сейчас меня беспокоит безопасность Доктора, — сказала Кадіату. — Муравьи так легко нашли его.

— Да, — сказал Доктор. — Напрашивается вопрос: почему они ждали, пока я очнусь?

Кадияту резко на него посмотрела.

— У них есть способы обнаружить мой корабль, — объяснила она Тьеру. — И что угодно из другого времени.

— Тут ничего такого нет, — заверил их хозяин. — Худшее, чего тут следует бояться — того, что одна или другая армия пройдутся своими сапогами по моему саду.

— Ну, что же, — сказала Кадияту, — что мы будем делать дальше?

Жизнь в Египте была сплошной вечеринкой. Во всяком случае, для тех, у кого были деньги. А царские вечеринки были круче всех.

Эйс расслабленно потянулась, чувствуя, как под её загорелой кожей вздымаются мышцы. Она чувствовала себя как дома, в её сознание не проникали никакие воспоминания. Никаких снов. Ничего не отвлекает. У-вэй. Она была вынутым из ножен ножом — и ничем больше.

Сетиты толпились во дворе дворца, беспечно судача со своими друзьями и знакомыми. Некоторые из них были приглашены на этот небольшой суаре. Её не пригласили, но она же всего лишь женщина. Кто обратит на неё внимание?

Она набросила на плечи красную перевязь, скрывая свой шрам. Её кожа всё ещё была слишком светлая, но была ночь, гости уже набили животы едой и питьём, и сползали под столы, в лужи вина. Она для них будет просто частью размытого фона.

Чертовски типично. Чёртовы политики. Набивают желудки, в то время как Египет разваливается.

Она подошла к дверям главного зала и заглянула вовнутрь. Там играли слепые музыканты, танцевали женщины с обнажёнными грудями и с привязанными к длинным волосам большими металлическими сферами, которые раскачивались в такт их движениям. Воздух был сильно пропитан благовониями и алкоголем.

Фараон сидел в дальнем конце зала на возвышении. Он покачивал на колене маленькую девочку. Рядом с ним сидела женщина, видимо, царица. Эйс смотрела, как та протянула руку и игриво пощекотала ребёнку подбородок.

Мило-мило. Счастливая семейка.

На мгновение на поверхность её пустого сознания что-то всплыло. Образ женщины, которая смеялась, прикрыв рот вышитым рукавом. Женщины, которая смеялась, потому что ей отдали приказ, приказ сделать что-то глупое.

Она встряхнула головой, и голова снова стала пустая.

Это был первый раз, когда Эйс видела Фараона. По словам Сесехсета, у царя была привычка появляться на публике с женой и детьми, чтобы восхищённые подданные могли преклониться перед ним, а солдаты тем временем присматривали, чтобы все радовались.

Всё было просто. Они пойдут на пир. Эйс дождётся, пока Фараон выйдет. Она пойдёт за ним, расправится с его стражей и под покровом темноты уведёт его. А тогда сетиты начнут выдвигать условия.

В обмен за это она получит их помощь и протекцию, их знания о разломе.

И, разумеется, она получит долю от любых богатств или власти, которые удастся получить сетитам. Она же, в конце концов, профессионал.

Во время обсуждения финансовых условий они были на кухне Песеха, и сетиты с интересом посматривали на разливавших пиво девушек с неприкрытой грудью. Сесехсет засмеялся, когда она сказала «Почеши мою спину, а я почешу твою», а Песех попытался почесать её спину.

Может быть, с их помощью ей удастся найти Седжета. Может быть, даже отправиться домой. Домой. Домой? Её дом тут. Но она найдёт Седжета. Может быть, даже найдёт тех монстров, которые убили... Это был обычный государственный переворот. Жрецы других богов последуют примеру сетитов, вернут себе свои храмы. Армия ненавидит царя, она подчинится сразу, как только поймёт, что происходит. Простые люди не понимают, чего хочет Фараон. Они будут делать то, что им скажут новые лидеры.

Всё станет так, как было раньше. За исключением того, что теперь главным станет Сет, бог Хаоса.

Бенни улыбалась. От шока она пьянела. Она хотела выпить. Она хотела баночку манго, взбитых с сахаром и поданных на толчёном льду. С маленьким зонтиком и порцией водки.

Кого-то подстрелили.

Она улыбалась.

Она хотела встать и подвигаться. Она не хотела шевелиться. Если она пошевелится, удары копыт в её плече

станут сильнее. Они уже громыхали, быстро и неровно: зуд, который не почешешь. Перед глазами у неё всё было красное.

О. Это же её подстрелили.

Она неудобно лежала спиной на стене гробницы, чувствуя сквозь пропитавшуюся кровью рубаху неровную поверхность древней штукатурки. Пыль была на ней, пыль была на всём. И давно она уже тут становится частью археологической находки?

Неподалёку, в двери, кто-то пошевелился. Человек?

— Виван? — пробормотала Бенни. — Это ты?

Она слегка склонила голову, чтобы увидеть лицо.

Лицо не было видно. Силуэт стоял, засунув руки в карманы, и ему не мешала узость коридора. Лицо было гладкое, как белый пластик. Чёрные брюки, чёрная жилетка, галстук-бабочка, белые рубашка и пиджак, а в кармане красный цветок (тюльпан? роза?), из-за которого Бенни захотелось КРИЧАТЬ!

Вздрагнув, она отвернулась от огненного цветка.

— Что это такое?

— Это? — белые как фарфор пальцы Белой Дамы провели по лепесткам. — Это цветок, заманивший Персефону в Ад.

Она опустила руку в карман своего белого пиджака и вынула небольшое устройство. Своим точёным пальчиком она нажала на кнопку. Рядом с Бенни вспыхнула яркая белая стена.

— О нет, — застонала она.

— В чём дело? — с интересом спросила Белая Дама и взяла в руки длинную тонкую палку.

— Я ненавижу сны, — сказала Бенни. — Ненавижу эту юнговскую хрень. Символы и прочую хрень. Не переношу никакую виртуальную реальность.

— Ты переписываешь собственный дневник.

— Может быть, сразу перейдём к делу?

— Это не сон, — сказала Дама. — По крайней мере, это не твой сон. Пространство-время разбилось, как закалённое стекло, в нём полно трещин. Сны могут просачиваться сквозь эти разломы.

— Может быть, я сама всего лишь чей-то сон, — сонным голосом пробормотала Бенни. — Если я себя ущипну, хозяин сна проснётся?

— Какое приземлённое философское наблюдение, — сказала Белая Дама. — И чей же это может быть сон, дорогая?

— «Я не знал тогда, был ли я мужчиной, которому снится, что он бабочка...»

— Что это?

— Не знаю, — сказала Бенни. — Кажется, я это где-то слышала. А кто ты вообще такая? Надеюсь, не Призрак Прошлого Рождества?

— Рождество, — сказала Белая Дама. — Как интересно. Ты его празднуешь?

— Моя мать была католичка.

— Ах да, твоя мать. Её убили, когда она пошла за твоей куклой, если я не ошибаюсь. Её испарил плазменный

выстрел далека. Ты, наверное, ненавидишь за это себя-ребёнка.

Бернис сердито покачала головой:

— Мою мать оглушило выстрелами, она не понимала, что она делает. Теперь я это понимаю, я видела такое на Белиале, я знаю, что это не моя вина.

— Теперь боль прошла?

— Да.

— Тогда подумай о следующем: твоя мать была убита первыми залпами далеков. Как она могла быть оглушена?

Бернис раскрыла рот и закрыла, два варианта воспоминаний столкнулись в её сознании, два жёлтых квадратика, наклеенных один поверх другого.

Её голос стал хриплым:

— Кто ты такая?

Белая Дама снова демонстративно нажала на кнопку своего устройства.

— Иллюстрация первая, — сказала она.

Египетская гробница пропала, вместо неё появилось что-то похожее, но другое. «Вавилонское», — подумала Бенни, — «очень раннее, Ранний Шумер». Внутренность храма.

Время замерло. Повсюду люди, они замерли на месте: люди с мечами, окровавленные, они кричат.

— Это голограмма, — сказала Бенни.

— Это моё слайд-шоу, — сказала Белая Дама. — Надеюсь, тебе оно нравится.

Она вставила в трёхмерное изображение палку и указала. Бенни поразились огромной женщине... змее... нет,

женщине-змее в стиле Гигера, на серебристом теле которой был узор в виде печатных плат.

Женщина-чудовище прижимала ладонь ко лбу Эйс. Эйс-подросток кричала — подросток, исходная Эйс, такая, какой Бернис её впервые встретила. Она кричала во всю глотку, её руки вцепились в пустоту.

— О боже, — запинаясь, сказала Бенни, — что происходит?

— Детали не важны, — Белая Дама вновь взмахнула палочкой, указывая на другую сторону помещения.

Два волосатых потных охранника схватили Доктора. Маленький человечек был в странной позе.

Не осознавая, что она делает, Бенни поднялась на ноги. Вспышка боли в её плече была в точности там, где в кармане Дамы был яркий цветок.

— Эй, — сказала она.

Дама взяла её под руку и помогла ей дохромать до Доктора. Теперь Бенни видела, что его плечи были перекошены напряжением, одну руку он протянул вперёд, пытался развернуть бёдра, чтобы не упасть. Он отчаянно пытался вырваться из рук солдат, тянулся к Эйс. В то же время глаза у него были закрыты, голова поникла, словно он не мог на это смотреть.

Дрожащей рукой Бенни дотронулась до его волос. Мучили Эйс, но Бенни хотела утешить Доктора, сказать ему, что всё будет хорошо.

— Всё должно было кончиться хорошо, — тихо сказала она. — Это, должно быть, случилось задолго до того, как я впервые попала в ТАРДИС. Что бы тогда ни

произошло, в конце всё было хорошо. Это просто одно из приключений.

— Иллюстрация первая, — повторила Дама. — Доктор не мог предотвратить боль своей спутницы. Лейтмотив. Быть может, он намеренно доставляет ей боль потому, что таким образом у него всё под контролем?

— Он доставляет ей боль не потому, что хочет этого, — пищала, как маленькая девочка, Бенни, пытаясь вырваться из державшей её руки Дамы. — Он никому не доставляет боль потому, что хочет этого.

— Разве?

— Ему приходится это делать. Он слишком умный. Ты разве не понимаешь? Слишком умный. Он всегда видит, как лучше всего поступить, видит правильный ответ. И поэтому он... у него ведь нет выбора, так?

— Разве?

— Как можно иметь свободу выбора, если знаешь будущее?

— Можно?

— Да что это всё такое? — Бенни опустилась на колени. Дрожащей рукой она держалась за сердце. — Если ты смерть, то заканчивай уже, ладно?

— Я не Смерть, — сказала Белая Дама. — Хотя некоторые хотели бы этого. Иллюстрация вторая.

Она снова нажала на кнопку, и мир изменился. Новое изображение — тёмная английская ночь, в воздухе полно дыма, подножие стены замка.

Доктор лежит на мокрой траве, его спина изогнулась, рот раскрыт, все его тело искажено физической болью.

Там были Эйс и молодой человек, по их позам и выражениям лиц Бенни видела, что даже в момент паники их словно соединял электрический ток. Они вот-вот должны увидеть, что у Доктора вывихнуто плечо, но в этот конкретный момент они ещё не знают, почему он кричит.

И теперь Бенни хотелось утешить Эйс, заверить её, что боль не убьёт, что она не будет вечной. Эйс, беспомощная перед лицом страданий Доктора.

Белая Дама опустила указку и провела по груди Доктора линию, чуть ниже раненого плеча.

— Тут находится крупный нервный узел, — сказала она, обводя палочкой кружок. — Большой нервный узел, почти что отдельный крохотный мозг. Своего рода распределительный щит. Он позволяет повелителю времени управлять своим метаболизмом: дыханием, температурой тела, химией крови. Удар в это место может лишить повелителя времени сознания, его сердцебиение и дыхание резко замедляются. Другие повреждения могут привести к невыносимой боли. При воздействии на этот узел реагирует всё тело. Что, собственно, мы и видим на второй иллюстрации.

— Зачем ты мне это показываешь? — по носу Бенни стекали слёзы. Она утёрла их рукавом. — Зачем?

— Быть может, тебе нужна эта информация, — сказала Белая Дама. — К тому же, это моя работа.

— Это твоя работа, — с чувством сказала Бенни. — Ты палач, палач!

Белая Дама резко вздохнула.

— На самом деле в твоём подсознании даже и близко нет культурной информации, необходимой для понимания этого сна. Я пытаю людей не в большей степени, чем Смерть их убивает. Наша первая встреча с Доктором произошла исключительно по его инициативе. Моя задача в том, чтобы напомнить тебе то, что ты и так уже знаешь: Доктор играет с людьми так, словно они фигуры на шахматной доске. Он слишком старый, слишком чёрствый. Ради преимущества в игре он пожертвует кем угодно.

Она наклонилась вперёд, приблизив своё гладкое лицо близко к лицу Бернис.

— Поэтому ты и умираешь в пыльной египетской гробнице, в невозможной дали от своего дома. Больше для тебя ничего не осталось, — она вынула из лацкана цветок и протянула бледную руку. — Доктор бросил тебя тут, и теперь ты должна сдаться. Просто сдайся.

Наступила долгая тишина. Цветок был перед самым носом Бенни. Он пахнул алым и малиновым.

Когда она отвечала, она едва слышала свой собственный голос.

— Это неправда. Он тоже одна из фигур. Он бы пожертвовал и собой, если нужно. Он так уже делал. Я видела, — Бенни почувствовала, что в её тело вернулось немного сил. — Я видела.

Бенни нагнулась над Доктором, лихорадочно пытаясь обратить его внимание на себя. Из его рта и носа медленно текла кровь. Его веки вздрогнули и закрылись.

Белая Дама недовольно выключила проектор. Бенни уже не видела цветок.

— Это мой слайд, — всхлипнула Бернис. — И его тебе не изменить. Ты его не изменишь.

А теперь где-то вдали зазвучала песня, едва уловимая мелодия. Она закрыла глаза, склонила голову, но смогла расслышать только несколько нот. Но слова были понятны: «Иди сюда, иди сюда».

Она приняухалась, моргнула, посмотрела вверх.

— Мадемуазель Саммерфилд, — сказал Виван. — Если вы так и будете продолжать валяться, работа сама не сделается.

Шанс у Эйс появился раньше, чем она думала. Эхнатон рассмеялся, подбросил свою дочку вверх, потом передал её в руки матери. Странный парень, — подумала Эйс, заходя из петлявшего коридора в зал и изо всех сил стараясь выглядеть как одна из наподдатых гостей. Он был худой, но с пивным брюшком. Длинное лицо, слабая улыбка. Он даже на львов не охотился, чтобы в форме себя держать.

Он вышел из зала в сопровождении трёх солдат. Это должны быть хорошие, одни из лучших. На мгновение она пожалела, что у неё нет её боевого костюма. Тогда всё было бы легко и просто.

Она побрела за Фараоном. Когда какой-то страж в коридоре попытался её остановить, она выбила ему коленную чашечку, а когда он упал — наступила на горло.

Хм. Быть может, боевой костюм ей не нужен?

Канонада этой ночью была далёкой. В полночь Доктор сидел на кухне и очень медленно снимал ножом шкурку с яблока.

Захваченный по небрежности потоком, он позволял событиям течь. Больше делать было нечего, разве что позволить Кадияту связать его как стопку старой одежды. Он вздохнул, взглянув на тряпье, в которое он был одет. Он скучал по своей шёлковой рубашке. Он скучал по своей шляпе.

Он скучал по Эйс. Он очень скучал по Эйс. Пережила ли она холодное хранилище? Была ли она до сих пор жива, где-то по другую сторону одного из темпоральных разломов муравьёв? Или металлические насекомые с ней расправились? Если разведчик пришёл за ним, не придут ли они и за ней?

«Эй, старина, а как же я?»

Он поднял взгляд на воображаемую Бернис, которая улыбалась ему, сидя на кухонном табурете, смахивая с глаз недавно осветлённые волосы.

— У Эйс была гибернационная болезнь, — сказал он. — Она могла ослепнуть или мозг мог повредиться. Если оттаивание было неоднородным, кристаллы льда могли разорвать её сердце...

«Я пришла спасти вас обоих», — более серьёзным тоном сказала Бернис. — «Я знаю, что делаю, не переживай».

— Но мы разделились в разломе. Я это почувствовал, я почувствовал, что ты нас упустила. В повреждённых

участках пространства-времени полно мощных, случайных сил, они разбросали нас в разные стороны.

«Вот поэтому ты должен остановить муравьёв. Остановить просачивание этих сил из разломов и уничтожение вселенной. А что ты собираешься делать с Кадияту?»

— Что касается экспериментов со временем, то мне кажется, что она усвоила урок.

«Но веришь ли ты ей?»

— Почему бы не дать ей какое-то время думать, что у неё всё под контролем? — Доктор сделал длинную змейку из яблочной шкурки и осторожно положил её на стол. — Она в западне. А загнанные в угол животные самые опасные.

«Мы все в западне, Доктор. Включая тебя».

— В университете, — сказал Доктор, — нас предупреждали никогда не разговаривать с умершими.

Звучал чей-то вопль, то становясь громче, то затихая. Он доносился откуда-то снизу, из подвала. Женский голос, который отдавался заунывным эхо. Звуки борьбы, сдвигающейся мебели, удары. Снова тишина.

«Послушай нас. Это ты можешь нас всех освободить», — Эйс подобрала полоску яблочной кожуры и, играясь, подбросила её вверх. — «Берись уже за дело».

«К примеру», — сказала Бенни, изогнув бровь, — «можешь попробовать прекратить разговаривать с привидениями. Как вариант».

— Ничего не могу поделать, — тихо сказал Доктор, и к нему снова вернулась боль, острая боль в плече, которую

он до этого игнорировал. Он подавил в себе желание вонзить нож в источник этой боли, выковырять его из своего тела. — Я сам не свой.

«Должно быть, выпил что-то не то», — многозначительно сказала Бенни.

«Что они тебе добавили?» — с любопытством спросила Эйс.

— Ты помнишь это органическое вещество, которое заразило ТАРДИС после того, как мы починили её протоплазмой гойбни?

«Чёрт, давно же это было... Помню. Нас тогда кот пытался предупредить».

— И тогда я был, по сути, в двух разумах. Несколько месяцев. Я не мог с тобой нормально разговаривать, потому что боролся с вирусом, который заразил сознание ТАРДИС. И моё сознание.

«И сейчас тоже так?» — спросила Эйс.

«Явно нет», — сказала Бенни. — «Сейчас он весьма болтлив».

— Тот вирус изменил мою биологию. Он изменил то, как я думал. Это была тонкая разновидность овладения.

Эйс медленно разматывала с пальца кожуру. «Технология муравьёв органическая», — сказала она. «Для них мы машины. И ты думаешь над тем, что они могли изменить в твоей черепушке».

— Они должны чудесно понимать Кадияту, — сказал он, надкусив яблоко. — Нервы как провода, гены как программы.

Бернис вздрогнула. «Овладевание», — сказала она. — «Похоже, это профессиональный риск».

«Природа Вселенной», — сказала Эйс, — «люди всегда пытаются сделать из тебя то, чем ты не являешься. Думаешь, они что-то сделали с тобой, пока ты был на борту Корабля?»

— Нет, — сказал он, — это должно было быть позже.

«И теперь ты сам не свой».

— Да.

«Кадияту именно этим свои действия оправдывает, не так ли?»

Доктор резко посмотрел на Эйс:

— Я не в своём уме? Я бы понял это?

«Ты сам с собой разговариваешь».

— Что, если всё это — Париж, Кадияту — иллюзия? Убежище, которое я создал внутри собственного разума? Как мне понять, так ли это?

Эйс засмеялась тихим, воображаемым смехом. «Была там, прошла это, купила на память открытку. Ударь с размаху ногой об камень, проверь, будет ли тебе больно».

— Держитесь. Я вернусь за вами, — пообещал он. — Вернусь за вами обеими.

«А если будет поздно?» — спросила Бернис. — «Будут ли на похоронах белые лилии?»

«Ничего страшного, Профессор», — подмигнула ему Эйс. — «Когда рядом с тобой нет никого, кроме врага, ты знаешь наверняка, что это бой!»

Мальчик стоял в двери кухни и наблюдал за тем, как Доктор разговаривает сам с собой. На вид ребёнку было

пять лет: рыжие волосы, идеальная кожа, ровно рассеянные веснушки. Он был не в ночной одежде, а в том же самом костюмчике, который на нём был днём. Он по-прежнему держал в руке красный шарик. Сидя за столом и медленно жуя яблоко, Доктор даже не замечал холодный взгляд ребёнка.

Быть может, немного позже он обратится к тому неясному ощущению, будто за ним наблюдают. Но мальчик уже ушёл в спальню. Не было никого, лишь одинокая мышка бегала по полу до тех пор, пока что-то не щёлкнуло.

Утром Тъери нашёл повелителя времени свернувшимся калачиком под деревом в двух с половиной километрах от дома. На его волосах и на одежде была роса. Француз нагнулся и встряхнул плечо повелителя времени.

— О боже, — сказал Доктор. — Я снова сбежал?

Глава 10

Пожалуйста, не наступайте на бабочек

Время, говоришь, идёт? Э, нет!

Увы, Время остаётся, уходим мы.

Остин Добсон,
«Парадокс Времени».

Фараон сидел, держа в руке чашу вина. Время от времени он делал глоток. В этот вечер, в этот момент, вкус вина был особенно хорош.

Женщина дралась с тремя его стражами, вертясь как смерч. Она молчала, не издала ни единого звука, ни когда пропустила удар кулаком, ни даже когда кончик хопеша оставил на её ноге длинный разрез.

Фараон на мгновение подумал, уж не экзамен ли это своего рода. Он слышал об иностранке, которая дралась как солдат и хотела вступить в его армию.

Так он думал до того, как она убила первого стража, вырвав у него из рук меч и вонзив его ему в грудь. Крючковатый конец вылез из спины стража, и тот, хрипя, опрокинулся назад, на стол. Под весом его тела разбились два кувшина с вином, и вокруг него по полу расплзалась краснота.

Она сражалась так, как могла бы сражаться танцовщица. Она пригибалась и уворачивалась так быстро, что он едва успевал отслеживать её движения. Бугристые мышцы и тяжёлые мечи его телохранителей были бесполезны в таком близком, требующем ловкости бою.

Она ударила локтём по горлу одного из оставшихся стражей. За то мгновение, пока он был поражён болью, она успела ударить его ногой в пах и, повернувшись всем корпусом, ещё раз ударить по горлу, в этот раз кулаком. Он упал, опрокинув своего товарища.

Оставшийся солдат пополз прочь от женщины, пытаясь нащупать свой выпавший меч.

— Кто не пройдёт проверку, — сказала женщина, — станет едой Пожирательницы.

Она вырвала у него хопеш и взмахнула им раз, потом ещё. Третий взмах задел щеку стража, прорезав в ней второй рот. Она перерезала его горло, и он не успел вскрикнуть.

Закончив схватку, она выпрямилась и повернулась к Фараону. Волосы у неё были растрёпаны, они прилипли ко лбу и щекам, её бледная кожа покраснелась. Она держала клинок как мясник.

Фараон рассмеялся.

Бернис лежала на носилках в палатке Вивана. Он был рядом с ней круглые сутки, спал рядом с ней на военной раскладушке, приносил ей воды, менял повязки на ранах.

Она не просыпалась два дня... или три? Ей ничего не снилось. Хорошо. Лишь одна песня вертелась у неё на задворках сознания.

«Иди сюда, иди сюда, иди сюда».

Она пошевелилась. Виван тут же подошёл и приложил к её лбу мокрый компресс.

— Не пытайся встать, — сказал он.

Бенни ощупала плечо:

— Серьёзная рана?

— Не очень серьёзная, — успокоил он. — Наш хирург говорит, что пуля вошла под углом и не глубоко. Кожа разорвана, было много крови, но в ампутации необходимости нет.

— В ампутации!

— Une plaisanterie, — сказал Виван. — Я пошутил. Не двигайся.

— Мой дневник! — сказала она. — О нет, Виван, они забрали его. Они убили тех бедняг. Они разбили стену, они забрали мой эскиз.

— А ещё они убили трактирщика. Возможно, за то, что он сказал мне, куда ты пошла. Провались они к чёрту, эти магометане!

Бенни сердито покачала головой:

— Они не мусульмане. Это что-то вроде выжившего культа времён Династии. Подпольный культ, посвятивший себя возвращению Сета, дожил до двадцатого века.

— Серьёзно? — сказал Виван. — Может быть, тебе стоит выпить ещё воды.

— Эм... да, — покраснев, сказала Бенни.

Виван сел рядом с носилками.

— Я проследил, чтобы семьям убитых носильщиков заплатили. Бонапарта не разорят несколько сотен франков.

— Я должна была идти одна. Нечестно впутывать в опасность других. Всё это несправедливо! Как нам найти Граффити?

Виван помог её сесть. Плечо у неё болело, но она явно выживет.

— У меня в сумке есть лекарство, — сказала она, — оно поможет предотвратить сепсис.

— Хирург говорит, что нет признаков заражения крови, — сказал Виван, но всё равно подал ей её дорожную сумку.

Бенни расстегнула «молнию» и прижала сумку к груди, чтобы художник не мог заглянуть вовнутрь. Он смотрел, как она вынула две странные таблетки и проглотила их.

— Знаете, мадемуазель Саммерфилд, — пробормотал он, — вы очень загадочная женщина. Мне бы хотелось больше знать о ваших секретах.

Бенни посмотрела на него поверх своей дорожной сумки, раздумывая. Их взгляды надолго пересеклись.

— Но если я расскажу тебе о них, они ведь перестанут быть секретами, правда? — мягко сказала она и застегнула «молнию».

— Мог бы снизойти хотя бы до того, чтобы испугаться.

Лицо Эйс освещалось снизу светом жаровни. Тёплый свет едва достигал стен пещеры, отбрасывая тёмно-красные

тени, растворявшиеся в темноте. Она сидела скрестив ноги, хопеш лежал у неё на коленях.

Фараон в ответ приподнял бровь, но ничего не сказал. Его руки были связаны, он сидел неудобно, облокотившись спиной на стену. Он был в точности как та скульптура, которую она испортила: длинное лицо, полные губы. В его глазах сверкал очень гадкий юмор.

Она связала его как курицу, швырнула в колесницу и умчалась, когда ещё только поднимали тревогу. Сетиты приложили руку к возникшему хаосу, бегая вокруг и крича всякую ерунду, путаясь у всех под ногами и задавая дурацкие вопросы. Звуки из дворца казались удаляющимся цирком, когда её лошадь скакала по пустыне вдоль цепочки горящих факелов. Проезжая мимо очередного факела, Эйс стреляла по нему из лука, чтобы он упал в песок и погас.

Недалеко от пещеры лошадь упала и сломала ногу в глубокой яме. Эйс и Эхнатона вышвырнуло из колесницы, они покатались по камням. Она прострелила голову лошади, развязала Фараону ноги и затянула его в пещеру.

Порез на ноге был не такой уж сильный. Вообще-то, она справилась очень хорошо, если принять во внимание кто был её соперником.

Она может собой гордиться.

— Я понимаю, — сказал Фараон.

Эйс смотрела в жаровню. Она посмотрела на Эхнатона.

— Что?

— Ты хочешь, чтобы твоё имя вошло в историю. Чтобы его записали как имя той, кто убила Фараона.

Эйс покачала головой:

— Ты не похож на убитого.

— Не будь тупой. Твои союзники не собираются сохранять мне жизнь дольше, чем потребуется. Будучи законным правителем, я для них слишком большая угроза.

— Они планируют изгнать тебя. Основать новую Династию.

— Ну конечно! — ухмылялся он. — В этом всё дело, в истории. Тут ничего никогда не меняется. У Египта нет истории, есть лишь список царей и запрототолированные войны. Я не собираюсь быть просто одним из имён в этом списке. И ты тоже, — его губы скривились в усмешке. — Кто тебе платит?

— Это...

— Нет, дай угадать. Армия пообещала тебе должность, если ты сможешь убить меня?

— Это не игра.

— Тогда, быть может, поклонники Амона предложили тебе остатки своих состояний за то, что ты меня прикончишь? Иностранная женщина-убийца. Как это необычно, мне нравится.

Её лицо исказилось от эмоций:

— Ты тиран! Я свергаю тиранов. Ты не позволяешь никому молиться тем, кому они считают нужным.

— Фараон — всегда тиран. Потому что задачей Фараона является поддержание в Египте порядка. Ты что, правда думаешь, что мы могли бы обойтись без этого порядка, без измерений, архивов и законов?

— Возможно, ты преувеличиваешь их важность, приятель.

— Я установил во дворце триста шестьдесят пять столов подношений в честь своего Отца. По одному на каждый день года, они ломаются от еды и питья. Это богатство — прямое следствие моего правления. Я — сосуд, через который Атон даёт народу жизнь.

— Люди не поклоняются Атону. Они до сих пор поклоняются богам, которых ты запретил.

В красном свете жаровни взгляд Ахетатона был жёстким.

— Неважно, какими религиями занимают себя крестьяне. Моя религия — для Фараона, а не для них.

Эйс громко вздохнула:

— Ты слишком много разговариваешь.

— Я говорю с тех пор, как взошёл на трон. Объясняю, снова и снова.

— Зачем что-то объяснять убийце?

— Ага, — сказал он, — ты сама себя так назвала.

Эйс напряглась:

— Я имела в виду...

— С тобой стоит говорить, потому что мы равные. Равные в глазах истории. Я — самый необычный Фараон из всех, кто когда-либо жил.

— Я, блин, не за автографом к тебе пришла, — в его глазах снова появился блеск. — Ты сумасшедший.

Его полные губы растянулись в улыбке:

— Я бог.

— Я встречала много богов, — сказала Эйс. Она поковыряла угли в жаровне палкой. — Они скучные. В них

никогда нет глубины, они как персонажи из мультфильмов. Совсем не такие, как настоящие люди.

— Жрецы мне не поклоняются. Они ненавидят меня за то, что я забрал у них власть.

— Слушай, заткнись уже! Мне это не интересно.

— Армия меня ненавидит за то, что я не завоёвываю волосатых кочевников в пустыне.

— Ты всего лишь позволяешь иностранным наместникам приходить и брать то, что им нужно.

Эхнатон покачал головой:

— Ты ничего об этом не знаешь. Зарубежные земли Египта сами правят собой, у них есть свои армии. А мне моя армия нужна здесь. Где она может присматривать за жрецами, а я могу присматривать за ней.

— Тогда тебе нужно было держать при себе больше солдат, — многозначительно сказала Эйс.

Фараон засмеялся:

— Но я ждал тебя.

— Что?

— Поклонники Сета замыслили что-то много месяцев. Они просто ждали, пока появится кто-то, кого не жалко. Кто-то, кто выполнит их приказ.

Эйс с рёвом вскочила на ноги, схватившись за хопеш. Он просто сидел и смеялся. Она теряла контроль, она чувствовала это.

Нет, она уже потеряла контроль. Она позволила другим контролировать себя. Как хороший солдат, она лишь выполняла приказы.

В голове у неё гудело, и она держала меч, держала меч. Она может разобраться, что ей делать, она сможет. Что ей делать?

Что сделал бы Доктор?

Ну как же, он бы ей помешал, разумеется.

Когда инопланетяне или путешественники во времени пытались изменить историю Земли, он их останавливал. Возвращал всё в исходное состояние.

Эйс тяжело опустилась на пол пещеры. Горящие угли высыпались из перевёрнутой жаровни. Хопеш со звоном выпал из её руки.

— Что, пропал аппетит к истории?

Эйс схватилась за меч, затем снова бросила его.

— Понимаешь, — сказал Фараон, — воевать просто. Любой дурак может носиться по пыльным равнинам, убивая направо и налево. Гораздо труднее делать точные изменения.

— Что мне делать? — сказала Эйс.

Эхнатон встал, опираясь спиной на стену.

— Я предлагаю тебе сделку, — сказал он.

Кадияту, Тьери и Доктор пили во время завтрака вино, когда во входную дверь постучали солдаты. Мадам Тьери нигде не было видно. Тьери с покорным видом взял хлеб, сыр и покрытую паутиной бутылку вина.

— Это должно их умиловать, — сказал он, — и, возможно, они предоставят мне в ответ какие-нибудь сведения. Мадемуазель Летбридж-Стюарт, постарайтесь сделать так, чтобы они вас не видели. Уже иду!

Жаркое летнее солнце сияло за окном, освещая кухню в оранжевый и белый. Размазывая по ломтям хлеба толстым слоем солёное масло, Кадияту ела уже второй батон. Доктор разламывал кусок сыра на всё меньшие и меньшие кусочки. Какое-то время они сидели молча, слушая, как Тьерри шутит с солдатами. Через какое-то время торговец яблоками провёл их на газон, чтобы распить бутылку вина.

— Это принцип войны, — сказал Доктор, — нельзя думать, что враг не придёт, нужно готовиться к его приходу; не думать, что они не нападут, а сделать свои позиции неприступными.

— Кто это сказал? — спросила Кадияту.

— Сунь-Цзы. Китайский генерал, четвёртый век до нашей эры. Это было незадолго до того, как мы расстались.

— Ты знавал много военных.

— Даже слишком много, как для такого престарелого хиппи, как я, — с грустной улыбкой сказал Доктор. — Куда не пойду — кругом вы.

— Я не солдат, — сказала Кадияту с набитым едой ртом.

— Ты удивишься, — сказал Доктор. — Ты удивишься. Солдатом становишься. Это побочный эффект. Целитель и воин.

— Что случилось с Сунь-Цзы?

— Дело было в том, что он убил двух жён Императора. Он сделал это ради того, чтобы выиграть спор.

— И что сделал царь?

— Он изгнал Сунь-Цзы на несколько лет, но как только границы его страны снова оказались под угрозой, он позвал своего старого генерала обратно. Я был не столько военным советником, сколько проводил семинары по разрешению конфликтов.

Кадияту рассмеялась.

— Не получается у меня всё время вставлять в дула цветочки, — сказал Доктор.

— А что насчёт этой войны?

Доктор пожал плечами:

— Обычная комбинация не вовремя принятых решений, плохого планирования, нарушения коммуникаций и просто жадности. Существовавшей в государстве несправедливостью воспользовались ради получения власти. Коммуна могла исправить много плохого, но потеряла свой шанс из-за плохой организации и бессистемного насилия.

— Я чувствую себя парализованной, — сказала Кадияту. — Как будто я могу нечаянно сломать историю, если вдохну не ту молекулу воздуха.

— Силы, которые движут историей, столь же сложны, как и силы, которые движут воздух. Крылья бабочки вызывают ураган, который приводит к засухе, которая вынуждает голодающих фермеров работать вместе, чтобы использовать всю имеющуюся у них воду и вести учёт. Так начиналась Египетская цивилизация. Но при этом не важно, крылья какой именно бабочки начнут ураган.

— Должны же быть личности, которые изменяют историю. Что если кто-то с машиной времени убьёт Гитлера?

Доктор сложил кусочки сыра кучкой.

— Большая часть истории отлита в бетоне, но есть неравновесные точки — убей в неподходящий момент не ту личность, и история распустится как шарф.

Он поднял руки, словно выбирая, с чего начать сложную лекцию.

— Ты когда-нибудь видела стаю птиц, готовящуюся к миграции?

Кадияту кивнула, продолжая жевать.

— Представь себе бунт на Монмартре. Кого-то в толпе толкнули, он гневно кричит. Кто-то его услышал и выкрикнул лозунг. Всё больше людей кричат, они перемещаются. И как только энергия превысит определённый пик...

— Люди превращаются в толпу и расстреливают тех двух генералов из Версаля.

— Война складывается из таких вот небольших событий. Очень сложно предсказать, где именно находится точка нарушения равновесия. У нас с тобой особая ответственность, Кадияту.

Она нахмурилась:

— Интересно, а от скольких гитлеров ты избавился за долгие годы?

Доктор покачал головой и внезапно зевнул:

— Я исправляю. Когда появляется кто-то из-за пределов истории и пытается изменить её ход, я возвращаю всё как было.

— Это не совсем правда.

Повелитель времени посмотрел на свои руки.

— Очень трудно удерживать человеческую расу на пути истинном, — признал он. — А чем больше я делаю изменений, тем больше приходится делать изменений.

— Снова и снова, по кругу, как белка в колесе.

— Это ужасное сравнение.

— Слушай, раз уж я задаю много вопросов... Земля должна была сместиться между моим прибытием и твоим... и муравьёв. Как мы могли оказаться в одном и том же месте?

— Быть может, кто-то приклеил выход к одному месту. В её голове возникли уравнения червоточин:

— Это чушь.

— Хм.

— Последний вопрос.

— Хм?

— После того как муравей попытался прочесть твой разум, почему ты так свернулся?

Его веки задрожали, он провёл рукой по лбу.

— Ты думал, что я тебя изобью, не так ли? Они тебя избивали? Наказывали тебя за то, что не могут прочесть твой разум?

— Им не интересны наказания, — с презрением сказал он. — Они — грубая сила, лишённая элегантности, они скорее проломают стену, чем откроют дверь. Мне нужны

куски того муравья. И твой ручной сканер. Принеси мне куски. Прости, сейчас мне нужно поспать.

До того, как его голова упала на стол, он успел подложить под неё руки.

Кадияту смотрела на него целую минуту, слушала его дыхание. Она осторожно взяла его за запястье. Его пульс был последовательностью двойных ударов, медленный и ровный. Ей почему-то вспомнилось, как она в детстве впервые в жизни взяла в руку лягушку: холодная кожа, осознание того, что она держит что-то нечеловеческое.

Она встала и выглянула за дверь. Солдатов уже не было, Тьерри сидел на крыльце и допивал вино.

— Я отправляюсь в Париж, — сказала она ему. — Когда Николя приедет в следующий раз?

— В полдень должен быть, — сказал Тьерри. Он дунул поперёк горлышка бутылки, издав унылый стон. — А что насчёт Доктора?

— Пускай лучше спит, — сказала она. — Нужно уменьшить дозу, Тьерри.

— Ты же сама сказала, что он опасен.

— Он догадается. Возможно, он уже догадался.

— Серьёзно? — Тьерри откинулся на спину и посмотрел на неё, прищурившись. — А почему он ничего не сказал об этом?

— Ты его не знаешь.

— А ты, — сказал француз, — не узнаёшь его лучше.

— Слушай, — Кадияту подняла руку и начала загибать пальцы: — Психогенная амнезия, обрывочные воспоминания, раздражительность, чрезмерный старт-

рефлекс. Он не помнит, что они с ним делали, но думает, что это повторится. У него контузия, Тьери. Посттравматический синдром.

— Ах да, конечно. Как же я сразу не догадался.

— В данный момент, мне кажется, он ни для кого не опасен.

Тьери надвинул шляпу на глаза.

— Пускай лучше спит, — повторил он.

Но на кухне в этот момент уже никого не было, только клочья пыли летали в оранжевых лучах.

Глава 11

Шире рот!

Звездолёт залетает!

ПОЛОНИЙ: Что вы едите, милорд?

ГАМЛЕТ: Миры, миры, миры.

Уильям Шекспир, «Гамлет»,
несуществующее фолио.

ТАРДИС стояла во дворе дворца и тихо гудела.

Эйс бросилась к тёплой двери синей будки и прижалась к ней щекой. Она представила, что слышит издаваемый кораблём звук, плавное нарастание и спад гула двигателя.

Эхнатон смотрел на это равнодушно.

— Это нашли одновременно с тобой, — сказал он. Она повернулась к нему. — Да, у меня повсюду есть шпионы, — он легонько похлопал ТАРДИС. — Я знал, что должна быть связь между этим волшебным предметом и иностранной женщиной Сета.

— Я думала, что его имя запрещено.

— Сет — всего лишь имя. Я стёр его с лица Земли. Стёр все имена и заменил их своим именем. Я буду жить вечно, меня никогда не забудут, — он с любопытством провёл по ТАРДИС пальцем. — Что это такое?

— Это... это корабль миллионов лет, — выдохнула Эйс. — Я должна была понять, я должна была понять сразу. Вот почему я могу говорить по-египетски. Почему я сразу не догадалась?

Эхнатон пожал плечами:

— Когда нам это очень нужно, мы можем прикладывать огромные усилия к тому, чтобы обмануть себя.

Она неловко посмотрела на него.

— Не извиняйся, — улыбнулся он. — Бери свой корабль и отправляйся.

Он пошёл прочь. Не побоялся повернуться к ней спиной.

Дверь для неё, как она не сомневалась, раскрылась. Эйс зашла в отсек управления. Гул в нём был подсознательный, словно это был звук её собственной крови, растекающейся по телу. Она закрыла глаза. Дверь у неё за спиной беззвучно закрылась, отрезав её от звуков пира, от запаха пыли и жареной плоти.

Она оперлась спиной на внутреннюю поверхность дверей ТАРДИС и медленно сползла на пол.

Она чувствовала себя потяжелевшей, как после того, как из ванны вытекла вода. Ей казалось, что она может лечь на пол, на тёплую белизну, подтянуть колени к груди, свернуться калачиком и никогда, никогда не вставать.

У неё уже очень давно не было такого чувства. Она вспомнила возвращение домой из больницы, после того как все документы были подписаны, были сделаны все звонки,

и её отца уже не было в живых. Её мать пошла вниз, пить тёплый чай с виски.

А маленькая Дороти тогда свернулась калачиком на кровати и с открытыми глазами слушала, как по окну стучит дождь. За исключением этого звука, на душе у неё было абсолютно пусто. Это было её право: молчать, ничего не делать, не иметь никаких обязанностей. Она заслужила это. Теперь она могла сойти с ума, если ей этого захочется.

Через какое-то время она встала с пола.

— О, — сказала она громко, — я же вся в крови.

Она пошла в душ.

В одно из окон третьего этажа Доктор наблюдал за Тьери. Француз тихо поглощал несколько бутылок домашнего вина. Убедившись, что хозяин дома в ближайшее время никуда идти не собирается, Доктор вышел из комнаты для гостей и пошёл вниз по лестнице.

Дверь в подвал была не заперта. Он тихо постучал, подождал. Ничего. Он осторожно открыл дверь и пошёл вниз.

Там не было темно: в подвале горела сальная свеча, создавая атмосферу, в которой были бы уместны рассказы о привидениях.

Потолок низкий, места мало. Освещённое жёлтым светом пятно ограничивали колонны из кирпича и деревянные полки для вина. Мягкий свет, мягкий звук: женский плач.

Тихий, очень тихий. Доктор намеренно шуршал одеждой, чтобы она услышала, что кто-то есть рядом, но не

испугалась. Она перестала плакать и осмотрелась по сторонам.

— Всё в порядке, — прошептал он. — Это всего лишь я.

Мадам Тьери сидела на импровизированной постели: сложенные стопкой матрас и одеяла. Она была полностью одета, но волосы были распущены и спадали ей на лицо; плечи поникли от изнеможения.

— Что вам нужно? — пробормотала она.

Он подошёл настолько, чтобы они оба могли видеть лица друг друга. Синяки у неё были в основном на плечах и на руках, где их сложно было бы кому-то заметить под пышной одеждой девятнадцатого века. Она обернулась шалью, не отрывая взгляда от его лица, и Доктор понял, что она смотрит на пурпурный шрам на его левой щеке.

Он сел, стараясь не делать резких движений, и опёрся спиной на одну из колонн.

— Вы не должны быть тут, — сказала она через какое-то время.

— Почему вы не зовёте своего мужа?

Она была настолько уставшая, что даже не улыбнулась.

— Вам нужна медицинская помощь? Я доктор.

— Я знаю, — в этот раз она иронично улыбнулась. Её лицо было гораздо старше, чем должно было быть, в мерцающем свете свечи в её глазах была видна сила. — Я не сильно пострадала. Но мне стыдно.

Доктор покачал головой:

— Иногда ничего нельзя сделать. Иногда, как ни сопротивляйся, с тобой всё равно могут что-то сделать.

— Дело не в этом. Мне снятся... — тихо говорила она.
— Я представляю... ужасные вещи.

Его глаза словно пытались вытянуть из неё объяснения, и она отвернулась, снова замолчав. Доктор сказал:

— Об убийстве мужа?

Лёгкий, словно птичий, кивок головой.

— Почему вы не ушли?

— Потому что, — вздохнула мадам Тъери, — тогда он бы меня убил. Он много раз говорил мне об этом. А если бы и не убил, то куда бы я пошла? Я бы умерла от голода или попала бы под снаряд. Нет никакого укрытия, он не делает ничего незаконного, ничего плохого.

Но Доктор взволнованно качал головой:

— Вам нужно уйти, просто идите, идите и не оглядывайтесь...

Она протянула костлявую руку и легонько коснулась его запястья. Он посмотрел в её глаза.

— Вас пытали, не так ли?

— Много раз, — отмахнулся Доктор. — Сотни раз меня ловили, сотни раз я сбегал. Это всё равно как повторять всё время одно и то же слово: через какое-то время оно теряет свой смысл.

Мадам Тъери кивнула с пониманием.

— Быть может, когда-нибудь он ударит меня так, что я лишусь разума, — мрачно сказала она. — И тогда мои кошмары могут сбыться, — она подняла палец. — Не пейте то вино, которое он вам даёт.

— Это я тоже знаю, — улыбнулся Доктор.

Немного поколебавшись, мадам Тъери достала из-под кровати небольшой несгораемый ящик. Она пододвинула его к Доктору, и тот вскрыл его при помощи куска проволоки.

В коробке было полно золота. Он вынул браслет, который, должно быть, был из Месопотамии, испанские песо, дешёвые золотые часы из двадцатого века. Для выплаты жалованья своему слуге муравьи грабили историю. Учитывая их способности, Тъери брал очень, очень дёшево.

— А вы? — спросила мадам Тъери. — Почему вы не сбежите?

— Иногда нужно не делать ничего, — он захлопнул крышку железного ящика и затолкнул его обратно под кровать. — И делать это бывает очень, очень трудно.

— Когда он меня бьёт, — сказала мадам Тъери, закрыв глаза, — я стараюсь не двигаться и не издавать ни звука. Тогда у него нет повода бить меня сильнее. И через какое-то время он прекращает.

Они немного посидели молча.

— Ответьте мне на три вопроса, — сказал Доктор.

— Да.

— Ребёнок. Он ваш?

Мадам Тъери покачала головой:

— Однажды вечером Франсуа привёл его в дом и сказал, что мы его усыновляем. Я даже не знаю как его зовут. Он такой странный, холодный ребёнок. Я никогда от него ни единого слова не слышала.

— Есть ли в доме какое-нибудь оружие?

— Наверху, в спальне, в ящике лежит заряженный пистолет, — ровным голосом сказала она. — Какой третий вопрос?

— Как вас зовут?

— Мадам Тъери.

— Нет. Ваше имя.

Она ответила не сразу, как будто пыталась вспомнить.

— Женестьева.

Обернувшись фланелевым полотенцем, Эйс зашла в спальню. Пыль пустыни вышла из её кожи и из её рта, а немножко крема Сестринства сильно ослабило жжение кожи. Волосы у неё были распущены и свисали на плечи.

Она села на кровать. Комната казалась такой пустой. Большая часть её вещей, которых у неё было не так уж много, была спрятана в ящике под кроватью. Но кто-то сменил постель и аккуратно сложил покрывало. Джинсовые брюки и рубашка были аккуратно сложены на кровати, вместе с чистыми носками и бельём.

Четверть часа спустя она зашла в отсек управления, потянулась и склонилась над консолью. Она подняла руки.

Она могла отправиться куда угодно. Куда угодно. Теперь была только Эйс, Эйс и ТАРДИС. Машина гудела ей, как делала это часто: Эйс была первым разумом, которого ТАРДИС смогла коснуться после долгой спячки. Они теперь были как сёстры, они были готовы к собственным приключениям.

Эйс медленно опустила руки.

Но несколько секунд спустя она уже набирала команды для визуализатора. Данные сканера сверкали на плоском экране, образуя узоры и диаграммы, отбрасывая на её лицо цветные спирали.

Через какое-то время она улыбнулась.

Кадияту ожидала найти тут как минимум одного гвардейца. Но её дом был пустой, его никто не охранял. Никто не потрудился смыть кровь на улице.

Она не оставила в живых ни одного солдата — докладывать о произошедшем было некому. Вполне возможно, что грабители добрались до трупов раньше, чем Гвардия. Или же трупы уже стали таким обычным явлением, что ещё четыре ничего не меняли.

Какое-то время она стояла в гостиной и мысленно составляла список украденных вещей: в основном это были громоздкие деревянные предметы мебели, которые годились на дрова. В ковре осталось полно щепок: диван и рояль разрубили на месте для облегчения транспортировки. Воровство её не беспокоило; вещам, оставленным без присмотра, было свойственно исчезать. Они оставили напольные часы, которые всё ещё отмеряли секунды.

Неужели им действительно безразличны люди, которых она убила? Она в своё время была невнимательна, у неё было очень общее, смутное представление о войне, основанное на телевизионных новостях и военных видеохрониках. Её родители иногда собирались со своими друзьями, чтобы выпить и посмотреть самую худшую видеозапись, которую только удавалось найти, и смеялись

как идиоты. Кадияту на таких вечеринках пыталась хитростью уговорить взрослых угостить её глотком пива.

Она помнила, что когда через шесть дней после рождения её брата его впервые показывали людям, её отец на вечеринке дарил подарки повитухам. Те взяли пуповину, завернули её в полиэтилен, положили в деревянную коробку и закопали где-то, где злым духам не найти.

Она потянулась рукой через край колыбельки братика (деревянная решётка была высотой по её подмышки), и его крохотная ручка обхватила один из её пальцев. Она спросила у мамы, была ли такая же вечеринка в честь её рождения, и мама ей сказала, что конечно же была, просто она не запомнила её, потому что была маленькая.

Дверь в подвал была всё ещё целая, она гудела. Звуковым ключом Кадияту отключила электрическую ограду, которую соорудила перед дверью из тонких, невидимых в тусклом свете нитей. Маленькое устройство пропищало несколько нот, отключив гудение, и Кадияту снова спрятала его в рукаве.

Куски муравья она сбросила в люк. Голова поцарапалась, она закатилась за деревянные ступени. Глаза безвольно висели на своих стеблях, с тоской глядя на Кадияту.

Она подобрала несколько ног и осмотрела их как инженер. Эти существа были большие, но сконструированы они были не очень хорошо: легковесные, а не армированные; не рассчитанные выдерживать выстрел. Излишняя самоуверенность? Нет, просто они были

разработаны не для боя, а для того, что бы брать что-то и нести.

Она сидела на нижней ступени, теребила своё платье и смотрела на свой безымянный корабль, выброшенный потоком времени на мель. Ей хотелось бы иметь возможность просто сесть в него, нажать пару кнопок и перенестись обратно в Макени, где можно найти нормальную еду и джинсы. Или в Лунаверситет. В любое знакомое место. Теперь ей хотелось исследовать знакомое, изучить пропущенные детали, воспринимать всё как само собой разумеющееся.

А Доктор её не вернёт, это становилось всё более очевидным. Её родителям тогда пришлось объяснить ей, что возле некоторых из их друзей лучше избегать громких звуков. Вспышки гнева, провалы в памяти, внезапное инстинктивное сворачивание калачиком... В этот раз она была одна.

В воздухе внезапно что-то зашипело, запахло озоном. Кадияту только начала вставать, а её корабль уже исчез.

Он просто растворился, как изображение на выключенном телевизоре. У неё раскрылся рот.

— Дерьмо! — в конце концов сказала она.

Стол Тьери был завален бумагами: счета, ордера, деловые письма. Автоматическая перьевая ручка стояла на подставке — стеклянной массе с кораллом внутри, которая прижимала неоплаченные счета. На стене висела экспозиционная коробка с бабочками, забытая и

запылившаяся. Приколотые булавками тела высохли и сморщились за стеклом.

Мальчик белёсыми глазами наблюдал, как Доктор тихо выдвигал ящик. Этим пистолетом не пользовались несколько лет. Повелитель времени несколько секунд рассматривал его, убеждаясь, что он рабочий. Затем он порылся в ящике в поиске пуль.

Мальчик продолжал смотреть. Повелитель времени чувствовал спиной взгляд этих бледных глаз, как будто детский взгляд прожигал в воздухе коридор, как будто бы сама комната изгибалась вокруг него.

— Кажется, это был Антон Чехов, — неторопливо сказал Доктор, — он сказал, что если в третьем акте хочешь выстрелить из ружья, зарядить его нужно в первом.

Он повернулся лицом к мальчику. На лице ребёнка не было ни единой эмоции. Его кожа была без единой складочки: он никогда не улыбался, никогда не хмурился, никогда не спотыкался и не падал в грязь.

Он по-прежнему держал в руке красный шарик.

— Во всём доме больше нет ни одной игрушки, — сказал Доктор. — Это только для виду, не так ли? Ты бы даже не знал, что делать с игрушками. Ты здесь не для этого.

Он положил пистолет в карман сюртука.

— До встречи в третьем акте, — сказал он и вышел из комнаты.

Часовой захрапел и пошевелился, сложив руки на своём толстом животе. Бенни переступила через него. Держа в руке туфли, она бесшумно шла по песку пустыни.

Лагерь сетитов представлял собой небольшой круг палаток: Бенни насчитала три штуки, плюс четвёртое убежище, сооружённое из брезента и веток. К единственной пальме были привязаны около десятка лошадей и верблюдов. В огромных листьях заунывно пел ветер.

Целую неделю они преследовали сетитов на верблюдах, имея небольшие стычки с бандитами и отдельными отрядами повстанцев. Плечо Бенни зажило быстрее, чем она ожидала, что заставляло её задумываться о том, что ещё было подмешано в её антибиотики.

Она подошла ближе к импровизированному убежищу. Наверняка в нём никто не спит — при таком количестве дыр и неправильной форме — а значит, здесь они, скорее всего, хранят добро.

Она подала знак Вивану. Он стоял за валуном на краю лагеря и тревожно наблюдал за тем, как она на цыпочках шла к палатке. Он так о ней переживал, милашка. Если она действительно застряла тут — смирись уже с этим, Саммерфилд, почему ты не можешь это принять — он далеко не худший человек, с которым можно было застрять.

Она подняла руки над головой и резко опустила их. Он кивнул и пошёл к животным.

Бернис заглянула в палатку. Никого нет. Она проскользнула вовнутрь, между горшками и сковородками,

одеялами и ящиками, и сжалась, чтобы её нельзя было заметить снаружи.

Очень скоро ночной воздух сотрясло лошадиное ржание, а затем раздались три выстрела.

Лагерь закипел жизнью: крики, возня. Сквозь дыру в брезенте Бенни наблюдала, как египтяне пытаются поймать разбежавшихся животных.

Ещё несколько выстрелов... Виван их подгонял?

Бенни видела мужчин, парней, но женщин не было. Она подумала, не были ли сетиты похожи на тагов, передававших религию от отца к сыну?

Проверить палатку-склад никто не подумал. Она снова услышала выстрелы и затаила дыхание, надеясь, что Виван и его люди не пострадали. Не годится, если переживший Террор Денон погибнет от шальной пули в Египте. Как минимум, это затормозит археологию на столетие. Боже, как Доктор справлялся с такой ответственностью?

Она достала из кармана фонарик, включила его на слабой яркости и обвела лучом палатку. Там было несколько ящиков, все незапертые. Её дневника нигде не было.

Она вышла из палатки. В лагере было пусто. Эти поклонники Сета умом не отличались — повелись на такой банальный отвлекающий манёвр. Даже храпевший часовой проснулся и присоединился к погоне.

Она прокралась к самой большой из палаток. Она должна принадлежать высокому мужчине. Бог знает, что он подумает, прочитав её дневник. Она надеялась, что он просто сочтёт её сумасшедшей.

Она вынула пистолет и зашла вовнутрь. Там были низкий стол, походная кровать, коврик на полу, пара сабель... стол.

Бенни сдёрнула скатерть. Это был сундук. Она отстрелила замок, и открыла крышку.

Внутри, на стопке аккуратно сложенного шёлка, лежал её дневник. Наверное, краденое добро. Она протянула руку к блокноту.

— Медленно встань, — сказал за её спиной голос, — и брось пистолет.

Бенни медленно встала и бросила пистолет.

— А руки мне за головой держать?

— Почему бы и нет? Развернись.

Бенни развернулась, переплетя пальцы на затылке. Высокий мужчина осмотрел её с ног до головы. У него в руке был большой пистолет.

— Вы весьма интересная женщина, — сказал он. — Женщина из будущего, разыскивающая сокровища прошлого.

— О боже, — сказала Бенни. — Вы что, поверили во всё это?

— А зачем бы вам иначе описывать всё в таких подробностях, если бы это не было правдой?

— Вы поверите тому, что я хочу создать научную фантастику раньше Шелли?

Высокий мужчина смотрел на неё, не понимая.

— Нет?

— В священных писаниях есть несколько абзацев о том, каким образом вернётся Сутех, — сказал её пленитель.

— В одном из них говорится о дыре в воздухе, сквозь которую человек может попасть во времена древних, или вперёд, в столетия, которых ещё не было, — он двинул пистолетом: — Я хочу, чтобы ты показала мне, где эта дыра. А ещё лучше, покажи мне корабль времени.

— Шутишь, да? — сказала Бенни. — Я не позволю такому психу, как ты, затеряться в истории. Хватало проблем и от того, что там мы трое разгуливали.

— В таком случае в этот раз я постараюсь не промахнуться, — он направил пистолет на её сердце.

Бенни упала на колени.

— О, пожалуйста, пожалуйста, не стреляйте! — умоляла она, и её голос превращался в визг. Высокий мужчина удивлённо смотрел на неё. — Я сделаю всё, что вы захотите, только пожалуйста, не...

Она резко дёрнула за коврик, на котором он стоял. Падая, он ругался. Бенни уже схватила саблю и отчаянно махнула ею по его руке, разрезав ему ладонь и выбив пистолет.

Высокий мужчина попытался ударить её и попал по раненому плечу. Вскрикнув, она упала на кровать и попыталась снова встать. Высокий мужчина схватил другую саблю, взмахнул ею, пытаясь разрубить Бенни, но она успела увернуться. Его сабля прорезала в стене палатки большую вертикальную дыру. Бенни ударила его локтём по лицу и выпрыгнула в разрез.

Высокий мужчина бежал за ней по пятам. Когда его шаги приблизились, она обернулась и подняла свою саблю,

чтобы парировать его удар, а потом ещё раз, ещё раз... каждый удар вызывал боль в её раненом плече.

Ей приходилось пятиться от него, пятиться по песку. Она хотела посмотреть по сторонам, поискать Вивана, но не могла оторвать взгляд от высокого мужчины. Она с трудом сдерживала его. Она могла бы драться лучше, если бы было лучшее освещение, если бы она была лучше знакома с этим оружием, если бы не была ранена...

Она на что-то наткнулась, и вдруг уже падала спиной вперёд, запутавшись ногой в брезенте палатки. Половина палатки упала вместе с ней, загремели сковороды, посыпались коробки, рухнула стопка одеял.

Она лежала на спине, потеряв ориентацию, и держала над собой саблю. Но высокий мужчина потянулся рукой в обрушившуюся палатку и что-то вынул.

Ещё один пистолет.

Бенни прикусила губу и закрыла глаза. «Доктор! Эйс! Я иду к вам!»

Раздался выстрел.

Тело Бенни содрогнулось.

Высокий мужчина упал как дерево. Он свалился на неё, и его кровь полилась на её рубашку. Она закричала и выбралась из-под него.

Над ней, держа в руке дымящийся пистолет, стоял Виван. Вокруг него в лагерь входили французские солдаты, таща за собой связанных ругающихся сетитов.

Денон нагнулся к ней:

— С тобой всё в порядке?

Она подала ему руку и позволила поднять себя на ноги. Внезапно её лицо растянулось в улыбке:

— Лучше и быть не могло.

Сесехсет смотрел, как восходит солнце. Он сидел в пустыне один, просто сидел в пыли. Это, возможно, был последний восход, и он хотел его увидеть.

Сетиты разбежались. Песех продавал свои земли, переезжал в своё имение в Пунте. Сенеф бесследно пропал. У других были разные планы, где им прятаться. У Сесехсета не было работодателя, ему некуда было идти.

Он сидел под стелой, которую они повредили. Прошлой ночью их планы были чёткими, как следы зубила на камне. А теперь они не более чем каменные осколки в песке: разбросанные, неважные.

Раздался ужасный звук. Сесехсет вскочил на ноги, забыл о своих переживаниях и лихорадочно смотрел по сторонам. Он думал, что у него до этого будет больше времени.

Звук доносился эхом из одной из пещер в скале. Сердце Сесехсета готово было вырваться из его груди. Быть может, это просто камни под землёй осыпались, а не Пожирательница?

Кто не проходит испытание, становится едой Пожирательницы.

Из чёрной тени вышла фигура. На ней была незнакомая одежда, глаза были чем-то прикрыты.

— Тепи, — выдохнул Сесехсет. — Ты привидение?

Она остановилась метрах в трёх от него. Он увидел, что в руке она несла что-то длинное, возможно посох. Она медленно повернулась, посмотрела на стелу, на гротескное изображение Фараона, улыбавшегося своему безликому богу.

— Вот почему он изменил художественный стиль. Он хотел, чтобы его запомнили надолго.

— Ты убила его?

— Я его не убила. И он меня не убил.

Жрец заметил, что дрожит.

— И что теперь?

— Ты меня подставил, — засмеялась Эйс. — Подставил. Я должна злиться, Сесехсет. Но я к этому уже так привыкла.

Жрец качал головой, но она продолжала говорить:

— Вы хотели, чтобы всё было хорошо, как раньше, когда вы были богатые и могущественные. Я могла всё это разрушить. Не было бы ни Эйс, ни Одри, ни Кэтлин... ни Бернис.

Быстрая как молния, она схватила его за одежду. Штука на её глазах отражала его перепуганное лицо как чёрная вода.

— Открой мне дыру в пространстве, Сесехсет.

— Я не могу! — он сделал шаг назад, но она его не отпускала. — Я не знаю как, это не...

— Я наблюдала за этим местом неделями. Разлом раскрылся лишь один раз, как рядом был ты. Как ты это можешь объяснить?

— Я...

— И это ещё не всё. Я раньше не замечала. Дура, — она отпустила его и подняла руку. Сесехсет увидел, что у неё руке «гусиная кожа». — Я не чувствовала такого с тех пор, как воевала с солдатами времени. Сенсоры ТАРДИС это подтвердили. Ты ключ, Сесехсет. Ключ, отпирающий дверь во времени. Шагай давай.

Он повернулся, чтобы убежать.

Эйс взмахнула электрошокером, попав ему по руке. Сесехсет взвизгнул и упал в пыль.

— Инопланетные ублюдки, — огрызнулась Эйс. — Кто ты такой?

На его лице было непонимание.

— Иди давай, — снова сказала она.

Они шли по пустыне в горячую зарю. Бывший жрец пытался сбежать ещё два раза. Каждый раз Эйс останавливала его электрошокером и бесстрастно смотрела на то, как он дёргался в песке.

— Послушай, — сказала она, заметив, что он выбирает направление для очередной попытки. — Ты работаешь на тех, кто убил Доктора. Я не чувствую к тебе жалости, Сесехсет. Ничего. Даже злости не чувствую. Ещё раз попытаешься сбежать — я раздавлю тебя как клопа.

Когда они дошли до долины в пустыне, был уже полдень. Спина и подмышки рубашки Эйс промокли от пота. Носки уже, наверное, приплавилась к кедам. Она почувствовала пощипывание на коже рук и ног, тяжесть в животе. Она вспомнила, как лежала тут в грязи и хотела умереть. Она вспомнила, как сильные руки Седжета подняли её.

Сесехсет повернулся, чтобы посмотреть на неё. В его глазах не осталось ничего человеческого.

— Делай, — сказала она.

Разлом тут же раскрылся, словно огромный распутившийся белый цветок.

Сесехсет смотрел в него как машина. В его глазах отражался ослепительный свет разрыва реальности. Разлом искривлялся, увеличивался, жгучим ураганом разметал песок.

Эйс глубоко вдохнула, сложила руки над головой и прыгнула в пустоту.

— Ты не одолжишь мне свой пистолет?

Виван с отсутствующим взглядом подал Бенни оружие. Он не мог отвести взгляд от гневно вырезанной в скале надписи. Это сообщение пережило неисчислимое количество лет, жизней, тысячелетий.

Он раскрывал картонную коробку с художественными принадлежностями, готовясь сделать набросок стелы и неординарной надписи под ней.

Первый выстрел Бенни привёл лишь к рикошету. Второй попал между букв и разбросал во все стороны осколки известняка.

Денон был в шоке. Бенни спокойно выстрелила по надписи ещё три раза, и от той осталось лишь несколько мелких углублений. И настойчивый голос громче, чем когда-либо, пел: «иди сюда, иди сюда».

— Боже мой, — сказал Денон. — И это после всех трудов, с которыми мы сюда добрались!

Бернис нетерпеливо качала головой:

— Тут должно быть что-то ещё. Отложи ненадолго свои карандаши и помоги мне найти это!

Он медленно опустил коробку на землю.

— Моей целью было успеть сохранить древности Египта, — сказал он, — до того как их уничтожат время или человеческое насилие. Я воюю не с мамлюками, а с забвением!

— Виван, — сказала Бенни, — этой надписи тут быть не должно. Поверь мне.

Он странно смотрел на неё. Он столько всего для неё сделал и никогда не задавал неудобные вопросы.

— Поверь мне, — снова сказала она. — Пожалуйста, Виван. Я знаю, что я могу тебе верить.

Им потребовалась четверть часа на то, чтобы найти вход в гробницу. В этот раз не было оставшихся после крестьян черепков, были лишь древние осколки известняка, древние отвалы выработки, выцветшие на ветру.

Бенни наклонилась и посмотрела вниз. Вниз, в холодную темень, спускалась шахта глубиной метра три. Виван забил в скалу колышек от палатки, надёжно привязал к нему верёвку. Бенни аккуратно спустила верёвку в шахту и надела толстые кожаные перчатки.

Следуя древней традиции археологов, она сняла с себя шляпу Доктора и осторожно положила её на каменные осколки.

— Это ненадолго, — сказала она.

— Мадемуазель Саммерфилд, — сказал Виван, — вы столько от меня утаили.

Бенни нерешительно стояла возле шахты.

— Да. Я знаю.

— Ты знаешь гораздо больше, чем рассказала. Я не понимаю, откуда у тебя столько сведений? Такое впечатление, будто ты можешь предсказывать будущее и раскрывать прошлое.

Бенни серьёзно посмотрела на своего благодетеля.

— Это плохая привычка, которую я переняла у старого друга, — сказала она. — Лишь теперь я, наверное, понимаю, почему он был таким скрытным... — она беззвучно выругалась.

Виван изо всех сил старался скрыть обиду.

— Я уже и так рассказала и показала тебе гораздо больше, чем следовало.

— Я хотел бы узнать о тебе больше, — сказал он.

Бенни закрыла глаза. Где-то вдали погонщики обсуждали погоду, кто-то ругал упрямого верблюда. Мимо скалы дул ветер.

«Иди сюда, иди сюда».

О боже, она понимала арабский!

Лицо Бенни расплзлось в огромной безумной улыбке. Виван попытался тоже улыбнуться, но он понимал, что потерял её.

— Подожди здесь, — сказала она.

Он кивнул. Бенни взялась за верёвку и аккуратно свесилась за край ямы.

ТАРДИС ждала её в незавершённой гробнице, в пещере, стены которой были частично выровнены. Часть потолка пещеры обвалилась; она ногой убирала с пути

песок и камни, мешавшие двери открыться. Дверь открылась от её касания.

В консольном помещении было темно. Как только она зашла вовнутрь, из стен начало сочиться бледное освещение. Бенни на несколько мгновений закрыла глаза, а затем снова открыла их, привыкая к свету.

— Как долго? — выдохнула она. — Как долго ты меня тут ждёшь?

На консоли скотчем была прилеплена идеально сохранившаяся записка:

«Дорогие Доктор или Бенни!

Я подумала, что вам она нужнее. Я отправляюсь сквозь разлом.

ххоо

Дороти»

Dear Doctor or Benny,

Thought you could use
this more than me.

I'm coming through
the rift.

XXOO

Dorothy

Денон сел в пыль над шахтой и закрыл глаза. Над ним возвышалась древняя стела, украшенная столбиками нечитаемого языка. Но она была гораздо менее загадочная, чем женщина, которая привела его сюда.

— Виван! — раздался крик снизу.

— Мадемуазель Саммерфилд? — крикнул он в шахту, едва различая что-то на дне.

— Брось мне сюда мою шляпу!

Виван взял с земли федору. Он аккуратно стряхнул с неё пыль и на мгновение прижал её к лицу. В шляпе всё ещё был запах её волос.

Он протянул руку над краем шахты и разжал пальцы.

— Не переживай обо мне! — раздался её голос. — Просто возвращайся к Бонапарту и продолжай свою работу!

— Не забывай! — крикнул он, и погонщики обернулись на его голос.

— Поверь мне, Виван Доминик Денон, ты не будешь забыт!

Доктор нагнулся, чтобы рассмотреть почву в саду Тьери. Большой кусок сада отсутствовал, на его месте было углубление, вокруг которого валялись сломанные стволы и ветви. Маленькие коричневые комки — давно сгнившие яблоки — валялись на земле вокруг места падения Кадиату. Между деревьями вниз опускались большие столбы полуденного света.

Ни одно из сломанных деревьев не убрали. Из стен ямы начали уже расти трава и бурьян. Никто ничего не трогал.

Да и вообще, никто никогда не приходил сюда разбирать и уносить космический корабль Кадиату.

Доктор услышал позади себя тихий звук. Кто-то взвёл стандартный военный французский пистолет. Он продолжал рассматривать почву, рассматривал разворачивающуюся из-под земли бледно-зелёную травинку. Когда он смотрел на неё очень сосредоточенно, ему казалось, что он видит, как она растёт.

— Встань, — сказал Тъери.

Доктор встал и медленно развернулся, пряча руки в карманы пиджака.

Тъери возвышался над ним, держа пистолет на абсолютно прямой руке; из-за дрожания руки дуло описывало маленькие круги.

— Да, — сказал он пьяным голосом. — Ты такой идиот, каких я ещё не видел. Я всё это время работал на твоих врагов.

— Да, да, да, — раздражённо сказал Доктор. — Мне просто было интересно, как вы перевезли корабль Кадиату.

Если Тъери и задела несерьёзность повелителя времени, внешне это не проявилось. Он опустил свободную руку и взъерошил волосы мальчику, который стоял рядом с ним и ел шоколадку.

— Его муравьи перенесли, разумеется. Воспользовались одной из своих машин.

Доктор посмотрел на дом:

— Новая одежда, новая мебель, полно еды. Достаток посреди разрухи.

— Идёт война, — сказал француз, — если ты не заметил. У нас такое же право на выживание, как и у любого другого. Если тебя это утешит, Доктор, тебя продали не во имя каких-то фальшивых идеалов, какой-то философии толпы, а по простейшей причине. Ради выживания.

Он вынул что-то из кармана. Оно было похоже на кактус: зелёное и пульсирующее тихой жизнью, покрытое шипами и маленькими трещинками.

— Мы просто ждали подходящий момент, — сказал Тьери. — Нам нужно было увидеть, согласишься ли ты нам, расскажешь ли что-нибудь добровольно, раз уж у муравьёв так плохо получалось извлекать информацию из твоего разума.

— Ты много понимаешь в их технологиях?

— Очень мало. Но ведь я разбираюсь в лошадях достаточно хорошо, чтобы на них ездить, хотя я и не ветеринар. А вот ты разбираешься в машинах муравьёв очень хорошо. Им нужно твоё знание. Мне оно нужно.

Доктор улыбнулся:

— Нельзя получить всё, чего хочется.

Тьери, разозлившись, тряхнул головой:

— Они с тобой были чересчур аккуратны. Я не боюсь нанести тебе ущерб.

Он выстрелил из пистолета.

Доктор никак не прореагировал, хотя пуля просвистела в дюйме от его уха.

Француз нервно улыбнулся.

— Этот маленький двигатель вызовет корабль Кадиату. Потом мы откроем и стабилизируем разлом, созданный её прибытием. Муравьи получают постоянный тоннель в пространстве-времени.

Он поднял своё органическое устройство.

Доктор закрыл глаза:

— Я бы этого на твоём месте не делал.

Размахивая пистолетом, Тьери попытался зловеще захохотать:

— При помощи её корабля они смогут пробивать в эфире новые дыры и стабилизировать их. Они будут грабить где захотят. На фоне такого могущества эта война выглядит мелкой, жалкой.

— Я имел в виду, — сказал Доктор, — что я не стал бы вызывать сюда корабль Кадиату.

Тьери посмотрел на него с полным презрением и ткнул пальцем в устройство.

Раздался глухой стук, грохот, и внезапно корабль уже стоял в саду, на том самом месте, где он остановился после того, как прополз полкилометра по деревьям. Воздух сотрясли вторая и третья волны грохота, и земля задрожала от внезапного смещения.

— О боже, — сказал Доктор и попятился оттуда.

— Стой на месте, — прорычал Тьери, размахивая пистолетом. — Ты муравьям нужен не меньше, чем корабль Кадиату.

— Я думал, — сказал Доктор, — что они заберут корабль Кадиату прямиком к себе на борт. Оказывается,

нет. Что ж, — он продолжал пятиться, — Расскажи богу о своих планах...

— Стой! — вскрикнул Тъери, но теперь уже даже ему был слышен издаваемый кораблём звук, тон которого повышался.

— Дай-ка подумать, — сказал Доктор. — Я могу остановиться и погибнуть во взрыве, или же побежать и быть подстреленным. Учитывая все шансы...

Низкий человечек развернулся и побежал.

Тъери закричал и побежал следом. Но недостаточно быстро.

Свет словно обогнул тело убежавшего Доктора, выбелив всё, что было перед ним, пытаясь затащить его обратно в свой пылающий центр. Доктор не мог выбежать.

И тут у него под ногами пропала земля, он падал, моргал из-за мерцающих пятен перед глазами. Он почувствовал под собой землю, она была рыхлая, сыпалась. Его схватили за пиджак. Он несколько секунд не осознавал ужасный звук, а затем, когда было уже поздно, закрыл уши руками.

Сверху на нём лежала Женестьева, она сильно дрожала, вцепившись руками в его пиджак. Она затянула его в одну из ям на газоне.

Они лежали там несколько секунд. Затем Доктор осторожно освободился от её рук, высунул голову и оценил нанесённый урон.

Корабль попал в огромную пространственную имплозию, забрав с собой огромный кусок фруктового сада.

Воздух до сих пор мерцал от побочных эффектов, на земле вспыхивали и снова гасли языки пламени.

— Чтоб тебя, — сказал он.

— Что случилось? — спросила француженка.

— Это я про Корабль, — Доктор протяжно вздохнул.
— Спасибо, Женестьева.

— Будут ещё взрывы?

— Нет. Больше не будет.

Тьери нигде не было; должно быть, его засосало во взрыв, как пассажира самолёта высасывает в окно. Доктор думал, говорить ли об этом его жене. Это может подождать.

К краю ямы, прямо Доктору под нос подкатился красный шарик.

Повелитель времени вылез из ямы.

— Оставайся тут, — сказал он Женестьеве, — и ни в коем случае не смотри.

Мальчик стоял на газоне, метрах в шести от него. Доктор медленно пошёл к ребёнку.

Первое возмущение темпорального поля щекотало его вдоль позвоночника, проводило дрожащими пальцами вдоль задней части шеи. У него по телу пробежали мурашки. Он продолжал идти.

Второе возмущение разошлось от мальчика как волна. Время сбилось со своего хода, всего на долю секунду, но этого было достаточно, чтобы Доктору свело живот, а перед глазами поплыли странные фигуры. Он начал вынимать из кармана пистолет.

С третьим возмущением время укоротилось, замерло, пошло назад, затем снова вперёд. Доктор держался за

пистолет, тот всё ещё был у него в кармане, Доктор аккуратно целился в стоявшего перед ним рыжеволосого ребёнка, он вынимал пистолет из кармана.

Прямо над ребёнком возник огромный шар ослепительного света, который накрыл окружающую местность ревущим, шипящим молчанием. Шар света опустился вниз и окружил ребёнка вертящимся сиянием. В центре света была дыра с неровными краями, она становилась всё больше и больше, становилась всё более чёткой.

Доктор отфильтровывал все свои ощущения до тех пор, пока стал видеть только смотревшие на него бледные глаза. Он прицелился чётко между ними.

Затем из дыры хлынуло время, как кровь из треснувшего циферблата, и разбило его череп как лампочку. Его сердца сбивались, заб-забывали, чья из них очередь, а реальность разва-разваливалась.

Пистолет выпадал из его руки. Пистолет выпадал из его руки. Пист... Пистолет выпадал из его руки.

В него врезалось что-то тяжёлое. Он выронил пистолет.

Часть третья

На честном слове и на одном крыле

Умелый боец побеждает за счёт того, что не допускает ошибок. Это означает, что победа предрешена: завоёвывается враг, который уже проиграл.

Сунь Цзы.

Глава 12

**В которой Эйс пересекает
тоннель в пространстве-
времени без защиты силового
поля и неуверенная в том, что
стены тоннеля не обрушатся**

Рыба! это так бензин в луже РЫБА из лужи в радужной воде чувствует? Цвета бурлят вращаются руки и ноги СЛИШКОМ ДАЛЕКО разлетаются далеко уносятся далеко её СЕРДЦЕ трепещет. Боже! Бурление трепет трепет о боже! О мамочки! О Боже!

Глава 13

Пересечение трёх множеств

Целитель и Воин

Шли рука об руку;

Воин спросила у Целителя

Знает ли он о её плане.

«Увидеть будущее и прошлое», — сказала она,

— «это должно быть здорово!»

Льюис Кэрролл, «Алиса в зазеркалье»,
несуществующая рукопись.

Она преодолела поверхностное натяжение в конце тоннеля, оказалась в воздухе под солнечным светом и шлёпнулась на траву, хватая ртом воздух. По щекам у неё текли слёзы. Её руки дрожали и горели, всё её тело светилось, как призрак, воздух вокруг неё потрескивал.

Она подняла голову, заставила себя подняться на колени. Её сердце пыталось выскочить из груди. Рядом с ней стоял мальчик... пять лет? шесть?.. Он безучастно смотрел на неё, засунув руки в карманы.

Доктор стоял меньше, чем в трёх метрах от них. Он собирался выстрелить в мальчика.

Беззвучно вскрикнув, Эйс бросилась на него и ударила электрошокером.

Они упали на землю, оба оружия отлетели в траву. Господи, чего только на её глазах солдаты не делали, но детей убивать нельзя, нельзя убивать детей!

Она врезала ему сильную пощёчину.

— Ты что делаешь? — визжала она. — Ты что, блин, такое удумал?

Но он лишь смеялся, его зрачки стали большими чёрными кругами, на лице у него был головокружительный экстаз. Эйс поняла, что не слышит его смех.

Внезапно его голова повисла. Она отпустила его лацканы.

Разлом всё ещё был открыт. Хуже того, он становился больше, раздувался, как пузырь, неся с собой неудержимый хаос Вихря. В воздухе было полно радужных цветов, бушевал такой шум, что она его даже не слышала. Ткань её одежды не могла защитить от пронизывающего ветра.

Доктор лежал на траве и тяжело дышал. На его лице и руках выступала роса. Время дёргалось и закручивалось в животе Эйс.

Она нашла в ямке на газоне пистолет. Конец девятнадцатого века.

Разлом был раздувающейся сферой, которая погружалась в землю, подбрасывая вверх пучки травы и почвы. Её край расширялся, приближался к Доктору. Повелитель времени перевернулся на бок, продолжая смеяться... но воздух словно сминался, а его тело извивалось, пространство вокруг него складывалось, он беззвучно дёргался и хватался за воздух, словно тонул в нём... и сейчас оттуда придут муравьи, она должна

остановить это, она должна остановить это, ей нужно всего лишь...

Эйс подняла пистолет, аккуратно прицелилась, и выстрелила пятилетнему ребёнку между глаз.

Бенни выбежала в бурю цвета и звука. Ветер чуть не сбил её с ног. Она схватилась за ТАРДИС и тяжело опёрлась на неё, одновременно пытаясь осмотреться.

В воздухе зияла зловещая мерцающая дыра. Она закрывалась, разбрасывая волны энергии: алые, аквамариновые, золотые, белые, фиолетовые, лимонные, багряные. Бенни заставила себя оторвать от них взгляд.

Она опоздала всего на несколько секунд.

Доктор, Эйс и маленький ребёнок лежали на траве странным треугольником. Бенни побежала к ним сквозь утихающую темпоральную бурю. Увидев, что мальчику её помощь уже не понадобится, она резко остановилась. Всего на несколько секунд опоздала.

Эйс пыталась встать на колени, пистолет был всё ещё у неё в руке. Бенни подошла к ней и вырвала пистолет.

— Доктор... — пробормотала Эйс.

Бенни отбросила пистолет и подняла Эйс на ноги. Та была почти ледяная, по всему её телу был конденсат; трава под ногами была покрыта инеем, как будто бы разлом пытался высосать из окружающей среды всё тепло.

Внезапно рядом с Бернис появилась женщина. Историческая одежда: континентальная.

— Какой это год? — крикнула Бенни.

Женщина не слышала.

— Я отведу её в дом, — крикнула она и повела шатающуюся Эйс к особняку.

Наконец, громко хлопнув, разлом закрылся.

Бенни быстро заморгала, пытаясь прогнать пятна перед глазами. Она опустилась на колени возле Доктора. Волосы у него смёрзлись, на лице был иней. Он пытался перевернуться, руками он зажимал свои уши, на лице была сумасшедшая улыбка.

Она обхватила его и помогла сесть.

— Доктор! — резко сказала она. — Доктор!

Его веки дёрнулись.

— Здравствуй, Бернис, — едва разборчиво сказал он. — Это ты? Я пытался увидеть сон, но мысли всё никак не сосредотачиваются...

— Заткнись, мерзавец, — сказала она, — ты наполовину замороженный.

— Всего-то?

Она подняла его на ноги и поймала, когда он чуть не упал.

— А я думал, что попал хрононную турбулентность межразмерностной имплозии. Надо же, как я ошибся. Я рад тебя видеть.

— Взаимно. А теперь помолчи.

Женщина в платье снова вышла. Она отводила взгляд от лежавшего на газоне мёртвого ребёнка.

— О боже, — сказала Бенни. — Это был ваш?

Женщина покачала головой. Она молча помогла Бенни отвести Доктора в дом.

Николя что-то ел на кухне. Кадияту прервала его привычный распорядок, ей нужно было вернуться в усадьбу. Она сидела в гостиной, грызла лошадиное бедро и думала.

От её судна осталось только пустое место. Она с отсутствующим взглядом тёрла шею. При этом Корабль должно было уничтожить. Но не уничтожило. Почему?

Доктор, наверное, знает.

Он был частью истории её семьи. Её прапрабабушка написала о нём книгу; ну, вернее, не о нём, а о UNIT, но их тяжело было отделить друг от друга. Она много слышала о нём в детстве, она много читала о нём взрослой. Но она никогда не думала, что наткнётся на него на вокзале Кинг-Кросс.

Подумать только, если бы система «Транзит» не решила свести их вместе, она бы сейчас не сидела тут, и не ела эту лошадь.

Она положила мясо и закрыла глаза. Это благодаря тёте Франсин она поняла, кто этот маленький человечек. Тёте Франсин и её рентгеновским глазам, которые видели не только человеческий фасад, но и инопланетную физиологию — физиологию, о которой она читала в архивах Каменной Горы, добравшись при помощи одолженного ножа для колки льда до секретных документов, которые хранились со времён прадедушки.

И это было ещё не всё.

В те времена на Земле был и второй повелитель времени, который не застрял так, как застряла она без своего судна-прототипа. Он прилетал и улетал когда хотел,

просто чтобы позлить своего старого соперника. Приказ UNIT приоритета A1: искать его.

Она прочитала сохранившиеся части дневника своего предка, отобранные, невзирая на протесты его вдовы, согласно «Акту о Государственной Тайне». Много потерялось или было уничтожено, но ей удалось найти даже пожелтевшие двухмерные фотографии. Она пыталась представить, как эти люди двигались и разговаривали, как будто бы она была проектором, который превращал двухмерные снимки в голограммы.

Это произошло в пустом спортивном зале, когда солдаты были в столовой; эхо доносило их голоса с другой стороны бетонного двора. В те времена Доктор выглядел совсем иначе: он был выше, любил непрактичную одежду и ужасный армейский чай.

— На случай, если мы столкнёмся с ним снова, — сказал Доктор, — я хочу вам кое-что показать.

Он взял бригадира за руку — Кадияту казалось, что того должно было возмутить касание малознакомого человека — и провёл пальцами по своей левой ключице.

— Тут расположен нервный узел, — сказал он. — Если решите его бить, бейте сюда. Это самый простой способ лишить его сознания.

Бригадир, должно быть, с серьёзным видом кивнул:

— Я так полагаю, что вы хотите, чтобы я ни с кем не делился этой информацией.

— Я бы предпочёл, чтобы она не была известна широкой публике.

И Алистер сохранил это в тайне, как и его потомки. До тех пор, пока его праправнучка не взломала его архив.

Но она не была его потомком. Или была?

Кто-то должен был присматривать за Землёй, уметь появляться когда угодно, как Доктор. Вот в чём был смысл проекта «Крыло бабочки». На каждое действие есть противодействие. Доктор тыкал в человеческую расу, пока та не дала сдачи. Ею.

Возможно, в части её генов есть что-то от её приёмного отца. Он был суперсолдатом Тысячедневной Войны, его тело и разум были отредактированы для войны с марсианами. Именно от тех усовершенствованных солдат происходила её ДНК. Если в этой смеси была хромосома бригадира Йембе, то это была единственная информация, которую он ей оставил. Её родители старались не подпускать её к врачам, что было не сложно: она никогда не болела и не нуждалась в прививках. Никогда не дралась с другими детьми, никогда не соревновалась.

Если бы не Доктор, она могла бы вообще никогда не узнать о том, кто она такая.

Она могла сдаться, рассказать ему всё, позволить ему разобраться с этим. С другой стороны, именно он, наверное, во всём этом и виноват.

Она распустила своих слуг. Лучше им не попадать под перекрёстный внеземной огонь. А с другой стороны, не будет ли им без её жалования ещё опаснее? Было очень сложно понять, что нужно делать.

Кадияту снова взяла конскую ногу и вонзила в неё зубы.

— Настало время плана «Б», — сказала она.

Через какое-то время она поняла, что лежит на чём-то тёплом.

Эйс заморгала и потянулась. Настоящая кровать, настоящая постель. Сквозь шторы на окне просачивался свет, мягкий свет летнего утра. Ей было тепло.

Она лежала рядом с Доктором; вообще-то, она лежала частично на нём, её рука была у него на груди. Она чувствовала, как рука поднимается и опускается в такт его дыханию. На ней были одеты только лифчик и трусы.

— Надеюсь, Бернис нас в таком виде не застукнет, — пробормотала она.

Доктор не шевелился.

События вчерашнего дня постепенно всплывали в её голове в обратном порядке.

Она вспомнила, как Бернис и мадам Тьерри хлопотали над ней и Доктором. Бенни уложила их в одну постель. Он был без пиджака. Классическое лечение переохлаждения.

Она вспомнила, как выстрелила мальчику в лицо. Звук расколотой тыквы... Она скомкала этот образ и спрятала его в дальний уголок сознания, чтобы разобраться с этим позже. Она это переживёт.

Они были накрыты огромным количеством одеял. Она села и надела рубашку.

Она вспомнила, как била Доктора, пыталась не дать ему застрелить ребёнка. Под левым глазом у него была длинная пурпурная линия. Это она сделала?

Нет, она это уже видела раньше, на корабле...

На его левой скуле был большой фиолетовый синяк от удара человеческим кулаком. Удар был такой силы, что кожа порвалась.

А это значит... а это значит... он не умер, он был всё ещё жив, он...

Эйс закрыла руками рот. Перед глазами у неё всё поплыло. Она подавляла эти чувства, она сможет с ними справиться, сможет...

Голубые глаза Доктора открылись и посмотрели на неё. Он слабо покачал головой.

— Не держи это в себе, — сказал он.

Эйс плакала, уткнувшись лицом в его плечо, её руки сжимали ткань его рубахи, тело вздрагивало в такт приступам плача. Он неловко обнял её. Он обнимал и обнимал её, даже после того, как она перестала плакать.

— Ты цел? — пробормотала она.

— Конечно, я цел. Я всегда цел.

— Мальчик, — сказала она, — маленький мальчик. Ты бы не...

— Это был не мальчик. Это была машина. Не думаю, что он мог думать, только координаты рассчитывал.

— Но если бы тебе пришлось...

— Я не такой.

— Такой, — сказала она. — Ты бы сделал это, если бы это было важно.

— Откуда тебе знать?

— Потому что я бы сделала.

Доктор сел. Эйс прижалась к нему, он положил руку ей на плечи.

— На другом конце тоннеля я встретила другого такого. Мужчину. Он мог разговаривать и думать... Должно быть, он был лучшей моделью.

— Для Корабля мы все машины. Люди, муравьи — все.

— Боже, как я рада тебя видеть.

Доктор ничего не сказал, лишь прижал её к себе сильнее.

Она пощекотала его подмышкой.

Он дёрнулся, как будто его что-то укусило.

— Ты что делаешь? — сказал он, заползая под одеяла.

— Ага, всемогущий повелитель времени умеет разить, но что он сам может выдержать?

Эйс прыгнула и начала безжалостно щекотать свою жертву. Он вскрикнул и чуть не упал с кровати, но вокруг него было намотано столько одеял, что он просто свесился с края.

— Ты смеёшься!

— Я не смеюсь!

С улыбкой на всё лицо Доктор схватил Эйс за руку. С громким хохотом они оба свалились на пол.

В этот момент в дверь зашла Бенни.

— Что тут, чёрт возьми, происходит?

— Бенни! — вскрикнули они оба.

— Вот так память у вас!

Эйс сказала:

— Щекотальная машина вышла из-под контроля!

— Ясно, — сказала Бенни. Она взяла на кровати подушку и ударила ею Эйс по голове.

Эйсхватила Бенни за ногу и дёрнула; Бенни свалилась на кровать.

Эйс начала кидаться в Бенни подушками, та отбивала их своей подушкой, Доктор отполз в сторону.

— Немедленно прекратите! — потребовал он.

Эйс швырнула в него подушкой. Бенни воспользовалась возможностью и ударила Эйс.

— Моему терпению пришёл конец, — Доктор тоже взял подушку и начал безжалостно лупить их обеих по головам и плечам.

Эйс схватила его за руки, а Бенни отобрала подушку; они смеялись, но смех Эйс переходил во всхлипывание:

— Дерьмо.

Доктор обнимал её, пока она плакала, в этот раз полноценно прижавшись к ней, словно она была спасательным жилетом посреди широкого холодного океана. Бенни, чувствуя себя неловко, села на пол и попыталась воткнуть несколько перьев обратно в подушку.

— Прости, — сказала Эйс, — Прости, просто, они делали тебе бо-больно, а я не мо-могла это остановить, не могла!

— Тсс, — он тихо покачивал её. — Это уже прошло.

— Я не могла ничего сделать, я не могла ничего сделать, я не могла терпеть это!

— Тсс. Всё позади.

Бенни выразительно посмотрела на него: позади ли?

Он протянул к ней руку, и она присоединилась к их объятиям.

— У меня был план, — сказал он. — Но он не совсем сработал.

— О, это впервые.

— Настало время плана «Б».

— Бежать?

— Куда? Рано или поздно Кораблю удастся стабилизировать один из разломов. Тогда он сможет делать копию этого разлома, снова и снова, в разных местах и временах, бесконечное подобное самому себе множество... и вокруг него развалится вся вселенная.

— Я пошутила, — сказала Бенни, снова сев на пол.

— Как ты?

Она сильно сжала пальцами подушку.

— Я думала, что ты умер. Нет, я *знала*, что ты умер. Что вы оба погибли, — она сняла с головы федору и нахлобучила её на голову Доктора. — Теперь не сразу к вам привыкну.

Эйс высморкалась в платок Доктора.

— Я чувствую себя такой душой, — сказала она.

— А что с тобой было? — спросила Бенни. — Ты знал, что мы живы?

Доктор сказал:

— ТАРДИС знала. Она отслеживала нас, поддерживала между нами связь, хотя и подсознательную.

Эйс протёрла глаза:

— Да. Ладно, что дальше?

Доктор встал.

— Совещание, — сказал он.

Бенни хотелось побыть одной.

Забавно это. Сейчас, когда они были снова вместе, ей просто хотелось побыть одной. Она забросила в свою память удочку, надеясь выудить причину, точно так же, как она выуживала полузабытые факты или зачем зашла в комнату.

Они разговаривали на кухне, обменивались рассказами, сопоставляли факты. После этого она пошла в ТАРДИС, надела свои старые джинсы и синюю блузу, которую нашла у себя под кроватью. Она подстригла волосы до самых тёмных корней: всего сантиметров пять оставила. К чёрту, что это анахронизм, ей хотелось побыть немного самой собой.

Сейчас она сидела на стуле посреди газона Тьерри, пила портвейн и слушала далёкую канонаду.

О своём кошмаре она не рассказала ни Доктору, ни Эйс.

Ей было интересно, что подумал о её исчезновении Виван. Она толком не попрощалась с ним. Без Денона она бы голодала, но теперь ей было немного стыдно того, как сильно ей пришлось полагаться на него. Это напомнило ей о том, как сильно она полагалась на Доктора. Влиятельные друзья.

Она подсекла мысленную рыбу. Воспоминание блестело на солнце. Серебряная кокарда на фуражке отца, сверкавшая, когда он обещал ей, что вернётся. С ним она тоже толком не попрощалась, он ушёл и не сказал ей, живой он или мёртвый. Это было несправедливо!

Она уже в сотый раз думала о том, не муравьи ли его забрали.

Её размышления оборвал стук копыт. Она сдвинула шляпу на затылок. По дорожке к особняку ехала запряжённая лошастью телега. Кучером был коренастый молодой человек. Когда телега подъехала ближе, в её задней части села, отодвинув брезент, лежавшая до этого момента женщина.

— Привет, — сказала Бенни. — Помнишь меня?

Кадриату прыгнула с телеги и бросилась к ней, гибкая и целеустремлённая, как леопард. Бенни задержала дыхание, но осталась на месте. Разве ей убежать от такой?

Кадриату остановилась перед стулом Бенни и замерла, абсолютно неподвижная. Она смотрела на белую женщину, словно пытаясь увидеть её насквозь, убедиться, что там внутри именно та душа, которая должна быть. Кадриату была одета во французскую мужскую одежду, под тканью угадывались мышцы. Она выглядела старше, волосы у неё были короче. У неё был такой вид, словно она могла порвать пополам телефонный справочник.

— Где Тьерри? — спросила она.

Бенни взяла бутылку с портвейном и медленно надпила. Ей это было нужно.

— Тут теперь другая администрация.

— Откуда ты, блин, появилась?

— Ну что за язык, — укорила Бернис. — Я пригнала ТАРДИС Доктора.

— Что случилось с моим судном?

— Много чего случилось, пока тебя не было. Доктор всё объяснит. Хм. Впрочем, вряд ли.

— Где мой корабль?!

— Пропал.

— Что?!

— Боюсь, его ворвало.

— Взорвало?

— Нет, имплозия. Боюсь, что мсье Тьерри тоже попал в эту имплозию.

— Погиб?

Бенни кивнула:

— Он, кстати, на муравьёв работал.

Кадияту медленно качала головой:

— Вы всё испортили. Поверить этому не могу! Вы всё испоганили.

Бенни показала Кадияту бутылку портвейна, но высокая женщина покачала головой.

— Я не пьянею, — сказала она. — Если бы вы просто позволили муравьям забрать моё судно, их бы уже уничтожило. Вот что я планировала.

— Это было бы странно, — сказала Бенни, — учитывая, что ты тоже работаешь на них.

Кадияту взялась рукой за заднюю часть шеи.

— Когда он это понял?

— Хороший вопрос. К этому привыкаешь со временем.

— Я бы на твоём месте остановился там, — не оборачиваясь, сказал Доктор.

Эйс остановилась на лестнице, которая вела в подвал.

Он снова был в своей белой одежде, сидел, согнувшись над столом, который они спустили из гостиной. На столе стояли две мюонные лампы из ТАРДИС.

Эйс села спиной к стене и обняла колени. Они проговорили на кухне несколько часов, но у неё всё равно было такое ощущение, будто она знает не всё. И она не рассказала ни Доктору, ни Бенни о своём кошмаре.

— Я хочу спросить тебя об этих разломах, — сказала она.

Доктор продолжал заниматься своими делами. Она заметила, что на руках у него были перчатки из латекса, на столе стояла целая коробка таких.

— Спрашивай, — сказал он.

— Разлом, сквозь который ты попал в 1871 год, это тот же разлом, сквозь который Бернис попала в 1789?

— Разлом — не совсем подходящее слово. Сам разлом это трещина, которая проходит сквозь четырёхмерный участок пространства-времени. Точка его выхода изменяет свои координаты.

— Она дрейфует во времени туда-сюда.

— Правильно. Похоже, что тот выход, который ты нашла в Египте, тоже так себя ведёт. Другие проломы перемещаются в пространстве, но не во времени — будет казаться, что они появляются одновременно в нескольких местах. А другие, возможно, движутся и во времени, и в пространстве.

— Но они появляются над одним и тем же местом поверхности Земли. Как это может быть?

— Их закрепили. Это детская забава, основы технологии коридоров во времени. Но коридоры во времени временные — как только отключаешь питание, они разрушаются. А эти дыры никогда не зарастут. Что угодно может пройти сквозь них и угрожать Земле, будущей или прошлой. И они создают напряжение в пространстве-времени, сквозь которое они проходят.

— Значит, когда разломы перемещаются, это нарушает пространство-время?

— Ты когда-нибудь видела фокус, когда разрезают банан, не снимая с него шкурку? — в руке Доктора сверкнул скальпель.

— Расскажи, как это делается.

— Это очень просто. Нужны иголка и нитка, нитку с помощью иголки проводишь под кожурой банана, а потом тянешь её, и петля, сжимаясь, разрезает банан. А потом, когда снимаешь шкурку... Проломы появляются в стенах тоннеля, и муравьи могут появляться в случайных точках пространства-времени и заниматься пиратством.

— Так как же нам их остановить?

— Это, вообще-то, не «они». Это «оно». Корабль — это компьютер, программа которого сошла с ума. Как можно остановить компьютер?

Эйс на мгновение задумалась.

— Выключить его, — сказала она. — Он потребляет энергию Вихря?

— Очень хорошо.

— Ну, спасибо, — иронично сказала Эйс. — В этом случае нужно изменить его программу. Найти правильную команду, чтобы остановить его. Или ввести в него вирус.

— Очень, очень хорошо. Вот только проблема в том, что органические компьютеры — эксперты по части борьбы с вирусами. Им иначе нельзя.

— Я сталкивалась с компьютерами с органическими компонентами — белковые подложки или что-то там — но целый космический корабль, сделанный из живого вещества?

— Органический компьютер — большое преимущество, когда пытаешься иметь дело с Вихрем, — сказал Доктор. — Будучи живым разумом, ТАРДИС справляется с математикой, которая могла бы повредить обычному компьютеру.

— Этот Корабль — ТАРДИС?

— Нет. Он из очень далёкого будущего. С земной колонии на краю Галактики. Их планета должна была быть разрушена. Они решили улететь до того, как это случилось.

— Что с ней произошло?

Он ответил не сразу. В жёстком свете на его скуле чётко выделялся лиловый шрам.

— Я плохо знаю детали. Мы с ним мало разговаривали.

— Почему он так поступает с людьми?

— Колонисты создали компьютер, в который они смогли бы загрузить свои разумы. Они построили вокруг этого компьютера космический корабль, чтобы эвакуировать его с планеты. А затем Корабль попал в один

из разломов, которые создала Кадияту. Он был сильно повреждён. Это могло случиться с кем угодно.

— А почему они просто сами не эвакуировались в этом корабле?

— Их тела умирали, — он положил скальпель. — Только их умы могли быть спасены, сохранены в гештальте компьютера Корабля. Многие из них не хотели этого делать.

— Я их понимаю.

— Но групповое сознание у них не спрашивало. Муравьи были рабочими этой колонии. С их помощью Корабль затащил на борт остальных людей и обработал их.

— О боже мой, — Эйс раскрыла глаза. — Корабль до сих пор пытается поглотить всех колонистов.

Доктор кивнул:

— Это всё, что он делает. Это всё, что он умеет делать. С его точки зрения разломы просто дают лучший доступ к материалу, который нужно обработать.

— А как же люди, рабы?

— Они для него более гибкие и сообразительные машины, чем муравьи.

— А почему они не прекратят? О... Потому что им страшно. Если бы они остановились одновременно, Корабль стал бы беспомощным.

— Это дилемма узника. Если забастует только один, его обработают. Лучшим выбором одного является сотрудничество с Кораблём. Но если бы они скооперировались...

— Ты уже закончил?

Доктор кивнул:

— Пойдём отсюда, — он снял с рук перчатки и швырнул их в ведро.

Эйс топталась на ступеньке:

— Послушай...

Он покачал головой:

— Нет возможности узнать, обработан ли уже твой египетский друг, или он всё ещё в холодном хранилище.

— Его забрали по моей вине. Я должна вернуть его! Я хочу отправиться туда! Я хочу убить Корабль!

— Я ещё не готов, — сказал Доктор.

Она схватила его под локоть:

— Ты не готов?! Где-то там люди умирают... где бы они ни были! Их пытаются и убивают! Что ты собираешься с этим делать?

— Я не знаю, — сказал Доктор. — Я забыл.

— Что? Ты что, все шарики растерял?

Она впервые заметила в его глазах намёк на панику.

— Я знал, но я заставил себя забыть. Когда муравей пришёл за мной в Париж, он не смог узнать, что я планирую, потому что я сам этого не знаю.

— Ты всё-таки доигрался, — фыркнула Эйс. — Тебе удалось заморочить голову самому себе. Ладно, ну а вспомнить-то ты можешь?

— Пока нет, — его руки не находили себе места. — Наверное, это хороший план, иначе я бы не стал его прятать. Кадияту его пока что тоже не разгадала, хотя старается изо всех сил.

— Ты говоришь так, словно она враг.

Доктор показал двумя пальцами:

— Вот на столечко.

— Если она на их стороне, — сказала Эйс, — я её убью.

— Я тебе не советую.

— Эй? — сказала Эйс. — Ты не возражаешь, не говоришь о морали — просто не советуешь?

— Присмотрись к ней внимательно. Поверь мне, Эйс.

Он обошёл её и пошёл вверх по лестнице.

Эйс засунула руку в карман, нащупала мешочек, услышала постукивание стекла об стекло.

Неужели всё так просто? Она пошла по лестнице за ним.

Она не удержалась и оглянулась.

На столе были аккуратно разложены детали мальчика.

Она успела выйти из дома до того, как её вырвало.

Размашистым шагом Кадиату обошла дом и остановилась на краю желтеющего газона.

Там были деревья, которые уменьшились до саженцев, цветы, которые цвели не в свой сезон. На газоне был огромный кратер с ровными краями, словно большое существо откусило кусок Земли. На краях сада Тъери были и цветущие яблони, и спелые яблоки, и гнилые. Самого Тъери не было видно. ТАРДИС Доктора стояла на краю кратера.

— Дерьмо, — с чувством сказала Кадиату.

Какую-то женщину только что перестало тошнить в кратер. Она отошла от его края, вытерла рот и обернулась.

Их разделяло около шести метров.

Женщина была невысокая, коренастая, её мышцы были твёрдые от регулярного использования. Под этой джинсовой тканью наверняка есть шрамы, в том числе довольно глубокие. Она была белая, с большими карими глазами. Посмотрев в её глаза, Кадияту увидела в ней одну из тех людей, возле которых родители ей велели не шуметь. С ней лучше быть осторожной.

Эйс обернулась, увидела Кадияту, её телосложение, как она держала руки и голову, когда стояла неподвижно. Такие тела можно было увидеть в журналах, благодаря графическим редакторам; для того, чтобы создать такое тело в реальном мире, тоже нужен был компьютер. Где-то под этой французской одеждой для верховой езды должен быть серийный номер, возможно из микроскопических цифр, напечатанных более светлой кожей.

Эйс доводилось сражаться вместе с несколькими спроектированными, в основном это были люди с колоний на границах расширявшегося человеческого космоса, где эта технология всё ещё была легальна. Они были похожи на гранаты: отличное оружие, но когда оно срабатывает, лучше быть от него подальше. С ней лучше быть осторожной.

Женевьева пекла хлеб. Напевая что-то, она посыпала поддон мукой, убирала с пальцев кусочки липкого теста, вытирала руки об передник.

Трое путешественников сидели вокруг её кухонного стола и рассказывали небылицы. Это казалось фантазией:

знакомое окружение, тихий солнечный день, истории о путешествиях через столетия к Пирамидам или к самому Наполеону. Многие она не понимала. Но когда она не верила в эти рассказы, она просто выглядывала в окно, туда, где в газоне появился пятнадцатиметровый кратер. Туда, где она в последний раз видела этого ублюдка Франсуа и его ублюдочного мальчика.

Доктор сидел за столом, чистил и нарезал яблоки в керамическую миску. Женевьева поставила в духовку очередной поддон с хлебом. По кухне разнёсся горячий дрожжевой запах. Она улыбнулась и закрыла дверцу.

— Что вы будете делать? — спросил Доктор.

Она начала теревить тесёмки передника.

— Теперь я свободна, — сказала она. — Наверное, я могу продать имение и уехать.

Она села за стол рядом с ним.

— А может быть, останусь. У меня такое чувство, словно я не заслужила право уезжать.

— Не заслужила?

Она взяла кусочек яблока и надкусила его.

— Взрыв же был случайностью, да? Я ничего не сделала.

— Сделайте что-нибудь сейчас, — сказал Доктор.

Женевьева сложила нарезанные яблоки в миску и поставила их на скамью, где поддон уже был устлан толстым слоем теста.

В дверь, пригнувшись, зашла Кадияту. Женевьева перестала напевать.

— Надеюсь, у тебя в рукаве припасено что-то умное, потому что у меня идеи закончились, — сказала высокая африканка.

Доктор вынул из кармана мешочек с леденцами, очень осторожно развернул один из них и положил себе в рот.

— Потребуется терпение.

— У нас нет времени, — торопливо сказала Кадияту.
— Теперь, когда эти двое тут...

Он двигал левым плечом, разминал его рукой, словно боролся с судорогой.

— «Не дважды этот день. Дюйм времени — фут камня», как сказал Такуан. Дюйм времени стоит фута драгоценного камня.

Снаружи раздался ужасный механический звук. Не выпуская из рук миску с яблоками, Женестьева подошла к окну. Синяя будка Доктора таяла, исчезала, как тень в лучах солнца. Она заморгала. Это же должно быть необычным? Наверное, её уже больше никогда ничто не будет удивлять.

— Куда она делась? — встревоженно спросила Кадияту.

— Туда, куда не дотянутся грязные мандибулы муравьёв, — сказал Доктор.

— Они что, смогли бы ею воспользоваться?

— Нет. Но разбирая старушку на части, они могли бы многому научиться. Они уже и так слишком много знают, они очень быстро учатся. Как только у них появляется новая идея, они её адаптируют, расширяют, — он

посмотрел на неё. — Ты им, наверное, показалась очень интересной.

— Если бы ты только позволил им забрать мой корабль к себе на борт... — она подняла руки в почти умоляющем жесте.

Доктор покачал головой:

— Они заподозрили ловушку, вот почему они его вначале перенесли сюда. Так что, они до сих пор считают, что ты на их стороне.

— Да? И надолго ли это? А что ты планируешь? — настаивала Кадиату.

— О, я что-то планирую, — сказал Доктор. — Просто я...

Дверь, скрипнув, открылась, и зашла Эйс, старавшаяся скрыть своё недоумение. Она подошла к Доктору, протягивая ему что-то:

— Это не твои?

Доктор открыл мешочек и высыпал на ладонь шарики. Какое-то время он смотрел на них удивлённо. Затем он сжал руку, закрыл глаза, на его лице появилось облегчение.

— Конечно, — сказал он. — Это оно.

Глава 14

Надвигающаяся буря

История — это то, с помощью чего время не позволяет всему происходить одновременно.

Граффити на Прайдонской Академии.

Они ехали на сене в телеге Николя, закрытой брезентом. Два раза их останавливали. Два раза Доктор тихо что-то говорил, и им разрешали ехать дальше. Эйс усмехнулась Бенни и сказала:

— Сила даёт мне власть над слабыми умами.

Они тархтели по мощёным улицам, проезжали мимо парков, в которых не осталось ни одного дерева. Разваленный дом слегка дымился. Некоторые кафе были всё ещё открыты, парижане пили кофе на тротуаре. Время от времени Доктор качал головой.

Они вылезли из телеги у дома Тъери. Пока Бенни вынимала из одежды занозы, Кадиату расплатилась с Николя. Некому было подозрительно смотреть на них, лишь слышны были далёкие крики, и дым стелился в полуденном воздухе.

— Мне придётся уладить некоторые дела Тъери, — сказала Кадиату. — Чувствуйте себя как дома.

Она ушла в дом.

— Значит, мы считаем, что она на нашей стороне? — сказала Эйс.

— О да, — кивнул Доктор. — Используя своё судно против Корабля, она обрекла себя на то, чтобы остаться здесь навсегда.

— А что насчёт нас? — спросила Эйс. — Мы тут застряли?

— Если Корабль победит, — сказал он, наблюдая, как уходит Николя, — застрять где-то будет невозможно. Барьеры, отделяющие один момент от другого, разрушатся. Все места и все времена сожмутся воедино, как космическое бланманже.

— Доктор, — сказала Бернис, — ты хочешь сказать, что вселенной придёт конец?

— Больше не будет бабочек, — вздохнул он.

Эйс надула щёки:

— Значит, лучше не ошибаться, — она пошла в дом.

Бенни вынула что-то из кармана. Ей пришлось потянуть Доктора за рукав, чтобы привлечь его внимание: он уставился в никуда, словно пытался рассмотреть что-то между молекулами воздуха. Она протянула ему этот предмет. Это было золотое кольцо, обручальное.

— Это было в повозке. Среди сена, — на внутренней стороне кольца были выгравированы инициалы. — Имена известных нам людей не подходят.

— Быть может, тебе следует проследить за Николя, — без особого интереса сказал Доктор.

— Я бы хотела узнать, чем он занимается, может быть, даже задать ему пару вопросов. Кадияту достаточно квалифицирована, чтобы сражаться с монстрами?

— «Очень важно определить, кого враг прислал шпионить за тобой, и перекупить их». Так сказал Сунь Цзы. Ты ей не веришь.

— Когда на кону стоит вся вселенная, боюсь, я никому не верю, — сказала Бенни.

— А что насчёт меня? Мне ты веришь? — его взгляд вдруг стал сосредоточенным, он внимательно осмотрел её лицо. — Одержим ли я каким-то инопланетным существом?

— Ты сам инопланетное существо, — сказала Бенни. — А отсутствие у тебя официального образования в области борьбы с монстрами заменяет практический опыт. Жаль, что ты не можешь рассказать нам свой план.

— Сожалею, — сказал он. — Это я должен сделать сам.

Бенни скривилась:

— Как обычно: дополнительные требования. Я не могу проследить за Николя, он уже смотался.

Доктор вынул блокнот и написал адрес.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— На боку телеги был написан. Отправляйся.

И она отправилась, беспокойно оглядываясь через плечо. Что это было?

— Как сейчас поживает Корабль? — сказал Доктор, рассматривая розы на каминной полке, которые завяли и

почернели, свесились за края вазы. — Мы с ним давно не виделись.

Кадияту рылась в письменном столе Тьеры, взломав его замок пальцами.

— Это больной корабль.

— Не здоров?

— Вирус подцепил.

— Что же, — сказал Доктор, — все трофеи принадлежат переносчику заразы.

Он развернул ещё один леденец.

— Были флуктуации энергообеспечения. Некоторые из личностей вырвались из гештальта. Они были суицидальные, атаковали системы Корабля. Те из них, кого нельзя было снова интегрировать в гештальт, были уничтожены.

— Хм. Наверное, они изначально были плохо интегрированы.

Кадияту покачала головой:

— Корабль был разработан для сохранения всего нескольких сотен разумов. А сейчас в него, наверное, уже несколько тысяч утрамбовано.

— Сколько ангелов может танцевать на головке булавки?

— Им пришлось прекратить сбор новых субъектов до устранения этих проблем.

— Хорошо.

— Холодное хранилище пусто. Рабы Корабля напали друг на друга.

Доктор с треском надкусил леденец.

— Но Кораблю всё равно удаётся присматривать за всем, — сказала Кадиату.

Она повернулась и как бы невзначай рукой подняла волосы на затылке. Доктор неторопливо подошёл и посмотрел на кожу её шеи. Не шрам, но неоднородность в том месте, где зажили последствия хирургического вмешательства. Акустика? Нано-технология?

— О да, — сказал он. — Он всюду лезет.

— Кораблю нравится следить за своими компонентами, — она легонько постучала пальцем по его ключице.

— Да. У стен есть уши. В прямом смысле.

— Твой посттравматический синдром... Ты ведь его симулировал?

Доктор замялся.

— Да. Конечно. Я не хотел, чтобы Корабль знал, что я всё ещё представляю опасность. Да, — он надавил ладонью на ключицу.

— Ты не хочешь туда возвращаться.

— Меня туда придётся тянуть силой.

Кадиату кивнула:

— Значит, мы понимаем друг друга.

— Да, — сказал Доктор. — Думаю, мы понимаем друг друга.

— Хорошо. Мне нужно уладить несколько дел Тъери, пока не прибыли версальцы. Куски муравья я положила обратно в подвал.

Он перестал массировать плечо. Взгляд у него был отстранённый. Она знала, каково это: постоянная боль не давала сосредоточиться, провоцировала панику.

— Извини, что ты старался напрасно.

— С кем не бывает.

— Они тут воевать будут, да?

— Одна война у них только что закончилась.

Эйс сидела на ступенях подвала Кадиату.

— Но весь этот город в осаде. Воздух пропитан войной, она скоро начнётся. Насколько скоро?

Доктор отложил кусок муравья, который он рассматривал, аккуратно положил его на ткань рядом с остальными. В этом огромном подвале он казался маленьким. Он сидел, скрестив ноги в пыли, а рядом был его мешочек с леденцами. Он достал свои карманные часы и раскрыл их.

— Сегодня ночью. Одни из городских ворот оставлены абсолютно без охраны. Кто-то это заметит и даст знать осаждающей армии.

— Хм. Плохо у них с организацией, да?

— Через неделю от Парижской Коммуны не останется ничего. Только воспоминания. В следующий раз парижане будут кричать «Да здравствует Коммуна» в 1968 году.

— А почему это называется «Коммуна»? Они что, коммунисты?

Доктор взял в руки голову муравья, медленно повернул её, повертел антенны в шарнирах. Он работал при свете фонаря. Эйс не понимала, как он мог что-то видеть.

— Социалисты. «Коммуна» — правительство, избранное парижанами. Это не первая Коммуна, и Париж уже не в первый раз откололся от остальной Франции, но вообще-то похожие восстания прокатились по всей стране. В любом случае ты права, они крайне неорганизованные. Слишком много энтузиазма и недостаточно планирования. Версальцы придут сюда и будут стрелять по всему, что выглядит хоть немного красным. «Кровавая неделя».

— Сколько человек?

— Около двадцати пяти тысяч.

— Больше, чем в Templo Mayor.

Доктор вскрыл голову и ковырялся в её внутренностях.

— Особенно опасно будет женщинам без сопровождения. В молочниц будут стрелять только потому, что в их бидонах *может быть* нефть.

— Тогда почему мы не остановим это?

Он посмотрел на неё.

— Что?

— Мы могли бы остановить это. Мы знаем точно, когда и где начнётся наступление, верно?

Доктор посмотрел на неё:

— Ты шутишь.

Эйс покачала головой:

— Ты не понимаешь. Почему мы не остановим это?

— Ты мне скажи.

— Война начнётся из-за чего-то другого.

Доктор кивнул:

— Эта осада не может длиться вечно.

— Значит, что бы мы ни делали, всё случится точно так же?

— Не совсем. Мы играем с разными масштабами, разными увеличениями.

— И как это выглядит с близости?

— Можно кого-то спасти, кому-то облегчить страдания.

— А если немного со стороны?

— Саму войну мы остановить не можем, не приложив гигантских усилий и не подвергнув риску всю будущую историю Земли. Революция в России была частично вдохновлена Коммуной, они многому научились.

— А если отойти ещё дальше?

— Нам нужно спасти вселенную.

Какое-то время они молчали. Доктор продолжал рыться в голове муравья, извлекал из неё детали. Эйс эта конструкция показалась модульной, солянкой из нескольких разных технологий.

— Чем ты занималась в Древнем Египте?

— Царя похитила.

— А.

Какое-то время они молчали.

— Я его не убила. Думаю, я собиралась это сделать. Вообще-то, мне кажется, что я была немного не в себе.

— Мне это знакомо. Я сам однажды застрял в одной эпохе, — сказал Доктор.

— У тебя было такое чувство, словно ты попался в большую мышеловку?

— О да.

— Это как если электричество пропало из-за грозы, и ты думаешь: телевизор теперь не посмотришь, послушаю-ка я музыку, но ты и этого не можешь. Вообще ничего не можешь. Примерно так.

— Так почему ты это не сделала? — спросил повелитель времени.

— Прости? А! Ну, он меня отговорил от этого. Те, на кого я работала, просто пользовались мной. Я просто выполняла приказ, так?

— Я слушаю.

— Я, наверное, спятила. Я думала, что они своего рода анархисты. Но они просто хотели сами оказаться во дворце, а мне просто хотелось что-то делать.

— Нужно что-то делать, а это как раз что-то, значит, надо это сделать?

— Да. Я не говорила тебе раньше, потому что... если честно, я думала, что ты сильно разозлишься.

— И что же мне теперь делать, оправить тебя спать без ужина? — он улыбнулся ей. — Ты уже достаточно взрослая, достаточно опытная для того, чтобы принимать решения самостоятельно. Просто я рад, что ты на моей стороне.

— Взаимно, — засмеялась она. — А что было с Эхнатом дальше?

— Он умер, а вместе с ним умерла и его революция.

— Его сетиты прикончили?

— Нет. Он просто умер. Его религию подавили, его памятники уничтожили, его имя удалили из архивов, а его город забросили, и он постепенно развалился. И он был

забыт примерно на пару тысячелетий. Никто даже не знает, где он похоронен. Если его вообще похоронили.

— Блин.

— Не то слово.

— Совсем как Коммуна. История повторяется.

— Но не в точности. История квази-самоподобна. Одни и те же закономерности случаются снова и снова, но никогда не воспроизводятся полностью. Ты уже начинаешь замечать их, да?

Эйс посмотрела ему в глаза.

— Да. Для тебя всё вокруг закономерности, да? Закономерности, не заметные другим.

— Иногда я вижу их даже там, где их нет. Вот для чего нужна вера. Вера во Время, вера в то, что всё сложится так, как оно должно быть.

Эйс взъерошила свои волосы. Старая... да, да, она стареет. Среди волос уже, наверное, седые попадают.

— То есть, если бы я даже и убила Эхнатона...

Доктор взял в руки одну из деталей и тыкал в неё куском провода.

— Время залечивает все раны. Особенно свои собственные. Ой!

Эйс вскочила на ноги раньше, чем выроненная им деталь долетела до пола. Доктор вцепился в своё левое плечо, его руки судорожно сжимались. Он упал назад, стукнувшись головой об стену.

Она была рядом:

— В чём дело? Что мне делать?

Он попытался заговорить, но лишь хватал ртом воздух, не в силах произнести ничего внятного. Всё его тело дёргалось. Она оттащила его от кирпичной стены, убрала его руки от ключицы, и пока он вцепился ногтями в её куртку, расстегнула его рубашку.

Там ничего не было. В тусклом свете ей на мгновение показалось, что она видит неясный круг на коже, но не было ни раны, ни шрама. Тогда что?..

Она повертела головой по сторонам. Машина! Она опустила его трясущееся тело на пол и взяла в руки маленькое устройство. На нём моргали маленькие огоньки. Точно. Она подняла его над головой.

— Нн!.. — Доктор тянулся правой рукой. — Нет!

Она вставила деталь в его ладонь, сомкнула над ней его пальцы. Он взял деталь обеими руками и что-то с ней сделал. Огоньки погасли.

Он резко расслабился, и маленькое устройство выкатилось из его руки.

— Доктор! — кричала Эйс, тряся его. — Что с тобой? Ты меня слышишь?

Его веки задрожали. Он посмотрел на неё.

— О да, — сказал он. — Я помню нашу первую встречу.

— Что? Да, я была в кафе, на мне была дурацкая чёрно-белая форма, и... слушай! Ты слушаешь?

Трепетокрылка была длиной три метра: стройное насекомое без ног. Он не осмеливался дотронуться до материала её крыльев, который был поразительно тонкий,

чуть толще цветного налёта на каменистом склоне. Это вещество шло дальше и дальше, наброшенное на щебень и валуны — может быть, двадцать метров, или тридцать.

Он присел возле тела: мальчик, который сбежал из дома и заблудился в незнакомой обстановке. Трепетокрылки рождались в небе, жили в небе... они никогда не касались земли. Аутсайдеры их ели? Он посмотрел на длинное, тонкое тело. Оно было похоже на компьютерный кабель. Стрела казалась невозможно длинной. Существо дрожало, отчего по его крыльям шла рябь.

Стрела раздражала существо. Он аккуратно потянул за оперённый конец, и стрела легко выскользнула из тела. На острие не было крови.

Тут не было ни медицинской службы, ни лекарств, ни оборудования. Трепетокрылка мертва? О чём она думает? Ей больно?

Ему было интересно, каково это.

Поэтому он развернул стрелу и воткнул её в свою ладонь.

Эйс ласково гладила волосы Доктора.

— И ты сказал: «Есть три правила. Первое...»

Он выдернул свою руку из её руки.

— Это всё? — пробормотал он.

— Нет, было ещё два...

— Так всё просто?

— Эй, — сказала она. — Кто-нибудь дома?

Он сфокусировал глаза на ней.

— Давно?

— Всего пару минут. Ты как? Что произошло?

Он сел и застегнул верхние пуговицы своей рубашки.

— Похоже, я нашёл ту часть муравья, которая позволяет ему связываться с Кораблём.

— И она излучала какой-то сигнал? Они его отследили и что-то с тобой сделали?

Он покачал головой:

— Со мной они что-то сделали очень давно.

Эйс приложила ладонь к ключице Доктора, осторожно, словно ожидая почувствовать удар.

— О боже. Они что-то инсталлировали, да?

— Это их ошибка. Благодаря этому всё упрощается.

Она подозрительно осмотрела его:

— Что ты планируешь делать?

— Им бы хотелось это узнать, — он мило улыбнулся.

— Что такое «бабах-шмяк, бабах-шмяк, бабах-шмяк»?

Возле мясной лавки была очередь. Она не продвигалась. Бенни стала в конец очереди и прислушалась к диалогу между усталыми женщинами. В грязных руках они держали пустые корзины. Они мало говорили, даже на то, что приходится ждать, не жаловались.

Она простояла там почти час, прежде чем подъехала повозка Николя. Она наблюдала за его отражением в витрине. Он был крупным мужчиной, похожим на медведя. Слишком хорошо питался, не то что тощие солдаты и худые женщины.

Он неловко поднял с телеги огромный свёрнутый ковёр. У Бенни во рту немного пересохло.

Здание сильно пострадало от артобстрела. На фасаде висела перекошенная деревянная вывеска, сквозь пыль проступали буквы. Входная дверь и одно из разбитых окон были заколочены. Николя исчез в боковой двери.

Десять минут спустя он снова вышел, всё ещё с ковром, но теперь ковёр казался легче. Он погрузил его, натянул на телеге брезент, и поехал прочь.

Стоявшие в очереди женщины провели его лошадей голодными взглядами. Пока они отвлеклись, Бенни перешла на другую сторону улицы. Боковая дверь была заперта. Она обернулась на женщин: те на неё не смотрели.

Она осторожно достала из рукава китайскую отмычку Доктора. На то, чтобы открыть дверь, хватило пары минут.

В магазине было душно, кругом стояли цилиндры свёрнутых ковров. Словно забытые тотемные столбы. Не много сейчас ковров продать удавалось. В нескольких местах в потолке были дыры, сквозь них в комнату попадали лучи света, в которых искрилась пыль.

Никаких высокотехнологичных систем безопасности на двери не было; если повезёт, то и внутри ловушек не будет. Лестница на второй этаж — должно быть, там жилые комнаты, если они ещё целы. Бенни начала проверять двери: кухня не заперта; чулан не заперт; входная дверь забита досками снаружи.

Дверь в подвал заперта. Взломав замок, она вздрогнула, но ничего не попыталось её убить.

Её глаза не сразу приспособились к другому освещению. Из подвала выходило слабое сияние, освещавшее нижние ступени. Красновато-зелёное сияние. Медленно пульсирующий звук.

— Если будете меня искать — я буду в депрессии, — пробормотала она.

На середине лестницы она нерешительно задержалась. Стены были покрыты толстым слоем зелёной слизи. Её сгустки светились ярко-зелёным. Был непрерывный шорох, шуршание, звук не то леса, не то джунглей. Местами пол был всё ещё из каменной плитки, но по ней уже расползались слои живого вещества. Вдоль стен были большие то ли стручки, то ли пузыри. Большие ёмкости, наполненные люминесцентно-зелёной жижей, выше её роста.

Подойдя ближе, она увидела, что ёмкости были прозрачные. Внутри угадывались какие-то формы: головы, конечности и...

В центре помещения был стол, на одном конце которого лежала небольшая стопка папок. Маленькие ёмкости росли по всему столу. Внутри них тоже были какие-то формы: руки, ноги, эмбрионы, и ещё какие-то непонятные штуки, явно не части человеческого тела. Николя свой груз оставил на столе. Это был солдат, мужчина из Национальной Гвардии, кровавое пятно на мундире уже почернело.

— Так, — сказала Бенни. — Я категорически отказываюсь вырвать. Меня не будет тошнить. Иначе от меня не будет толку до конца этого приключения.

Эйс ёрзала, пытаясь устроиться на заднем ряду между двумя женщинами с вязаньем. Она была одета в одно из платьев мадам Тьеры. В комнате было полно женщин. На большинстве из них были красные пояса, у некоторых за поясами были пистолеты. Дети либо пытались гулять между плотно расставленными лавками, либо были на коленях своих матерей.

Локти вязавших женщин всё время двигались, толкая Эйс в бок. Переднюю часть комнаты она едва могла разглядеть сквозь сигаретный дым. На столе лежали стопки книг и бумаг. За ним сидели несколько женщин с суровыми сосредоточенными лицами, с красными поясами и перевязями.

Эйс закрыла глаза. Она снова чувствовала вкус пыли пустыни, пыли истории: сколько из этих людей будут живы через неделю? Доктор назвал это «La Semaine Sanglante», Кровавая Неделя, и она начнётся сегодня ночью. Зачем она вообще пришла на этот митинг?

— Мужчины — трусы! — оратором была молодая сердитая женщина с большими глазами и длинными коричневыми волосами. — Они называют себя правителями мироздания, а потом жалуются, что им нужно воевать. Что же, пускай идут и присоединятся к изменникам в Версале, а оборону города предоставят нам! Нам больше терять, чем им. У нас есть нефть, у нас есть топоры, у нас есть сильные сердца. Мы будем на баррикадах. Мы им покажем, что они не могут больше попирать нас!

Тяжело дыша, она села. Раздались редкие аплодисменты. Сидевшая слева от Эйс женщина втянула носом изрядную порцию табака.

Эйс снова раскрыла глаза. Она вздрогнула. Молодая женщина смотрела прямо на неё... Нет, она просто смотрела в толпу, чтобы увидеть, кто хлопает, а кто не согласен. Ей, наверное, ещё двадцати нет. И к пятнице она будет валяться в канаве, её гнев будет утолён.

На трибуну вышла другая женщина.

— Возможно, не обязательно будет сражаться на баррикадах. Но мы не посрамим наших бабушек. Мы возьмём раненых солдат домой и спасём их жизни. Мы будем их обшивать и кормить. Мы позаботимся о том, чтобы версальцы больше не жили за счёт нашего пота. Слишком долго мы были деталями машины: солдаты, рабочие, женщины — буквально частями машин их вонючих фабрик. Версальцам надо показать, что они не могут относиться к нам как к машинам!

— Гражданки! — громким низким голосом говорила третья женщина. — Всё это только слова. Нам нужно действовать, действовать немедленно. Направьте ваших мужей на путь истинный, пусть исполнят свой долг. Мы должны делать это не жалея сил! Мы должны бить без пощады, уничтожить тех, кто подрывает Коммуну! Мужчины должны сотрудничать или будут расстреляны! Если завтра мы отправим к стенке сотню трусов, послезавтра тысячи придут служить Коммуне.

— У вас нет никакого послезавтра, — громко сказала Эйс. — У вас даже завтра нет.

Раздались крики и бормотание. Сидевшие по бокам от неё женщины перестали вязать.

— Тишина! — крикнула одна из сидевших за столом.

— И вы сами это знаете. Вы знаете, что времени не осталось. Оборону города никто не планировал. Что вам удалось осуществить? Как насчёт некомпетентности и бестолковой суеты? Что вы реально осуществили?

— Военные вдовы взяты на попечение Коммуны, независимо от замужества — они не будут голодать, — сказала одна из женщин за столом. — Есть планы создания профессиональных школ для девочек. Планы создания яслей, чтобы бедные матери имели возможность зарабатывать. Планы организации женщин-рабочих, чтобы они получали долю от доходов, заработанных их трудом.

— Планы, планы, — сказала Эйс. — Если Коммуна завтра исчезнет, все ваши планы будут забыты.

— Это не освобождает нас от обязанности разрабатывать их, — встала молодая ораторша.

— А в чём смысл? — по толпе снова пробежало недовольное бормотание, но это не важно. Ничто уже не важно. — Это как с Эхнатоном, всё в любом случае будет разрушено. В чём смысл, если вас всех расстреляют?

И теперь она увидела в глазах молодой женщины усталость, почувствовала отчаяние толпы.

— Если это наша судьба, нам её не избежать, — тихо сказала молодая гражданка. — Не важно. Однажды будут школы для женщин. Однажды мы сможем работать так, как нам нравится, не быть ничьими рабами. Даже если мы умрём, мы не будем забыты.

Толпа умолкла.

— Возможно, Коммуна не продержится и дня, может быть, даже часа. Но она уже посеяла семена сотен революций. Даже если эти изменения временные, это не снижает их ценность. То же самое можно сказать про жизнь, мадемуазель.

Снова раздались редкие аплодисменты. Женщины вставали, надевали шляпки, брали в руки детей и шли к дверям.

— А эта знает своё дело, — сказала женщина, сидевшая справа от Эйс, пряча своё вязанье.

Эйс села, снова закрыла глаза, почувствовала вкус пыли пустыни. «Даже если эти изменения временные, это не снижает их ценность». Это имело смысл. Это имело значение.

Молодая «гражданка» была удивлена, когда к ней подошла англичанка с ружьём за спиной.

— Так что, — сказала та, — какой план?

Кадияту спускалась по ступеням, неся на руках тело ребёнка. Прятать его в мотке брезента казалось бессмысленным. Та резня, которая начнётся этой ночью, сделает подсчёт трупов нелепой моральной педантичностью.

Этот ребёнок был мёртв уже целый день; чем быстрее она его поместит в хранилище, тем лучше. Она развернула брезент, вынула из него за шиворот девочку и засунула её в пустую ёмкость, висевшую на стене. Зелёная жидкость перелилась через края ёмкости и потекла по стене,

приподняла ручонки девочки, пропитала её грязную одежду, осветила худое личико мягким красноватым свечением.

Кадияту запечатала ёмкость, подошла к столу, нагнулась и схватила Бенни за волосы.

Женщина пыталась увернуться, двигаясь как голографическая запись, которая проигрывалась с замедленной скоростью. Как насекомое, застрявшее в варенье. Такое случалось всё чаще, всё проще. Наступит ли такое время, — думала Кадияту, пока Бенни замедленно сопротивлялась, — когда я всё буду видеть с такой неестественной скоростью, когда один разговор будет занимать неделю?

Она позволила реальности ускориться до нормального темпа. На то, чтобы убить Бенни, в любом случае достаточно одной секунды, одно движение рукой — и у той сломается шея.

— Делай! Чего же ты не сделаешь это? — кричала женщина, пытаясь посмотреть на напавшую. — Будет всего лишь одним трупом больше!

— Не смей меня судить, — проревела Кадияту. — Не смей меня судить. Ты понятия не имеешь о том, что происходит. Ни малейшего понятия.

Она отпустила волосы. Бенни неподвижно сидела на полу, но слова остановить не могла:

— Ты убиваешь людей!

— Наши роли противоположны.

— Так в этом всё дело? Тобой овладел какой-то инопланетянин? Корабль?

Кадияту потёрла заднюю часть шеи.

— Не овладел. Я одно из приобретений Корабля. Но теперь это уже в прошлом.

Она отошла, чтобы дать Бенни возможность встать.

— Ты заключила с ним какую-то сделку, да? — сказала Бенни. — Ты убиваешь для него людей! Детей убиваешь!

Кадияту посмотрела на девочку, плавающую в растительной утробе.

— Она умерла от голода. Я купила её тело у матери. Эти деньги, возможно, не дадут мамаше умереть, если она переживёт резню.

— Зачем? — настаивала Бенни. — Для чего?

— Корабль показал мне, как работает его технология, потому что ему нужна помощь путешествующего во времени. Он загрузил в меня столько всего, столько информации. А затем вставил мне что-то в шею. Около ствола мозга. Чтобы он мог знать, что я делаю.

— Жучок? — с ужасом спросила Бенни.

— Сейчас я могу с тобой говорить, потому что убила его, — сказала Кадияту. — Корабль построил эту лабораторию, чтобы я могла решать его задачу о перемещении во времени. Мы построили мальчика; мы закрепили разломы, чтобы муравьи могли возникать на Земле, а не посреди космоса. Но это оказалось не так эффективно, как захватывать космические корабли.

— Мой отец исчез в космосе, — не выдержала Бенни.

Кадияту подняла руку:

— Заткнись, — сказала она. — У меня мало времени на разговоры. Я создала вирус, нацеленный на ткань Корабля.

— Он сработал?

— Я ввела его себе. Во мне полно этого вируса. Он убил имплантат. Я должна убить тебя.

— Почему?

— Если Корабль тебя поймает, он будет знать всё, что знаешь ты.

Кадияту подняла руку. Бенни вздрогнула, прижалась спиной к столу, попыталась посмотреть ей в глаза.

— Я не думала, что всё будет так, — сказала Кадияту.

— Я не думала, что будет столько осложнений.

Она медленно опустила руку.

Бенни тяжело выдохнула.

— Зачем ты это сделала? Зачем построила машину времени?

— А зачем ты путешествуешь с ним?

Бенни убрала с глаз пропотевшую чёлку.

— Чтобы увидеть вселенную. Но по ходу дела постоянно во что-то впутываешься. Всегда найдутся муравьи, которые испортят пикник.

— Муравьи существуют из-за меня. Вот почему я должна уничтожить их, уничтожить Корабль.

С лица Бенни пропал страх.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказала она. — Как следует.

— На это нет времени. Времени никогда не было. Они всегда наблюдали.

— Что им нужно?

— Корабль хочет выполнять свою программу. Он хочет обработать всех.

— Всех?

— Всех.

— *Всех?*

— Всех.

— Но зачем? В чём смысл?

— Нет никакого смысла. Корабль всего лишь действует по программе.

Воздух слегка колыхнулся. Бенни обернулась. Позади неё стоял муравей.

Кадияту схватила её и швырнула на стену.

Бенни отлетела от пружинящего вещества и покатила по полу. Муравей лез через стол к Кадияту, замахнувшись передними лапами. Она схватилась за них и выломала. Она уже устала сражаться. Ей это надоело. Но нужно было поддерживать свой образ.

Антенны муравья потянулись к её лицу. Она позволила зуду в голове вырасти и наполнить её. Перед глазами у неё всё поплыло.

Лицо Доктора было отстранённым. Эйс всматривалась в тени и напрягала слух. Враг слушал. Но он прятался не в тенях. Он был встроен в плечо Доктора, возле его ключицы. В Докторе был жучок, но его это, похоже, не волновало.

Бенни нетерпеливо ждала на вершине лестницы. Эйс чуть не чихнула. Доктор смотрел по сторонам, ни на чём не задерживаясь, видимо, желая скрыть предмет своего интереса тем, что интересовался всем. Он безразлично посмотрел на лабораторные записи Кадияту — папки с бумагами, заполненными корявым ученическим почерком.

— Поразительный культ эти сетиты, — бормотал он с парой леденцов во рту. — Они просуществовали до начала двадцатого века, передавая по наследству предметы сирийской технологии.

— Да, да, — сказала Бернис, готовая от нетерпения топтать ногой.

— Сутех убил последнего из них. А затем я убил его. Но его не забыли. Поклонники Сета вновь объявились в Калифорнии в семидесятых, и на Эридани в двадцать четвёртом веке, — Доктор провёл пальцем по прилавку, собрав на палец толстый слой пыли. — Враг. Аутсайдер. Это мощный архетип.

— Это зависит от того, — сказала Эйс, — чем именно является твой враг.

Они поднялись до самого верха лестницы.

— Это что-то вроде лаборатории, — сказала Бенни. — Кадриату говорит, что у неё вирус.

— Да, она плохо выглядела.

— Да, она планировала...

Доктор поднял палец:

— Небрежное слово топит корабли, — сказал он.

Бенни нахмурилась, но ничего не сказала.

Они смотрели на тела и части тел, на ёмкости с зелёной жидкостью, на извивающиеся штуки и на растущие штуки.

Хорошо, что свет зелёный, — подумала Эйс. Не было цветов поля боя: красного, розового и серого. И запаха мясного магазина: всегда пугающего, всегда нового. Вместо этого всё было зелёное, как будто бы они были в дремучем лесу, а не в европейском подвале; зелёное и

пахло зелёным, запахом детских игр в саду, когда она заставляла листья и палочки воевать друг с другом.

Она поймала себя на том, что рассматривает свои пальцы, сжимает и разжимает их. Представляет их внутреннее устройство: сухожилия, кости, нервы.

Доктор ходил по лаборатории, как ребёнок в мрачном магазине игрушек. Он указал рукой на полусформировавшиеся тела, похожие на гигантские горошины; машинные существа, выросшие из толстых лоз.

— Привратники, — сказал Доктор. — Ищейки. Прыгуны. Средства связи. Все основаны на слиянии плоти человека и Корабля. Большая часть из них должна прививаться к человеку-пользователю, временно или навсегда.

— Прыгуны?

Доктор указал на огромный организм, похожий на краба, который медленно пульсировал у стены, словно спал.

— Для коротких трансразмерностных прыжков. Корабль так продвинулся...

— Воруя технологии.

— Да. А четыре тысячи головы лучше, чем одна. К счастью, есть одна вещь, которой он до сих пор не обучился.

— Кадияту сказала, что он хотел обработать всех, кто когда-либо жил.

— А для этого нужна ТАРДИС. И много терпения.

— А что, если бы мы просто подождали? — сказала Эйс. — Может быть, Корабль бы просто переполнился мозгами и взорвался?

— К тому времени пространство-время уже было бы повреждено, — Доктор остановился возле коричневатого-зелёного комка, лежавшего на стуле в углу. — Ага!

— Что это?

— Это модель мозга Корабля, — сказал он. Он присел рядом со стулом, достал из кармана чернильную авторучку и ткнул ею в модель. Та задрожала, словно тарелка с холодцом. — Именно то, что я и искал.

Бенни и Эйс сидели в первой комнате Николя, пока Доктор развлекался внизу с найденным мозгом. Бенни сидела на прилавке, свесив ноги. Эйс сидела на полу.

— Мы вернём его, — сказала Бенни.

— Хм?

— Твоего египтянина.

— Ага.

— А какой он?

Эйс пожала плечами:

— Ничего особенного. Но он спас меня.

Какое-то время они молчали.

— Как думаешь, что он планирует?

— Хм?

— Доктор. Думаю, он что-то планирует, — сказала Бенни. — Согласно его великой традиции что-то планировать.

— И ничего нам об этом не рассказывать. Ага. Точно.

Каждый дюйм кожи Кадиату был покрыт зелёным веществом. Крохотные зелёные волокна: дёргающиеся, шевелящиеся... живые.

— Ты знаешь, что он делает?

— Нет. Знаю только, что он ожидал, что я дам ему те шарики. Вот почему он оставил их мне. Он сохранил план в случайном месте своей головы, а шарики — мнемоническое напоминание кода доступа.

Они ползли... ползли и ползли по ней, под ней и внутри. У неё был полный рот волокон. Если бы ей вздумалось кричать, ей пришлось бы кричать сквозь джунгли.

В её теле было полно того вируса. Эти щупальца должны были вянуть идохнуть. Но этого не происходило.

— Хитрый трюк.

— Да. Кадиату сказала тебе о своём плане?

— Она создавала вирус, чтобы убить Корабль. Она убила имплантат, который они в неё встроили.

— Ясно... вот почему за ней муравей пришёл. А они любят по всём ковыряться. Они и в Доктора имплантат встроили.

— Господи! Ты серьёзно?

— Вот почему он не хотел, чтобы ты ему рассказывала об этом.

Бенни осмотрела Эйс:

— А ты настоящая?

— Я да. Но мне кажется, что я поняла план Кадиату. Корабль её похищает, а она заражает его вирусом.

Бенни кивнула:

— Да, я тоже так думаю.

Шестеро муравьёв наблюдали за процессом. Она висела примерно в трёх метрах над полом, в центре извивающейся массы похожих друг на друга щупалец. Почему не получилось? И они делали что-то, делали что-то с ней, изменяли её...

Модифицировали!

«Я не машина!» — пыталась крикнуть она. — «Я не МАШИНА!»

— Это что-то вроде соревнования? — сказала Эйс. — Кто из них первым победит врага?

— Игры сейчас не уместны, — сказала Бенни.

— Ты права, — Эйс спрыгнула с прилавка. — Пойду посмотрю, чем он там занимается.

«Не машина, я не, я, не машина, я...»

Эйс приоткрыла дверь в лабораторию. Доктор сидел в позе лотоса и медитировал. Живой свет помещения придавал его лицу зелёный оттенок, подчёркивал напряжение.

Она не сразу поняла, что он висит в нескольких сантиметрах над землёй. Она осторожно закрыла дверь.

Через какое-то время Доктор понял, что сидит на холодном полу, оперев голову на руку. Он открыл глаза и помассировал пальцами лоб.

Это было всё, что он мог сделать. Теперь всё в руках Кадиату.

Почти беззвучно, лишь слегка сместив воздух, она материализовалась перед ним.

Он пришёл в движение, одновременно рассматривая её новый вид. На ней был комбинезон наёмника, длинные руки были голые. Ярко-зелёные линии шли вдоль её мышц, как жилки во мраморе. Один глаз у неё был ярко-зелёный, в тени лаборатории он казался почти люминесцентным.

Он перевернулся и вскочил на ноги. Она потянулась вниз, чтобы схватить его, двигаясь как молния, вцепилась пальцами в ткань, но он вывернулся из пиджака и побежал.

Быстро, быстрее человека, но недостаточно быстро.

Она догнала его у лестницы и схватила его за плечо, словно не рукой, а металлическим зажимом. Она развернула его.

Он всё ещё пытался вырваться, а она ударила его ребром ладони по левой ключице.

Он тотчас обмяк, лишь её хватка не давала ему упасть. Она обхватила его за талию и подняла на руки. Дверь в подвал начала медленно приоткрываться, затем быстрее, ещё быстрее — её мозг замедлялся до обычного времени. Силуэт: заходит Эйс.

Кадиату исчезла, оставив после себя лишь движение воздуха.

Эйс бросилась туда, где та только что стояла.

— Блин! — закричала она, споткнувшись на полу лаборатории.

За ней в дверь вошла Бенни.

— Что случилось?

— Они его забрали! Явилась Кадияту и забрала его! Она снова забрала его на тот корабль ужасов!

— Блин! — Бенни подняла пиджак Доктора. — Дважды блин! Не надо было нам его одного оставлять!

— Мы же думали, что они на одной стороне!

— Всё равно не надо было оставлять его.

— Они сделали... — говорила Эйс, скривившись от отвращения. — Они с ней что-то сделали. Она была... частично растительная.

— О боже. Они и с ним это сделают.

Эйс с отчаянием смотрела по сторонам:

— Эти штуки... Я воспользуюсь одной из этих штук.

Она пошла к стене и отсоединила прыгуна.

— Это сумасшествие!

— Я не...

— Я с тобой.

— Мне кажется, что он односторонний, — Эйс разбиралась с ремнями и щупальцами прыгуна.

— У него такой вид, словно на него Гигера стошнило, — сказала Бенни. — Ты уверена, что знаешь, как...

Когда прыгун сомкнулся на теле Эйс, обернув её своими щупальцами, её голова дёрнулась вверх. Она зарычала сквозь сомкнутые зубы. Бенни вцепилась в

странный организм, но тот висел на плечах Эйс крепко, словно рюкзак.

— Нет, нет, всё в порядке, — закашляла Эйс. Она немного помолчала, привыкая дышать в хватке существа.
— Оно должно так делать.

— Откуда ты знаешь?

— Оно мне так сказало.

Бенни посмотрела на неё с ужасом.

— Ты лучше оставайся тут на случай, если кто-то из них вернётся.

— Просто...

— Да и в любом случае, если это Кадиату, лучше отправиться мне, чем тебе, — Эйс вынула из-за пазухи пистолет-стреломёт, который она называла пистолетом Флэша Гордона.

— Не будь душой, ты же видела, как она двигается! Она генетически спроектированная, она, небось, знает сорок один способ убить тебя канцелярской скрепкой.

— Она не ожидает, что я полечу за ней, — сказала Эйс.
— И он тоже.

— Слушай, не стоит...

— Бенни, — сказала Эйс, — я это сделаю.

— Удачи, — слабым голосом сказала Бенни.

— Удача, — сказала Эйс, — тут абсолютно не при чём.

Глава 15

Боль / Комфорт

Вопрос: Что такое «бабах-шмяк, бабах-шмяк, бабах-шмяк, бабах-шмяк, бабах-шмяк, бабах-шмяк, бабах-шмяк, бабах-шмяк, бабах-шмяк, бабах-шмяк»?

Ответ: Повелитель времени совершает самоубийство.

Граффити на стене
Прайдонской Академии.

Доктор очнулся.

Его руки были связаны у него за спиной. Казалось, что электрическим проводом. Он лежал на полу в странной позе. На живом полу, солёном и растительном. На его плече остались синяки от пальцев Кадияту.

Он дёрнул плечами, пытаясь устроиться поудобнее. О... голени тоже связаны. Она решила не рисковать.

На нём была униформа. Грубая на ощупь серо-коричневая ткань.

О, нет.

Это ему всё приснилось?

Он прижался щекой к холодному полу. Он не покидал Корабль. Он не смог сбежать наружу, поэтому сбежал

вовнутрь. Спасение Эйс, встреча с Кадияту — всё это лишь жалкие фантазии.

А затем нервный узел в его плече ожил. Доктор подёргался в своих узах. Перед глазами у него вспыхивали светлые пятна.

Это с ним сделали после того, как он покинул Корабль.
После.

Это было в подвале Кадияту — они использовали шаттлы для транспортировки медицинского оборудования. Они имплантировали ему в нервный узел крохотное семечко, маленький осколок живого вещества Корабля. Живое существо росло, медленно оборачивало собой чувствительный нервный центр, высасывало из его крови сахар. А теперь оно было готово прорасти.

Он был готов заплакать от облегчения.

Перемещаться на прыгуне было так, словно тебя сквозь стену протащили. Но это было лучше, чем свободное падение сквозь Вихрь. Эйс, шатаясь, шла по неровному полу, машина на её груди содрогалась.

Эйс осмотрелась. Все части её тела были на своих местах. Она быстро осмотрелась, наводя пистолет в каждый уголок... тут не было углов. Это был большой изогнутый зал, на внутренней стене которого висели трубки люминесцентных ламп.

Пусто. Тихо. Нет. Словно звон колокольчика — капание воды.

Воздух был прохладный, как влажное облачко, обдувающее тебя, когда открываешь холодильник. О да, она тут уже была раньше.

Бенни нагнулась над Доктором, лихорадочно пытаюсь обратить его внимание на себя. Из его рта и носа медленно текла кровь. Его веки вздрогнули и закрылись.

Они собирались сделать с Доктором то же, что и с Кадияту. Ей нужно попасть туда. Ей нужно предотвратить это. Но в животе у неё по-прежнему была тяжесть. Не от прыжка сквозь эфир, а от понимания того, что она не сможет что-то предотвратить. Потому что он сам спланировал это.

Они с Бенни иногда шутили о том, что нужно перекрыть в ТАРДИС газ, чтобы он не попытался голову в духовку засунуть. Но она и сама бывала в этой темноте, и иногда думала, не слишком ли Доктор стар для надежды, быть может, в этот раз он всё-таки погибнет.

Она на мгновение закрыла глаза. Ощущение, которое было у неё в Египте, когда её вырвало на газон Седжета, это сумасшедшее ощущение возвращалось.

Она подошла к трубкам. Каждая из них была такого размера, чтобы вместить человека. В основании были органы управления губернацией, на удивление похожие на те, которые она видела на борту «Адмирала Рейстрика». Может быть, они в своих странствиях наткнулись на похожий корабль и позаимствовали технологию?

Первая проверенная ею трубка оказалась пустая, и следующая, и следующая. Должен же тут кто-то быть, он

был где-то тут, быть может, она сможет запустить машины, сможет спасти их...

Она поняла, что бежит вдоль загибающейся стены и кричит. Как долго?

Все трубки были пусты.

Она опоздала. Она не справилась. Она не спасла его.

Чёрный цветок боли раскрылся у неё в груди. Она начала сминать его, прятать подальше... нет, стоп, стоп...

Эйс села на пол, сделала несколько глубоких вдохов. Затем задержала дыхание, рука сжимала рукоять пистолета. Никто не услышал её крик и не пришёл, чтобы убить её. Или забрать на муравьиную ферму. О боже, она что, совсем расклеивается?

Корабль был пустой, потому что он всех уже обработал. Всех, кроме Доктора, сейчас его очередь.

Её пронзила боль. Она встала на ноги, скривившись, как пантера.

— Вы чудовища! — кричала она на стены. — Чудовища! Инопланетные монстры! Вы забрали Седжета, вы забрали Алана, вы забрали Джена, но Доктора вы не заберёте!

Доктор выбрался из своих пут и из своей камеры, он бежал. Его плечо пронзала боль, но эта боль его только подгоняла. Не было ни сигнализации, ни охранников, только Корабль и его изогнутые стены. Доктор чувствовал на себе их внимание, Корабль ощущал его, наблюдал за ним.

Это было как в тот жуткий момент на американских горках, перед переваливанием через первый пик, когда понимаешь, что уже слишком поздно, уже не слезешь. Ещё мгновение, и ты будешь падать, падать...

Тяжело дыша, он остановился у стены. План коридоров был не таким, каким он его помнил. Корабль перестроил себя; возможно, он перестраивал себя прямо сейчас, его внутренность превращалась в лабиринт, из которого не выбраться. Доктор представил себе, что слышит дыхание Корабля.

Несколько толстых зелёных лиан вырвались из стены и бросились на него. Он отпрянул. Лианы росли из живого вещества коридора, они размахивали во все стороны, слепо пытаясь нащупать его.

Он побежал, свернул в другой коридор, где свет был более красным, побежал в противоположную сторону. Он не знал, куда он бежит, ему просто нужно было бежать, бежать, бежать...

То, что было в его плече, сжалось.

Он свалился на ходу, упал на пружинистое вещество пола, прижал колени к груди, лицо стало белым как бумага. Он не шевелился. Он почти не дышал. Биение сердец было его единственным мучительным движением. Он хотел, чтобы и оно прекратилось.

Пока он там лежал, из стен тихо вырастали усики, они медленно оборачивались вокруг него, и в конце концов он полностью исчез в коконе из лиан.

Ни та, ни другая не сказали ни слова.

Когда Эйс вышла из холодного хранилища, её ждала Кадиату. Увидев африканку, Эйс тотчас же стала в положение для стрельбы. Она не решалась. Возможно, она не решалась потому, что уже лично убила триста девяносто девять разумных индивидуумов. Ещё один — и будет ровно четыреста. А может быть, она просто устала. Но что бы ни случилось, ей нужно было спасти Доктора.

Тело Кадиату продолжало пытаться переключиться на боевую скорость, её руки и ноги дёргались от срочной потребности двигаться, сражаться. Что бы ни случилось, нельзя позволить Эйс спасти Доктора.

Рука Кадиату, в которой был пистолет, резко прицелилась, и короткое расстояние между ними пронзила молния. Искры света посыпались из солнечного сплетения Эйс, и она упала на бок. Её волосы взметнулись, всё вокруг вертелось, её тело всё ещё пыталось уклониться от выстрела. Её пистолет выстрелил, усеяв стрелами стены и потолок.

Выстрел Кадиату должен был превратить её в облачко пара. Быть может, прицел африканки немного сбился?

Рука Кадиату резко опустилась на сорок пять градусов, наведя оружие на лежавшую на полу женщину.

Она лежала.

Она лежала.

Она лежала.

Кадиату развернулась и судорожной походкой ушла.

И ни одна, ни другая не сказали ни слова.

Доктор открыл глаза. Боль в его плече ослабла до тупой пульсации. Он неуклюже лежал на боку, запутавшийся в массе зелёных ростков.

Он попытался пошевелиться. Вокруг его рук, ног и груди были туго затянуты лианы. Одна лиана обхватила его горло, заставляя запрокинуть голову. У него на глазах длинная зелёная спираль обернулась вокруг его левого запястья.

Над ним кто-то стоял. Она была гладкая и белая, как фарфор. Но гораздо крепче. Ещё до того, как появилась Смерть, до того, как умерло первое существо на первой планете, она уже существовала, такая же неотъемлемая и невыносимая, как и её младшая сестра.

— Я пришла, — сказала Боль, — чтобы убедиться, что ты выполняешь обязательства нашего договора.

Это должно было быть больно.

Эйс сидела у стены и тяжело дышала. Её разум снова стал сосредоточенным. Она знала, что нужно сделать.

Несмотря на то, что её руки дрожали, она быстро нащупала боевую аптечку. Прыгун слез с неё по собственной инициативе, половина его щупальцев были похожи на обуглившиеся провода. Возможно, он умрёт.

Она расстегнула аптечку и левой рукой достала ручной сканер. Это был очень простой прибор, используемый в основном для сортировки раненых. Он определял, мёртв ли ты уже или умрёшь через какое-то время.

Итак, в неё с близкого расстояния выстрелили плазмой. Были обширные ожоги — наверное, второй степени — на правом боку и правой руке.

Она не должна быть в состоянии двигаться. Это должно было быть очень больно.

Сканер прописал два эндорфиновых инъекционных пластыря. Она прижала два пластыря к руке и на всякий случай добавила третий. Если не болит сейчас, будет болеть позже.

Трясущимися руками она вскрыла четвёртый пластырь и приклеила его к плечу. Повреждённые кровяные сосуды будут терять кровь, она не знала, насколько быстро это будет происходить, да и в любом случае переливание крови она получит лишь тогда, когда доберётся до не существующего медицинского учреждения. Пластырь должен предотвратить шок.

Она с трудом встала на ноги. Эндорфины уже плескались внутри неё, от них у неё было ощущение как во время боя или тренировки. Но они не могли полностью убрать жжение.

Пока она может ослаблять боль, с ней всё будет в порядке. Она просто должна продолжать двигаться, пока не найдёт Доктора.

Тяжело дыша, Николя ворвался в свой магазин. Бенни в этот момент спала лёжа на прилавке. Она проснулась так резко, что чуть не упала.

Они стояли по разные стороны прилавка и смотрели друг на друга.

— Всё, — сказал он. — Над Триумфальной Аркой развевается триколор. Всё кончено, всё кончено.

— Ладно, — недоверчиво сказала она.

— Где все?

— Сбежали, — зевнув, соврала она. — Похоже, остались только мы двое.

— Скоро вы останетесь одна. Я драпаю из Парижа, — он остановился, задумался, а затем удивлённо спросил: — Вас не подвезти?

Бенни покачала головой:

— Я должна дождаться здесь своих друзей.

— Как хотите, мадемуазель, но на Елисейские Поля скатывают бочки, чтобы строить баррикады. Сейчас там скорее ад, чем райские поля. Всё воняет нефтью. Я два раза сбегал от вербовщиков... Они разрывают улицы, вынимают камни из мостовой, чтобы строить баррикады.

— Я слышала пушки, — сказала Бенни. — Но я должна дождаться.

— Как хотите. Не знаю, что ваши друзья всё это время делали, к чему это всё было, да и всё равно мне. Я ухожу.

Корабль вёл Кадияту по коридорам, пока она не нашла Доктора, запелёнатого в спутанную зелёную массу. Нервы Корабля. На лианах сидела стайка бабочек-ремонтниц, они дёргали антеннами, не в силах добраться до повреждённой детали.

Его глаза распахнулись. Кадияту вздрогнула и отпрянула. Как будто это у неё были проблемы.

— Мне нечего тебе сказать, — сказал он.

Кадияту достала ручной сканер и медленно провела им над Доктором.

— Первым шагом было создание привратников — машин времени, которые были внешне похожи на людей. Мы вырастили их, используя куски ДНК настоящих людей и Корабля. Затем прыгуны, — она закрыла сканер и спрятала его. — А это третий шаг.

— Это такое старое клише, да? Если не будешь сопротивляться, то не будет больно.

— Ты меня слышишь? — она присела на пол напротив него.

— «Расслабься и получай удовольствие» — что за чушь!

— Ты помешал плану Корабля использовать привратников для стабилизации разломов. Он мог бы попробовать ещё раз. Но он понял, что у него есть возможность получить способность перемещаться в пространстве-времени.

— Где твоя сестра? Я думал, что придёт она.

Кадияту откинулась спиной на стену. Она была одна, а он её даже не слушал, он разговаривал с кем-то, кого тут не было.

— Посмотри, что они со мной сделали... — прошептала она.

— И не думай, что я тебя боюсь. Я для этого слишком хорошо тебя знаю.

— На твоём месте могла бы быть я. Или Бернис, или Эйс. Годится любой путешественник во времени. Но я убедила муравьёв в том, что ты — лучшая кандидатура. Ты

пересекал поля времени чаще любого из нас. Ты, возможно, самый опытный путешественник во времени во всей вселенной. Для того, чтобы Корабль получил доступ к этому опыту, ему достаточно установить тебя.

Лиана, обернувшись вокруг левого запястья Доктора, внезапно натянулась. Кончик лианы ткнулся в его кожу и разделился на более тонкие усики. Один за другим, они начали проникать в его тело. Он дёргался внутри своих зелёных пут, сотрясаясь от судорог, вызванных тем, что вещество Корабля начало сливаться с его нервной системой.

Лианы натянулись сильнее, удерживая его на месте. Погружающиеся в его запястье усики начали продвигаться вверх по нервам его руки. Его зубы были крепко сжаты, голова дёргалась из стороны в сторону. Он не кричал.

— Весь процесс займёт не больше часа, — сказала Кадиату.

Она что, утешала?

— Как только эта ткань доберётся до твоей центральной нервной системы, ты станешь неотделимой частью Корабля, — она посмотрела на свои руки, на тонкие зелёные линии, извивающиеся по её рукам. — И тогда мы сможем отправиться в любую часть пространства-времени. Куда угодно, — она вздохнула и сонным голосом сказала: — А я просто хочу домой.

— Щёлкни... каблуками, — прорычал Доктор.

Бабочки слетели с трясущихся лиан и неуверенно полетели по коридору прочь.

Эйс что-то слышала. Она не сразу поняла, что это: знакомый стонущий голос. Звук становился громче, а потом прервался. Боже. Какое-то мгновение она боялась сворачивать за угол.

Поначалу она не видела ничего, кроме большой кучи лиан: выходящего из стены коридора зелёного вещества, смотанного, как нитки. Оно дрожало, оно было живое. А затем она увидела там ладонь и кусок ткани. Она медленно обошла вокруг этой кучи на полу, а затем присела рядом с ней.

Там, глубоко в лианах, был Доктор. Его глаза были закрыты. Руки он прижал к груди, пальцы были скрючены. Один палец противно дёргался. С зачарованностью свидетеля автокатастрофы Эйс смотрела, как зелёное вещество на его запястье проталкивается вовнутрь.

Доктор сделал всё что мог, и у него не вышло. Корабль сделает его частью себя, а затем будет летать по всей Вселенной.

Он не должен умереть в одиночестве.

Она стояла молча и смотрела на него вдоль ствола стреломёта, который держала в левой руке. Проще всего было бы выстрелить в висок: он даже ничего не почувствует. Рука с пистолетом слегка дрожала.

Эйс не могла поверить тому, насколько она была спокойна. Это так чувствовал себя Доктор, когда взрывал Скаро, когда поймал Времяточца, когда позволил умереть Джелу?

Лёгким движением большого пальца она сняла пистолет с предохранителя.

Его глаза распахнулись. Они были ярко-зелёные, такого же цвета, как лианы вокруг него. Она вздрогнула, но он её не видел, его слепые глаза метались туда-сюда в поиске источника звука.

О боже. Рука Эйс качалась.

Подумай об этом. Дай себе десять секунд и стреляй.

Десять.

— Но есть три правила. Первое: я главный.

— Как скажешь, Профессор.

Девять.

— Убей её.

Восемь.

— Эйс. Вернись. Вернись домой.

— Что происходит со мной, Доктор?

— Всё в порядке, Эйс. Мы летим домой.

Семь.

— Ты такой умный, засранец. Я больше никогда не буду играть в твои игры... ты больше не будешь мной манипулировать.

Шесть.

— Второе: я не Профессор, я Доктор.

— Как скажешь.

Пять.

Она увидела в его глазах пронзительную Синеву, в её руке блестел обсидиановый нож. Он обнял её, как будто бы это ей была нужна защита, как будто бы это её приносили в жертву. А затем она ударила ножом вверх, в его грудь, и его ноги подкосились, и теперь уже она держала его в руках.

Четыре.

— А третье?

Три.

— Кричи, я спасу тебя позже.

Два.

— Пока долетим до Перивейла, придумаем и третье.

Один.

Нет.

Она не принесёт его в жертву.

Это было третье правило. Это оно. Это было *её* правило. Никто не заслуживает того, чтобы его принесли в жертву. Ни она, ни Джен.

— Этого не заслуживаешь даже ты, ублюдок, — громко сказала она и убрала пистолет.

Поразительно, но он заморгал, глядя на неё наполненными хлорофиллом глазами.

А затем он запрокинул голову и закричал.

Николя набил свой саквояж одеждой, деньгами и едой, которые были припрятаны в магазине в шкафу. Он подбежал к двери подвала, распахнул её и остановился перед странным зелёным светом и тепличным запахом.

— Ну что? — крикнул он. — Вы едете?

На нижних ступенях лестницы появилась англичанка.

— Вы уезжаете?

— Конечно! Я не собираюсь ждать, пока версальцы начнут вершить своё правосудие.

— Который сейчас час?

Николя оглянулся на висевшие на стене часы с кукушкой.

— Восемь утра. Уже сейчас тепло, будет жара.

— Ещё бы. Коммунары подожгут Париж, попытаюсь остановить этим продвижение войск. А версальцы будут стрелять по всему, что шевелится.

— Вы очень хорошо информированы.

— Да.

— Так поехали!

Бенни поднималась по лестнице.

— Вы знаете, что там внизу?

Николя покачал головой:

— Я думал, что это медицинская школа без лицензии.

Ей нужны были трупы для вскрытия.

— Сколько тел ты принёс сюда?

— Может быть, дюжину. А может, двадцать.

— Почему ты пытаешься спасти мне жизнь?

— Не понял?

— Скольких людей ты убил? Сколько ты за это получил денег?

Николя попятился от двери.

— Не хотите ехать со мной, — проревел он, — тогда оставайтесь и горите!

— Сколько, Николя? Если ты получал деньги, то какая разница, как они умирали, не так ли?

— Оставайтесь тут и горите!

Он взял саквояж и ушёл.

Бенни прислушивалась, пока не услышала стук копыт по мостовой.

— Я всё равно никуда не собиралась, — сказала она и пошла обратно в подвал.

Теперь Эйс тоже кричала, потому что Доктор дёргался в лианах, его вой из тенора перешёл в поразительно высокий визг. Она попыталась добраться до него, но растительная масса была слишком густой, она извивалась, пыталась схватить Эйс за руки.

Внезапно его крики прекратились. Его грудь вздымалась, изо рта вытекла тоненькая струйка крови. У Эйс болели уши, но единственным звуком было его отчаянное дыхание.

С хрустом из его плеча вырвался цветок. Она снова закричала: её забрызгало кровью. Цветок пророс чуть ниже левой ключицы Доктора.

Эйс нервным движением убрала с глаз слипшиеся волосы. Корни цветка уходили глубоко в его грудь, они обернулись вокруг нервного узла. «Только не вырви, не вырви, ты же видела вещи гораздо хуже этого. Разве нет?» Цветок ожил, пульсируя красным светом, его лепестки качались в такт двойному сердечному ритму Доктора. Это было реле связи между его центральной нервной системой и Кораблём.

А затем Корабль умер.

Коридор задрожал, его свет начал мерцать, как неисправная флуоресцентная лампа. Шёпот живого судна постепенно затих. Воздух словно загустел.

Тело Доктора безвольно висело в массе лиан. Под ним собиралась лужа крови. Цветок по-прежнему пульсировал, но уже неровно, а так же сбивчиво, как дыхание Доктора. Корабль умирал и забирал с собой свою последнюю деталь.

Эйс достала свой драконианский армейский нож, схватила пучок лиан и начала их пилить.

Он вскрикнул от боли, и она отпрыгнула назад.

— Нет, — прохрипел он. — Перережь корень... возле самой... стены!

Эйс залезла за кучу лиан, нашла уходивший в вещество стены общий толстый стебель, из которого росли они все. Он уже начал вянуть. Она разрезала его.

Теперь стало легко разрезать лианы. Опустившись на колени, она вытащила Доктора, приложив больше сил, чем требовалось. Он тяжело опёрся на неё.

— Ты цела? — спросил он.

Эйс рассмеялась бы, если бы её так сильно не тошнило. Его плечо было кровавой массой. Она взялась за мокрый, тёплый цветок, чтобы перерезать его стебель, но Доктор вставил между ножом и стеблем ладонь:

— Оставь его, — попросил он. — Просто оставь.

Глаза у него были всё ещё зелёные, всё ещё слепые, глазной нерв был забит растительной массой.

— Ты ранена, — ахнул он. — Нам нужно... убираться отсюда!

— Кадияту зажарила моего прыгуна.

— Значит, воспользуемся разломом.

— Как?

Раздался оглушительный треск, и пол под ними дёрнулся.

— Доктор, — сказала Эйс. — Мы умрём вместе?

— Не надо было тебе лететь за мной, — пробормотал он.

— Ну и ладно, — сказала она. — Думаю, мне понравится быть мёртвой. Мне не мешает отдых.

Глава 16

Сет, гейм, матч

Награждение Пурпурным Сердцем доказывает, что ты достаточно умён, чтобы придумать план, достаточно глуп, чтобы попробовать его реализовать, и достаточно везуч, чтобы выжить.

Фольклор Армии США.

Корабль покачнулся, как будто где-то вдали что-то взорвалось. Эйс и Доктора бросило на стену, и они не удержались на ногах. Несколько секунд они лежали на полу, ожидая, когда по умирающему судну пройдёт ещё одно сотрясение.

Одежда Эйс пропитывалась кровью Доктора. Её собственная боль была далёкой, как звук из не повешенной телефонной трубки, как большой серый звон у неё в затылке, который засасывал её. Она надеялась, что не умрёт внезапно, это было бы неудобно.

Они помогли друг другу встать. Споткнувшись, Эйс засмеялась.

— Я потянула ногу, — сказала она.

Холодное хранилище. Под ногами у них хрустели бабочки-ремонтницы. Вспыхнул ослепительный свет разлома. Одна из стеклянных стен рассыпалась, впустив в помещение неотфильтрованное излучение.

— Мы сможем пройти через это без защитных силовых полей? — спросила Эйс.

Слепые глаза Доктора были наполовину прикрыты.

— Где... управление?

Хромая, она подвела его к панели в стене. Управление представляло собой массу трубочек и выступов, которые холодно пульсировали. Он протянул руку и провёл по ним кончиками пальцев.

— Тут где-то, наверное, мой боевой костюм, — сказала Эйс.

— В хранилище, — сказал Доктор. — Нет времени.

— Тогда к чёрту его.

Доктор что-то делал с управлением.

— Мощности достаточно?.. Надеюсь... — кашлял он.

Внезапно он повернулся. Голова Эйс повернулась на мгновение позже.

— Это?..

— Это Кадияту, — ровным голосом сказала Эйс. — У неё в руке бластер.

Доктор протянул дрожащую руку к Кадияту.

— Нам нужна твоя помощь.

Лицо Кадияту дёрнулось, словно за нити тянули два разных кукловода.

— Стань! — попыталась она заговорить. Её рука резко поднялась.

— Её захватил Корабль, — сказала Эйс.

— Сопrotивляйся, — выдохнул Доктор. — Он начал умирать, ты можешь ему сопротивляться.

Рука Кадиату размахивала из стороны в сторону, пытаясь навести оружие на них, пытаясь выстрелить в органы управления, в стену, хоть куда-нибудь.

Когда из пистолета вырвался плазменный шар, Эйс вздрогнула. Но пространство вокруг внезапно наполнилось ревущим светом, ослепительным звуком. В прозрачном экране, удерживавшем разлом, появилась проплавленная дыра.

Эйс отошла от Доктора. Нужно дать Кадиату подвижную цель.

— Ну же, сука! — крикнула она, размахивая рукой. У неё в боку появилась жгучая боль. — На чьей ты стороне? Ну же!

Зелёные глаза Кадиату метались туда-сюда, отслеживая движения Эйс. Эйс рискнула посмотреть в сторону, на Доктора. Он всё ещё делал что-то на панели управления.

Кадиату шла к Эйс. Её лицо было искажено ужасом и яростью.

— Ну же! — снова крикнула Эйс, приближаясь к разлому. — Давай, убей меня!

— Между! — вскрикнула Кадиату.

Эйс поняла.

Она стала между разломом и Кадиату.

С нечеловеческим рёвом Кадиату побежала на неё.

В последний момент Эйс отскочила в сторону, и прыгнувшая на неё Кадиату пролетела в дыру и исчезла в свете.

Эйс пыталась подняться, царапалась на стену, скреблась по неровной поверхности, пока не встала.

— Её нет, — сказала Эйс. — Она прыгнула.

— Не стабилизировано, — сказал Доктор. — ...может... где угодно! Надеюсь, у неё будет мягкая посадка. Жалко мы не могли... — он резко кашлянул.

— Ничего, — сказала Эйс. — Всех нам не спасти.

— Никогда... — его голос не слушался его. — Спасибо за...

— Давай убираться отсюда.

Внезапно нахлынула энергия. Она осветила подвал, и Бенни вскочила на ноги... В подвале стало пусто. Бенни заморгала, чтобы пропали пятна перед глазами.

Доктор и Эйс резко остановились. Они вцепились друг в друга в виде шаткой буквы «А». Они оба были в крови, в оранжево-красной, особенно Доктор. Увидев растущий из его плеча цветок, Бенни прикрыла рот рукой.

Он посмотрел на неё ужасными зелёными глазами.

— Бенни, — прохрипел он, — Эйс ранена.

Он тут же рухнул, Эйс попыталась его удержать. Не в силах держать его, она упала вместе с ним.

Бенни тут же подбежала к ним и уложила Доктора на каменный пол. Окровавленными пальцами он схватил её за руку. Эйс, стоя на коленях, взяла его за другую руку.

— «Прощай», — кашлянул он. — «Прощай», — сказал умирающий зеркалу, — «больше мы не увидимся»...

Затем он перестал дышать.

Бенни на мгновение пересеклась взглядом с Эйс. Та согнулась от боли, прижав его безвольную руку к своему сердцу.

Эйс сидела скрестив ноги и смотрела на цветок. Он дёргался, начал вянуть и вдруг стал абсолютно серым. Она нагнулась и выдернула дохлую штуку из его плеча. Корни вышли легко, безвольно обвисли, мокрые от крови.

Почти в тот же миг Доктор закашлял и глубоко вдохнул.

— Так я и думала, — слабым голосом сказала Эйс.

Веки Доктора задрожали и раскрылись. Его глаза снова становились голубыми.

— До чего же так лучше, — вздохнул он.

Сознание Корабля представляло собой беспорядочный набор кусков тысяч украденных разумов. По мере того, как живое судно умирало, его коллекция хлама распадалась.

Было воспоминание Седжета о виде с вершины Великой Пирамиды, выпутавшееся из узла группового сознания Корабля.

Был страх мисс Кохен перед гиперпространством — острый эмоциональный осколок, отщепившийся от гештальта.

Хлам высыпался из чулана Корабля всё быстрее и быстрее. Там были воспоминания о детстве, и о битве, и о сексе, чей-то талант играть на арфе, чья-то любовь к шоколаду, чья-то вера в своего бога и чья-то вера в научный метод. Солнечный день, плюшевый мишка, потолок в больнице, свадьба дракониан, школьная игра,

танцевальный ритуал Ши'вод, луковый суп. Избранные моменты человечества и сотни других видов улетали в Вихрь, как светящиеся полосы.

Неровные, сломанные остатки Корабля завертелись, содрогнулись, лопнули, как воздушный шарик, и улетели в небытие.

Глава 17

Воин уходит

Занятие героизмом сопряжено с одной из самых коротких продолжительностей жизни.

Уилл Роджерс, 1925 г.

Бенни всю ночь просидела на крыше, наблюдая за тем, как Париж раздирает себя на части. Она решила, что кто-то должен караулить.

Она жалела, что не знает названия этих зданий. Огромные дворцы, музеи, библиотеки — все пылали, одно за другим, от них поднимались огромные столбы дыма, расползаясь в вышине и закрывая собой яркие звёзды.

Около часа ночи купол одного из зданий снесло взрывом, грохот при этом был сильнее, чем от пушек и ядер. Дом Николя, слава богу, был вдали, но бои постепенно расползались по всему городу.

Скоро им придётся убираться отсюда. Доктор сказал, что Эйс нельзя переносить, пока инъекция нанитов, которую он ей сделал, не завершит своё дело. Николя давно уже стащил свою кровать вниз, в кладовую. ТАРДИС материализовалась рядом с ней, её притянули те же самые импульсы, из-за которых она следовала за Эйс в Древний Египет.

Они принесли из ТАРДИС набор первой медицинской помощи, и Бенни перевязала Доктору плечо, плотно прижав его руку к туловищу. Синяк на его лице постепенно сходил. Несмотря на рваную рану на его ключице, он чувствовал себя на удивление неплохо. Состояние Эйс было намного хуже.

— Наниты могут регенерировать потерянную конечность, — сказал он, аккуратно прижимая к запястью Эйс инъекционный спрей. — Они используют ДНК пациента как шаблон для выращивания повреждённой ткани заново и устранения из раны инородных материалов и организмов.

— Ей будет больно? — спросила Бенни, заботливо натягивая на бесчувственную девушку одеяла.

— Полностью этого не избежать, — сказал он, откладывая в сторону спрей. — Повелители времени мало заботятся о боли, им её чувствовать не обязательно. Процесс рискованный, потому что очень быстрый, но это даст наилучший шанс.

— Если не убьёт, то вылечит.

— Можно и так сказать.

— Это был очень глупый план.

Он посмотрел на неё, теребя в руках инъекционный спрей.

— Она не должна была идти за мной.

— Нет. Я имела в виду, что он с самого начала был глупый.

— Кадияту думала убить Корабль вирусом. Я это уже пробовал, Корабль был слишком сильный, иначе он бы не

пережил падение в разлом. Мне нужно было получить доступ к его центральной нервной системе. А для этого он должен был получить доступ к моей.

— Это поэтому Кадияту забрала тебя на корабль?

Он кивнул:

— Ей это было велено, но она знала, что у меня что-то припасено в рукаве. Она была ещё не готова к такому. Ей нужно было предоставить это мне.

— Если бы не Эйс, ты бы умер.

— Я знаю. И это было бы не впервые, — его руки сильно сжали спрей. — Кадияту получила то, чего хотела. Она может переместиться в любое место, в любое время. Надеюсь, мы с ней ещё встретимся, мне бы хотелось поговорить с ней как следует.

— Вы были слишком заняты попытками перехитрить друг друга.

Доктор покачал головой:

— Корабль всегда подслушивал.

— Вам нужно было объединиться.

— Может быть, в другой раз мы так и сделаем. Проблема с простыми выходами в том, что они заминированы.

— Кто это тебе сказал?

Он протянул руку и убрал со лба Эйс прядь волос.

— Она.

Смерть.

Когда умираешь, можно ничего не делать.

Эйс обнаружила, что справляться со смертью гораздо проще, чем ожидала. Во-первых, она так устала, что лежать неподвижно было приятно. Во-вторых, её так накачали военными эндорфинами, что она могла бы улететь на Эверест.

Она слабо осознавала, что её телу очень больно. Справа на ней было пятно жара, местами был зуд. При такой степени накачанности медикаментами она не могла понять, что это — небольшие ушибы или оторванные части тела.

Да и не имело это никакого значения. Они задействовали все инъекции, трансплантаты кожи и прочее, в том числе укол, который должен был усилить маленькие машины, которые жили в её крови, но этого всего не хватит. Поэтому она просто лежала, позволяя своему бреду демонстрировать ей всё, что ему заблагорассудится.

В одном из своих ранних воспоминаний она выбрала из нескольких котят чёрного, пошутила, что он слишком много спит, и поставила его на ноги. Тот мягко завалился на бок. Она закричала и побежала к отцу.

Её отец тоже умер. Это у неё явно наследственное.

Она была слишком низенькой, чтобы заглянуть на кровать, но она помнила больничный запах, цвет полуденного солнца, тихий звук его натужного дыхания. Внезапную тишину. Она с криком выбежала из палаты к матери, она кричала, чтобы не было тишины.

Она помнила, как лежала простуженная в постели и прислушивалась к собственному сердцу, понимая, что оно может остановиться точно так же, как остановилось сердце

её отца. Мама заставила её лежать в постели, а сейчас мама была внизу и с кем-то ссорилась. По всему полу были разбросаны кусочки паззла.

— Папа, — всхлипывала маленькая Дороти. — Папа.

— Я тут, — сказал голос, и её руку взяла другая рука, а ещё одна рука убрала с её лица мокрую от пота прядь волос.

Прохлада вошла в её тело, сладкая пустота: боль прошла.

— Папа, — снова сказала она.

— Я тут.

Маленькая Дороти нашла недостающие кусочки паззла и сложила их вместе. Счастливая картинка, счастливая семья. Держась за папину руку, она устроилась под одеялом поудобнее и заснула.

Бернис нашла их утром: Эйс медленно и размеренно дышала, её тело исцелялось, а Доктор спал рядом с ней; они держались за руки поверх одеяла.

Когда Эйс проснулась, жжения уже не было, ни внутри, ни снаружи.

Доктор сидел на краю постели, на нём были странные очки, он читал маленькую книжку. С неё свисал кусочек красной ленты. Увидев, что она проснулась, он осторожно вложил в книгу ленточку и закрыл.

— Как ты себя чувствуешь?

— В здравом уме, — сказала она.

— Хорошо, тогда уезжаем, — он спрятал книгу в карман.

— Доктор, я...

Он резко поднял руку:

— Сегодня — я не знаю точно, когда именно — всё это здание будет гореть, женщин на улицах будут расстреливать без разбора.

Эйс вставала с постели:

— Мы должны...

— Эйс, — оживлённо сказал Доктор, — нет времени. Бенни уже в ТАРДИС, пойдём.

— Доктор, я...

— Нет, нет, не...

— Но ты...

— Просто...

Они замолчали и долго смотрели друг на друга.

— Возьми себе, — сказал Доктор и протянул ей книгу.

— Это твой пятисотлетний дневник, — сказала Эйс.

— Я начну новый, — сказал он.

Они неловко обнялись. Эйс закрыла глаза, стараясь отпечатать в мозгу воспоминание о нём, чтобы никогда не забыть ткань его пиджака, мягкий инопланетный запах его волос.

— Иди и не останавливайся, — прошептала она. — Ни ради чего не останавливайся.

Медленно, очень медленно он отпустил её. Медленно, очень медленно он отвернулся и ушёл в ТАРДИС.

Секунду спустя выбежала Бенни с сумкой из джинсовой ткани.

— Ты остаёшься?! Ты с ума сошла! У тебя даже зубной щётки нет!

Эйс спрянула в кармане куртки дневник Доктора.

— Я справилась с Древним Египтом, справлюсь и с Парижем. В детстве я всегда хотела побывать в Париже 1880-ых, — она усмехнулась. — Прикиды тут клёвые!

— Вы не поссорились? Он что-то сделал или сказал?

— Нет, — засмеялась Эйс. — Ничего такого.

— Ты не можешь остаться, — сказала Бенни. — Ты не можешь остаться тут! Тебя убьют.

— Я не могу улететь и позволить убить всех этих людей.

— Но ты не можешь изменить историю.

— Я не хочу её изменить, я просто хочу быть её частью.

— Но Коммуне вот-вот придёт конец. Какой смысл?

— Бенни, — сказала Эйс, — а в чём смысл чего бы то ни было? Все, кого мы спасаем, потом всё равно умирают. Вся Вселенная рано или поздно умрёт.

Она увидела, что Бенни... не то что бы отпрянула, но сильно поразила. Это уже не та девочка, подумала та, увидев в глазах Эйс что-то от Доктора.

— Я не могу остановить версальцев, но я могу облегчить чьи-то страдания и спасти несколько жизней. Я уже договорилась с Женским Батальоном.

— Зачем оставаться и быть солдатом? — тихо спросила Бенни.

— Нет, нет. Я не часть ни чьей машины, — она сложила руки, внезапно почувствовав неловкость. — Доктор однажды рассказывал мне о генерале, который пытался сделать солдат из царских наложниц.

— Сунь Цзы?

— О, ты её тоже слышала. Ну, короче, я вроде как поняла, зачем он мне это рассказал. Я больше не слушаюсь ни чьих приказов. Я хочу сражаться за то, во что я сама верю. Именно этим занимаются эти люди.

— Они будут делать ужасные вещи, — сказала Бенни.
— Они уже поджигают город. Тебя убьют.

— Всё будет хорошо. Эй, я же выжила на Небесах, на Оллерице, на Белиале, на Пеладоне, на Антихоне. Я даже в Перивейле выжила.

Внезапно она обе рассмеялись, они смеялись как сёстры.

— Немного вещей, — сказала Бенни, давая Эйс сумку.
— Просто немного одежды и вещей, Эйс.

— На самом деле я Дороти, — Эйс опустила сумку на кровать. — Но всё равно спасибо.

— Боже мой! Поверить не могу, что ты оставляешь нас!

— Эй, — сказала Эйс. — Я привыкла справляться одна, пока была в Египте. Кроме того, дело не только в Коммуне. Разломы нельзя починить. Кто-то должен остаться и приглядывать за ними.

— Как ты собираешься это делать?

Эйс широко улыбнулась:

— Тут полный подвал машин времени.

Бенни тоже улыбнулась, несмотря на комок в горле:

— Береги себя. Я постараюсь присмотреть за ним. Ему нужен кто-то, кто присматривает за ним.

— Ты думаешь? — сказала Эйс и покачала головой. — Не позволяй ему пудрить тебе мозги.

— Не впутывайся в слишком много опасных связей, ладно?

Они взялись за руки.

— Береги свою задницу, Саммерфилд. Это суровая вселенная.

— Когда по ней носишься ты, — сказала Бенни, — ей приходится быть, чтобы выжить.

Доктор стоял в ярком свете консольного помещения. Лицо у него было мрачным.

— Я знал, что она останется.

Бенни хлюпнула носом:

— Ученик чародея. Кому-то нужно приглядывать за разломами. Кому-то, кто повидал вселенную. Земле нужен защитник.

— Нет, — сказал он. — Я знал, что она в конечном итоге окажется здесь, всё время знал. Я проследил её семейное дерево задолго до того, как мы отправились в Уитби.

— Напомни мне, — устало сказала Бенни, лежа руку ему на плечи, — чтобы я никогда не пыталась приготовить тебе сюрприз.

— С ней всё будет хорошо?

— Я никогда раньше не видела, чтобы ей было так хорошо.

Он пожал раненым плечом и скривился:

— Думаю, рана быстро заживёт.

— Наверное, да.

Глава 18

Новые приключения

Ненавижу цитаты.

Ральф Уолдо Эмерсон, май 1849 г.

Место: Париж

Дата: 5 октября 1815 г.

Возраст Эйс: двадцать восемь лет

Барону Доминику Вивану Денону было шестьдесят восемь лет. И в данный момент он чувствовал каждую минуту этих шестидесяти восьми лет. Он писал заявление об отставке с поста генерального директора Императорского Музея.

Им удавалось оберегать Лувр от британцев на протяжении нескольких месяцев. Он писал письма протеста и лично давал отпор солдатам, появлявшимся на ступенях музея. В конце концов Веллингтон отправил подполковника с приказом Денону сдать предметы искусства, которые он так долго хранил.

Ха! Он высказал этому англичанину всё, что он о нём думал. У него было двадцать пять солдат и приказ оборонять музей до последнего, и именно это он и собирался сделать.

Даже сейчас ему казалось, что ему для спасения своей коллекции нужно было сделать больше. У него сердце

разрывалось от мысли о том, что её разбросает по всей Европе или её переправят в Англию, во славу Империи. Ему доводилось быть перед лицом большей опасности, чем гренадёры, пускай даже с примкнутыми штыками. Он не дал сжечь картины Лувра самому Наполеону. Он выжил во время эпохи Террора и во время завоевания Египта. Да что там, вместе с мадемуазель Саммерфилд они дали отпор гораздо более опасным головорезам, чем заносчивые английские солдаты.

Он улыбнулся этим старым воспоминаниям. Что же случилось с этой женщиной? Наверняка что-то экстраординарное, что-то волшебное. Он надеялся, что у неё сейчас где-то до сих пор какие-нибудь приключения. Ему же осталось лишь с достоинством состариться.

В дверь постучали.

— Да?

— К вам пришла какая-то девушка, — сказала его домработница, почти без удивления в голосе. — Кажется, англичанка.

— Хорошо, — сказал Денон, откладывая в сторону недописанное письмо. — Впустите её.

Он не был знаком с этой женщиной... нет. Её лицо казалось ему знакомым, но он не мог вспомнить, где он мог её видеть. Да и вообще он не чувствовал особого расположения к англичанам.

— Чего вам угодно, мадемуазель?

— Ну, — она говорила по-французски с лондонским акцентом, — я просто решила сообщить вам, что с Бернис всё в порядке.

Он не сразу понял, о чём она говорит.

— Мадемуазель Саммерфилд?

— Да. Она сказала, что ей пришлось вас покинуть не попрощавшись.

— Ну надо же, — сказал Денон. — Садитесь, пожалуйста. Откуда вы её знаете?

— Это очень сложно. Я знаю, что она не могла вам почти ничего рассказать о том, откуда она и кто она такая. Но я знаю, что без вашей помощи она бы умерла... или оказалась бы без возможности вернуться к своим друзьям.

Денон слегка склонил голову:

— У меня такое чувство, что я вас где-то уже видел.

— Веллингтон забрал из Лувра написанную с меня картину. В конечном итоге она окажется на стене Виндзорского замка.

У Денона слегка приоткрылся рот.

— «Девушка с цветком»? — сказал он. — Но она была написана в прошлом веке!

Она улыбнулась и приложила палец к губам.

— Я хотела сообщить вам, что несмотря на то, что коллекция разделена на части и рассеется по всему миру, сами предметы искусства сохранятся. Та картина через сто пятьдесят лет всё ещё будет висеть в Виндзоре.

— Ну надо же, — снова тихо сказал Денон. Он покачал головой. — Вы и мадемуазель Саммерфилд как будто умеете видеть будущее.

— И прошлое, — улыбнулась гостья. — Я предсказываю, что вы откроете знаменитую студию, мсье Денон, и что люди будут становиться в очередь ради того,

что бы увидеть вашу коллекцию древностей и предметов искусства.

— Но именно об этом я и думал, это и собирался сделать. Когда мне было семнадцать лет, цыганка сказала мне, что я буду любим женщинами, что надо мной будет сиять счастливая звезда. Быть может, она тоже могла видеть будущее; два из её предсказаний определённо сбылись. Но сейчас мой драгоценный Лувр растаскивают британцы, и я не смог помешать этому.

— О вас не забудут, — сказала женщина. — Помните об этом.

Денон глубоко вздохнул.

— В конце концов, — сказал он, — это всё, на что может надеяться любой из нас.

Место: Глиб, Сидней

Дата: 14 июля 1993 г.

Возраст Эйс: тридцать семь лет.

— Что же, — сказал Доктор, — если бы не твоё своевременное появление, население Земли было бы уничтожено вольтранской чумой.

— Очко в пользу хороших, — засмеялась Дороти. — Впрочем, я думаю, что ты бы через какое-то время смог сбежать из того размерностного пузыря.

— Сфера Кляйна, — сказал он, — твёрдая изнутри, невидимая снаружи, так что в неё можно зайти даже не заметив её. Гадкая ловушка, типичная для вольтранов.

Она допила водку с колой. Кафе было в точности таким, каким она его видела на нескольких других планетах.

— Теперь, когда их нет, — сказала она, — хорошо, что есть возможность поболтать с тобой.

— Как там граф Сорин?

— Мы часто с ним видимся.

— Вы поженитесь?

— Вряд ли. Чёртовы законы просто нелепые. Я много сотрудничаю с суффражистками.

— Это, должно быть, очень интересно.

— Я очень оптимистична, — она улыбнулась. — Я проверяла диапазон действия прыгунов. Похоже, я могу смещаться только в пределах ста лет в каждую сторону.

— Этого достаточно для того, чтобы присматривать за парижским разломом. Он много хлопот доставляет?

— Не очень. Какие-то жуки свалились в 1850-ых, ничего серьёзного. Когда я похвасталась им, что знакома с тобой, они жутко перепугались, собрали свои вещи и улетели.

Доктор засмеялся:

— О боже, ну у меня и репутация! Чем ты ещё занималась?

— Вернулась на Бостонское Чаепитие. Поплавала немного с Чжэн И Сяо.

— Угу. Ты, должно быть, и сама уже репутацию имеешь. Кадияту не встречала?

Эйс покачала головой:

— Я надеялась, что она каким-то образом со мной свяжется. Она же всё ещё где-то там, да?

— Я надеюсь на это, — серьёзно сказал Доктор. — Я очень надеюсь.

— Я залетала аж в 2002 год. Навестила Кристиана и Бена.

— И как они?

— Отец и сын хорошо поживают. Думала, не навестить ли мне Манишу.

— О.

— Но не стала, — она плотно закрыла глаза. — Я не смогла.

— Потому что ты видела, как это произошло.

— И потому что знаю, что так не будет лучше. Иначе ты бы не отпустил меня бродить по вселенной. Как ты это выдерживаешь?

Он лишь покачал головой, вертя в руках стакан.

— Но я устроила так, что дальше по улице полицейская машина стояла, — она с усилием улыбнулась. — Они поймали троих парней, которые это сделали.

— А.

— Похоже, континуум это не уничтожило, — Эйс вздохнула. — Я видела себя. Я видела себя маленькую, плакавшую у её дома. Потому что я её не спасла. Я хотела обнять себя. Наверное, у меня в конце концов будут какие-то дети. Я бы хотела выйти замуж за кого-нибудь вроде тебя, Профессор.

— О?

— Только покрасивее.

— О.

Она широко улыбнулась и коснулась пальцем кончика его носа.

Место: Париж

Дата: 28 мая 1871 г.

Возраст Эйс: Двадцать шесть лет.

Она видела, как женщину застрелили за то, что она размахивала перед врагом красным флагом.

Она видела, как шестерых детей расстреляли из-за подозрений в поджигательстве, их тела бросили гнить на улицах вместе с остальными. Она успела застрелить сделавшего это солдата раньше, чем тот успел застрелить седьмого.

Она пряталась за бочкой с песком, стреляя по врагу по очереди с перепуганным молодым человеком, удерживая наступление, чтобы женщины и дети успели спастись.

Она вырвала банку с нефтью из рук обезумевшего коммунара, направлявшегося к роддому.

Она видела, как маркиз, сторонник Версаля, выбирал пленных, чьи лица ему не нравились, и приказывал расстрелять их на месте.

А сейчас она скрывалась за баррикадой на улице Рампоно. Было утро, в воздухе было полно дыма. Все остальные погибли.

Солдат выпрыгнул из укрытия, держа наготове ружьё. Почти не задумываясь, она прострелила ему руку и снова спряталась.

Пять минут.

Пока что коммунары потеряли, наверное, около трёх тысяч бойцов. Это значит, что в течение следующих нескольких дней погибнут ещё двадцать две тысячи человек.

Она выстрелила над головой ещё одного версальца. Он не понял намёка, поэтому она прицелилась и сбила с него шляпу. «Та, которая сомневается под огнём, обычно *не* оказывается пристреленной».

Она сражалась с Женским Батальоном, медленно отступая по бульвару де Клиши, всё дальше и дальше, пока большинство выживших не сдались у площади Пигаль.

Десять минут.

Они замедлили наступление, дали время людям скрыться, уйти из города. Ей никогда не узнать, сколько жизней она спасла. Это число затерялось бы на фоне той резни, которая вот-вот начнётся. Бог знает, сколько будет сирот и вдов, о которых нужно будет позаботиться, сколько придётся отстраивать.

Пятнадцать минут.

Она сделала последний выстрел и поняла, что у неё кончились патроны. Она сделала всё, что могла.

Последняя защитница Парижской Коммуны слезла с баррикады и спокойно ушла.

Послесловие

Софи Олдред⁷

И напоследок...

Отдыхитесь немного: путешествия во времени в духе Кейт Орман могут утомить. Итак, вы удобно сидите? Тогда я закончу.

Правда ведь, у времени есть привычка делать странные вещи? Пять лет прошло с тех пор, как Доктор и Эйс покинули экраны и отправились на чаепитие на небесах; четыре года с тех пор, как ТАРДИС материализовалась в Месопотамии, и Джон Пил попросил меня написать вступление для первой книги «Новых приключений».

Тогда у меня было ощущение, что мне нельзя покидать семью «Доктора Кто», и несмотря на то, что теперь приключения Эйс закончились и на видеолентах, и на бумаге, я ещё сильнее, чем когда-либо, чувствую, что моя связь с «Доктор Кто» — на всю жизнь. Мне не убежать от Эйс, даже если бы я этого хотела, а я не хочу.

Люди спрашивают меня о том, каково мне читать об Эйс в «Новых приключениях». Это всё равно как стоять в толпе на платформе метро и в окне проносящегося мимо поезда мельком заметить кого-то, кто был тебе когда-то

⁷ Актриса, сыгравшая Эйс на экране.

очень дорог. И он всё дальше, дальше... Потому что снова пришло время жить дальше.

Часть меня ненавидит расставания, а с Эйс я расстаюсь уже во второй раз. И это напоминает мне о том дне в октябре 1990 года, когда в помещении для репетиций на ВВС меня позвали к телефону, и в трубке я услышала голос Сильвестра.

«Ты сидишь?» — спросил он. — «У меня плохие новости. «Доктор Кто» отменили». С таким же успехом он мог бы сказать мне, что отменили следующий год. Я сдержала свои чувства и вернулась на репетицию песен и танцев, приберегая слёзы до того момента, когда буду одна.

И вот снова прощание, и теперь я уже должна быть к нему привычной. Кейт нас порадовала. Здесь мы видим такую Эйс, которую я бы с удовольствием сыграла на экране: она старше, мудрее, со шрамами, но всё такая же задира. И в этот раз у меня комок в горле из-за того, что отношениям Доктора и Эйс пришёл конец; конец, который здесь описан так трогательно; он здесь именно такой, каким бы мне хотелось видеть его в телесериале. Большое спасибо всем писателям «Новых приключений» за то, что они отправляли Эйс в новые места, а также всем фанатам Эйс за то, что они отправлялись за ней до конца времён и обратно. Да, пришло время остановиться, хватит уже обзывать Доктора «Профессором». Итак... Вот и всё, ребята. Или не всё? «Время покажет; с ним всегда так».